

2025
N 3 (73)

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

16+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

КОКОРИН Д.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

KOKORIN D.L.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЛЕТАЕВА Е.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

LETAEVA E.A.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации, почетный работник
высшего профессионального образования
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Scientist of the Russian Federation,
Honorary Worker of Higher Professional
Education of the Russian Federation
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, доцент,
Сибирский федеральный университет

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Siberian Federal University

ГЕРАСИМЕНКО Ю.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
Уполномоченный по защите прав
предпринимателей в Омской области

GERASIMENKO Yu.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Lawyer of the Russian Federation,
Business Rights Commissioner in the Omsk region

ГРЕЧКИНА О.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

GRECHKINA O.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

ГРИШКО А.Я.,
доктор юридических наук, профессор,
Рязанский государственный
университет им. С.А. Есенина

GRISHKO A.Ya.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Ryazan State University named after S.A. Yesenin

ИЛЬЯШЕНКО А.Н.,
доктор юридических наук, профессор,
Кубанский государственный университет

IL'YASHENKO A.N.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Kuban State University

КОМИССАРОВА Е.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

KOMISSAROVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Worker of Higher School
of the Russian Federation,
Perm State National Research University

ЛИПИНСКИЙ Д.А.,
доктор юридических наук, профессор,
Тольяттинский государственный университет

LIPINSKIY D.A.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Togliatti State University

МАЙОРОВ В.И.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Тольяттинский государственный университет

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Scientist of the Russian Federation,
Togliatti State University

НЕЗНАМОВА З.А.,
доктор юридических наук, профессор,
Уральский государственный
юридический университет
имени В.Ф. Яковлева

NEZNAMOVA Z.A.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Ural State Law University
named after V.F. Yakovlev

СЕРГЕЕВ А.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
Челябинский государственный университет

SERGEEV A.B.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Chelyabinsk State University

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg Law Institute (Branch)
of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation

ШРУБ М.П.,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт повышения квалификации
и переподготовки Следственного комитета
Республики Беларусь

SHRUB M.P.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Advanced training and retraining Institute
of the Investigating Committee
of the Republic of Belarus (Belarus)

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский
университет МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

**Ответственность за содержание
материалов несут авторы статей.**

**Мнение редакции журнала может
не совпадать с точкой зрения авторов
публикаций.**

**Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов
и изданий (категория 2 (K2)
по научным специальностям:**

**5.1.1. Теоретико-исторические правовые
науки; 5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки;
5.1.4. Уголовно-правовые науки**

Партнеры:

Международная ассоциация
содействия правосудию;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:

International Union of Assistance to Justice;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:

625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

**Address of the Editorial Board, Publisher
and Printing House:**

Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ N ФС77-79556 от 07.12.2020 г.

Редакторы: Е.В. Карнаухова, Е.А. Пыжова.

Технический редактор: А.В. Ковальская.

Перевод на английский язык: Ю.А. Никонова.

Подписано в печать 19.09.2025. Дата выхода в свет 30.09.2025.

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 11,8. Уч.-изд. л. 11,0.

Тираж 300 экз. Заказ N 014. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2025.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

ПЛЕТНИКОВ В.С., АНТОНЕНКО М.С.
Образ гражданина в профессиональной
деятельности прокурорского работника:
идеальная и реальная модели

6

Section 1. Methodology of law enforcement activities

PLETNIKOV V.S., ANTONENKO M.S. Image
of a citizen in the prosecutor's professional
activities: ideal and real models

Раздел 2. Юридическая конституциология

КИРЕЕВ В.В. Проблемы обеспечения единства
Конституции Российской Федерации
и неправовых регуляторов общественных
отношений

14

Section 2. Legal constitutionology

KIREEV V.V. Problems of ensuring
the unity of the Constitution of the
Russian Federation and non-legal
regulators of public relations

Раздел 3. Административное право и деликтология

ГЛУХОВА Е.В. Предпринимательская
деятельность как объект административно-
правового воздействия

21

Section 3. Administrative law and delictology

GLUKHOVA E.V. Entrepreneurial activity
as an object of administrative and legal
impact

Раздел 4. Уголовный закон

ДЯДЬКИН Д.С., ЩЕЛКУНОВ В.А. Соотношение
уголовно-правовых фикции
и презумпции

28

Section 4. Criminal law

DYAD'KIN D.S., SHCHELKUNOV V.A.
Correlation of criminal law fiction
and presumption

Раздел 5. Уголовно-процессуальное обозрение

СЕРГЕЕВ А.Б., СМАХТИН Е.В. Язык
криминалистики и уголовного
судопроизводства: теория и практика

38

Section 5. Criminal procedure review

SERGEEV A.B., SMAKHTIN E.V. Language
of criminalistics and criminal proceedings:
theory and practice

МЕЛЬНИКОВА О.А., ЧЕРНОВА С.С. Развитие
в отдельных диссертационных исследованиях
современного периода научных идей
правового регулирования отношений,
возникающих при наступлении смерти
участников уголовного судопроизводства

45

MELNIKOVA O.A., CHERNOVA S.S.
Development of the scientific ideas on
legal regulation of relations arising in the
event of death of participants in criminal
proceedings in certain modern dissertation
studies

Раздел 6. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

СОСНОВИКОВА А.М., КАБАНОВ А.В.,
ВОРОНКОВ Д.В. Особенности фантомных
подписей и их криминалистического
исследования

54

Section 6. Criminalistic support of law enforcement activities

SOSNOVIKOVA A.M., KABANOV A.V.,
VORONKOV D.V. Features of the phantom
signatures and their forensic
examination

Раздел 7. Компаративистика и зарубежный опыт

ВЕРЕЩАГИНА А.В., САЛИН С.Ю. Уголовно-
процессуальное законодательство государств
постсоветского пространства: сущность и цели
процедуры депонирования

65

Section 7. Comparative studies and foreign experience

VERESHCHAGINA A.V., SALIN S.Yu.
Criminal procedure legislation of the post-
Soviet states: essence and purposes of the
deposition procedure

Раздел 8. Обзоры, рецензии, критика

МАЙОРОВ В.И. Отзыв на диссертацию
С.В. Верзилина «Теоретико-правовые и
организационные основы исполнения
государственной функции по обеспечению
безопасности дорожного движения»

73

MAYOROV V.I. Review of the dissertation
of S.V. Verzhilin "Theoretical-legal and
organizational basis of executing the state
function on ensuring the road traffic
safety"

ВАНЮШИН Я.Л. Отзыв на диссертацию
О.В. Бобровниковой «Административно-
правовое регулирование государственной
службы в органах обеспечения
государственной безопасности»

80

VANYUSHIN Ya.L. Review of the
dissertation of O.V. Bobrovnikova
"Administrative and legal regulation of the
civil service in the state security
agencies"

СМАХТИН Е.В. Отзыв на диссертацию
В.А. Машлякевича «Расследование
мошенничеств, совершаемых
с использованием средств
телефонной связи»

90

SMAKHTIN E.V. Review of the
dissertation of V.A. Mashlyakevich
"Investigation of frauds committed using
the telephone facilities"

СУМАЧЕВ А.В. Рецензия на информационно-
аналитический бюллетень «Противодействие
коррупции»

96

SUMACHEV A.V. Review of the
information-analytical bulletin "Combating
corruption"

Раздел 9. In memoriam

Валерий Витальевич Киреев (1961-2025)

100

Section 9. In memory

Valery Vitalievich Kireev (1961-2025)

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

Научная специальность 5.1.1

Образ гражданина в профессиональной деятельности прокурорского работника: идеальная и реальная модели

Виктор Сергеевич Плетников,

доктор юридических наук, доцент, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, pvs80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7038-3209>

Маргарита Сергеевна Антоненко,

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, rita_antonenko_01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2235-8823>

Аннотация. В статье содержится сравнительный анализ характеристик личности гражданина, отраженных в сознании представителей публичной власти и выраженных в двух видах источников: нормативный правовой акт и результаты анкетирования прокурорских работников одного из районов г. Екатеринбурга. При соотнесении идеальной модели образа гражданина, представленной в нормативных правовых актах, и реальной модели образа гражданина, которая была сформирована по результатам анкетирования, выявлена рассинхронизация, которая может существенно влиять на качество профессиональной правоохранительной деятельности и приводить к деформации правосознания субъекта. В целях минимизации степени деформации профессионального правового сознания прокурорских работников сформулированы рекомендации как для субъектов, наделенных правом законодательной инициативы, так и для руководителей органов прокуратуры, в обязанности которых входит обеспечение качества и эффективности правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: образ гражданина, органы прокуратуры, прокурорский работник, профессиональное правосознание, деформация правосознания

Для цитирования: Плетников В.С., Антоненко М.С. Образ гражданина в профессиональной деятельности прокурорского работника: идеальная и реальная модели // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 3 (73). С. 6-13.

Image of a citizen in the prosecutor's professional activities: ideal and real models

Viktor S. Pletnikov,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia, pvs80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7038-3209>

Margarita S. Antonenko,

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia, rita_antonenko_01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2235-8823>

Abstract. The article contains a comparative analysis of the characteristics of a citizen's personality, reflected in the consciousness of the public authorities' representatives and expressed in two types of sources: the regulatory legal acts and the results of questioning the prosecutors of one of the districts of Yekaterinburg. When correlating the ideal model of a citizen's image, presented in the regulatory legal acts, to the real model of a citizen's image, which was formed based on the results of questioning, a desynchronization is revealed that can significantly affect the quality of the professional law enforcement activities and cause the deformation of the subject's legal consciousness. In order to minimize the degree of deformation of the prosecutor's professional legal consciousness some recommendations for both the subjects empowered with the right to initiate legislation and the heads

of the prosecutor's offices, who must ensure the quality and effectiveness of the law enforcement activities, are formulated.

Keywords: citizen's image, prosecutor's offices, prosecutor, professional legal consciousness, deformation of legal consciousness

For citation: Pletnikov V.S., Antonenko M.S. Image of a citizen in the prosecutor's professional activities: ideal and real models // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 3 (73). P. 6-13.

Введение

Конституция Российской Федерации* и Федеральный закон от 17 января 1992 г. N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»** (далее — Федеральный закон «О прокуратуре») устанавливают следующее:

— прокуратура Российской Федерации является системой органов, на которые, в частности, возложен надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина;

— одной из целей деятельности прокуратуры выступает защита прав и свобод человека и гражданина;

— в присяге Генерального прокурора Российской Федерации звучит обязательство о защите прав и свобод человека и гражданина;

— при осуществлении функций прокурор обладает полномочиями рассматривать и проверять заявления, жалобы и иные сообщения о нарушении прав и свобод человека и гражданина, а также принимать меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина. Аналогичные положения отражены в учебной и научной юридической литературе [1, с. 11-23; 2, с. 12-62; 3].

Следовательно, человек и гражданин — это субъекты, в интересах которых соз-

дана система органов прокуратуры, работает каждый представитель прокуратуры Российской Федерации. Восприятие человека и гражданина представителем прокуратуры определяет отношение последнего к профессиональной деятельности, формирует модели поведения правоприменителя, а также возможные поведенческие (психологические) реакции человека и гражданина на функционирование правоохранительной системы.

Важно сделать уточнение: прокурор района или города (особенно помощник, работающий вдали от регионального центра) при осуществлении профессиональной деятельности не часто взаимодействует с иностранными гражданами, которые не обладают всем объемом прав, присущих гражданину Российской Федерации. В связи с этим образ гражданина (форма отражения объекта в сознании человека [4, с. 432]) будет представлен без учета отличий правового статуса понятий «человек» и «гражданин» [5, с. 22-45, 95-111; 6, с. 3-4, 8-10, 12-18] — как отражение гражданина (его идеалов, ценностей, установок) в сознании представителя публичной власти.

При этом следует учитывать, что образ по своему источнику объективен, по природе идеален, поскольку существует в сознании субъекта. Его представление возможно в разных формах, многое зависит от познающего субъекта. В результате возникают различные модели представления, которые отличаются объемом субъективных начал. В меньшей степени субъективное представлено в законодательстве (в нормах, отражающих субъективные представления субъекта правотворческой деятельности о конкретных общественных отношениях), определяющем базовые характеристики гражданина, обратившегося за помощью в органы прокуратуры, — это идеальная модель. В большей сте-

* Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 янв. 1992 г. N 2202-1: ред. от 3 февр. 2025 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992, N 8. Ст. 366; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

пени субъективное начало присутствует в представлениях конкретных сотрудников прокуратуры, взаимодействующих на постоянной основе с гражданами в процессе осуществления профессиональной деятельности. Данные представления предшествуют каждому акту восприятия тех объектов, в отношении которых они сформировались, — это реальная модель [7, с. 53].

Идеальная и реальная модели образа гражданина

Идеальная модель образа гражданина в профессиональной деятельности прокурорского работника возникает в результате отражения субъективных представлений лиц, участвующих в правотворчестве, в нормативном правовом акте. Следовательно, для формирования соответствующей системы представлений необходимо проанализировать действующее законодательство, регулирующее деятельность прокурорского работника и устанавливающее требования к гражданину.

Прежде всего следует рассмотреть Федеральный закон «О прокуратуре», определяющий круг граждан, с которыми взаимодействуют представители прокуратуры.

Анализ положений закона позволяет условно выделить четыре категории граждан:

- 1) граждане, соблюдающие требования законодательства;
- 2) граждане, которые не выполняют требования нормативных правовых актов;
- 3) граждане, которые считают, что их права нарушены (обратившиеся за защитой прав);
- 4) граждане, которые не выполняют требования нормативных правовых актов, действуют на грани закона (задержанные, заключенные под стражу, отбывающие наказание) и чьи права нарушены.

С первой категорией граждан прокурорские работники взаимодействуют редко. Как правило, такое взаимодействие происходит без непосредственного контакта, в ходе, например, документарной проверки либо в процессе дачи разрешений на совершение отдельных юридически значимых действий. Кроме того, большинство прокурорских работников не часто контактирует с четвертой группой граждан, поскольку такие граж-

дане взаимодействуют преимущественно со специализированными прокуратурами, которые осуществляют надзор за соблюдением законов в исправительных учреждениях. Вторая категория граждан значительно влияет на формирование образа, но данная группа субъектов не стремится к взаимодействию с представителями прокуратуры и в большинстве случаев вынуждена выполнять под угрозой применения мер государственно-правового принуждения обязательные требования представителя прокуратуры (гражданин для прокурора — зависимый субъект, который должен выполнять предъявляемые требования).

Только граждане, относящиеся к третьей категории, являются участниками взаимодействия с органами прокуратуры, что наглядно демонстрирует статистика, представленная на официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации, отражающая основные показатели деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь — декабрь 2022 г. (с 1 января 2023 г. публикация статистики приостановлена). В 2022 году в органы прокуратуры поступило 5 576 362 заявления, жалобы и обращения, выявлено 4 212 828 нарушений*. Аналогичная ситуация сложилась и на уровне субъектов Российской Федерации. В частности, в 2024 году в органы прокуратуры в Тульской области поступило 48 590 обращений, выявлено 10 952 нарушения закона**; в Свердловской области поступило около 90 000 обращений, из них удовлетворено более 20,5 тыс.*** Из приведенных данных следует, что обращений граждан, которые считают, что их права нарушены, в органы прокуратуры больше, чем установленных

* Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/>

** Прокуратура области подвела итоги работы по рассмотрению обращений и приему граждан в 2024 году // Арсеньевские вести. 2025. 14 февр. URL: <https://ars-news.ru/>

*** В 2024 году свердловская прокуратура провела проверки почти по 90 тысячам обращений // Вечерние ведомости. 2025. 31 янв. URL: <https://veved.ru/>

фактов нарушений, то есть нарушителей. Именно эта категория формирует основные характеристики образа гражданина в сознании субъекта публичной власти. При этом очевидно, что представления, формируемые в отношении остальных категорий граждан, не могут быть проигнорированы субъектами публичной власти, они выступают в качестве факторов, которые с учетом особенности местности (производство, образование, традиции, менталитет, статус и т.д.) завершают формирование системы представлений о личности гражданина.

В Конституции Российской Федерации, Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральном законе от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»*, Федеральном законе «О прокуратуре» и других нормативных правовых актах субъект правотворчества, в отношении граждан, которые считают, что их права нарушены и которые обратились за защитой прав в органы прокуратуры (далее — Заявители), отражает не просто права и обязанности, а закрепляет отдельные требования к ним, то есть опосредованно (в рамках правовой формы) отражает свои представления о данном субъекте, формирует набор его характеристик. К сожалению, необходимо констатировать, что среди данных характеристик отсутствуют идеалы, которые определяют характер действий гражданина, а также должным образом (кроме декларирования) не определены ценности гражданина, которые он пытается защитить.

Итак, первая характеристика, которая непосредственно вытекает из характера действий Заявителя и дает представление об образе субъекта, — это стремление к знаниям, проявление инициативы (активность). Невозможно обратиться в органы прокуратуры, не зная об их существова-

нии, месте нахождения, адресе, способе обращения и других моментах, характеризующих субъекта как инициативную личность, нашедшую необходимую информацию (знание), которая позволит воспользоваться принадлежащим ей правом на обращение в органы публичной власти, прокуратуры. Для достижения искомого результата гражданин также должен иметь минимальные представления о праве, которое, по его мнению, было нарушено, то есть ознакомиться с отдельными положениями закона.

Вторая характеристика — гражданин должен быть откровенным (открытым), то есть отразить в обращении все имевшие место обстоятельства, не скрывая часть из них, четко обозначить свои намерения, фактически быть готовым на искренность с прокурорским работником — не просто отразить все обстоятельства, а раскрыть во многом личную (конфиденциальную) информацию. Одно из проявлений откровенности связано со второй, ранее выделенной группой субъектов — гражданами, которые не выполняют требования нормативных правовых актов.

При этом откровенность (открытость) вынужденно превращается в зависимость, гражданин в связи с этим становится зависимым от решений прокурорского работника, степень открытости зависит от полноты требований прокурора.

Третья характеристика — требовательность. Заявитель может обращаться с просьбой об истребовании дополнительных документов, материалов, необходимых для принятия объективного решения (достижения истины) по заявлению. При этом количество такого рода требований ограничено качественными показателями (если он получил мотивированный ответ, но продолжает настаивать, то прокурорский работник имеет право прекратить переписку). Кроме того, гражданин имеет право обратиться с заявлением и потребовать ознакомить его с материалами, касающимися рассмотрения обращения, и т.д.

Четвертая характеристика — гражданин должен быть ответственным. Например, гражданин имеет право обратиться в прокуратуру с заявлением о прекращении рассмотрения его обращения, если в

* О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ: ред. от 28 дек. 2024 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 19. Ст. 2060; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

фактических обстоятельствах дела не содержится сведений о нарушении закона, требующем принятия мер прокурорского реагирования. Другой пример ответственного поведения Заявителя – если он стремится к получению результата, то должен иметь регистрацию на Едином портале государственных и муниципальных услуг либо правильно указать адрес для получения ответа прокурора.

Помимо Федерального закона «О прокуратуре», данные характеристики представлены в положениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 января 2013 г. N 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации»* (пп. 4.2, 4.3, 4.4, 4.13, 4.15) и других нормативных правовых актах. Можно выделить и иные характеристики, но они будут иметь производный характер, например, требовательность может перерасти в придирчивость или излишнюю строгость по отношению к прокурорским работникам в части соблюдения ими норм действующего законодательства.

Следует учитывать, что содержание идеального образа Заявителя, закрепленное в отечественном законодательстве, динамично, может и должно меняться с учетом совокупности объективных условий и субъективных факторов. Содержательная характеристика реальной модели образа гражданина может быть сформирована только в результате исследования (наблюдения, опроса, анкетирования, анализа статистических данных и т.д.) системы представлений прокурорских работников о личности гражданина, который является активным участником взаимодействия.

Для формирования реальной модели образа гражданина, который сложился в сознании прокурорских работников, было проведено анкетирование в прокуратуре одного из районов г. Екатеринбурга. Для этих целей был использован тест

Т. Лири**, диагностика межличностных отношений, интерперсональная диагностика личности. Методика предназначена для диагностики представления личности о своем реальном и идеальном «Я» и позволяет выявить преобладающий тип отношений к людям в самооценке и взаимооценке. Тест был модифицирован для целей исследования и респондентам было представлено 128 суждений, касающихся обобщенного образа гражданина, обращающегося к прокурору, его взаимоотношений с окружающими людьми. Из представленных суждений требовалось выбрать не более 20 в соответствии с представлениями респондентов о том, каким должен быть идеальный гражданин в сфере их деятельности.

В анкетировании приняли участие 20 прокурорских работников, из которых: помощники прокурора – 9, старшие помощники прокурора – 6, заместители прокурора – 5, имеющие стаж работы в сфере прокурорской деятельности от 1 года до 32 лет.

По результатам анкетирования сформировался весьма противоречивый образ гражданина. По мнению прокурорских работников, гражданин в равной степени должен быть как доминирующим (октанты «авторитарный», «эгоистичный» и «агрессивный»), так и дружелюбным (октанты «подчиняемый», «зависимый», «дружелюбный» и «альтруистический») субъектом (см. рис.).

Преобладающим типом отношения является авторитарный, то есть прокурорские работники видят гражданина как властного, деспотичного человека, лидера, успешного в делах, дающего советы, требующего к себе уважения. В то же время гражданин должен быть покорным, склонным к самоуничижению, слабовольным, уступающим всем и во всем, всегда ставящим себя на последнее место, скромным, робким и уступчивым. Следовательно, в своих действиях гражданин предстает как личность жесткая и враждебная по отношению к окружающим, резкая, требовательная, прямолинейная и

* Законность: правовой научно-практический журнал. 2013. N 4.

** Leary T. Interpersonal Diagnosis of Personality: A Functional Theory and Methodology for Personality Evaluation / Timothy Leary. Resource Publications, 2004. Previously published by John Wiley & Sons, 1957.

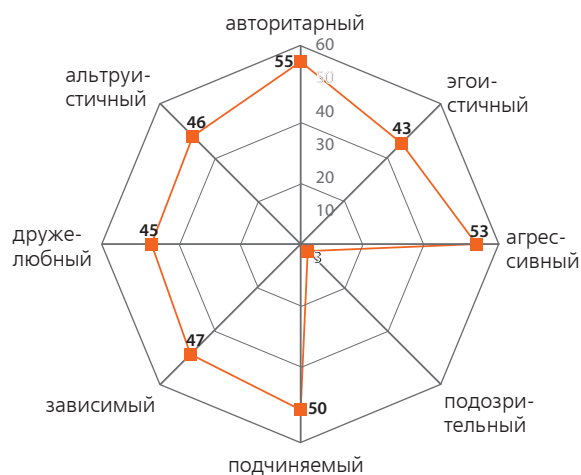

Рис. Образ гражданина, по мнению прокурорских работников (тест межличностных отношений Т. Лири)

упрямая, при этом дружелюбная и любезная со всеми, ориентированная на принятие и социальное одобрение, склонная к сотрудничеству, кооперации, гибкая при решении проблем и конфликтных ситуаций.

Согласно полученным абсолютным величинам:

- по 15 респондентов указывают, что гражданин должен быть строгим, но справедливым; способным к сотрудничеству, взаимопомощи;

- по 13 — способным признавать свою неправоту (брать ответственность); благодарным; уверенным в себе;

- 12 — уважительным;

- по 11 — обладающим чувством достоинства; любящим ответственность.

Следует отметить, что прокурорские работники для оценки образа гражданина не выбирают прилагательные из октанта «подозрительный». Они не видят в образе гражданина подозрительности, обидчивости, склонности к сомнению во всем, злопамятности, постоянно жалующегося на всех субъекта.

Соединение основных содержательных характеристик идеальной и реальной модели образа гражданина (см. табл.) позволяет выявить некоторую несогласованность двух моделей, выражающуюся в первую очередь в значимости конкретных характеристик личности, и это помимо тех проблем, о которых регулярно пишут исследователи (уровень правовой культуры, правовая активность и т.д.) [8, с. 160-220].

Таблица

Содержательная характеристика идеальной и реальной модели образа гражданина

№ п/п	Идеальная модель образа гражданина	Реальная модель образа гражданина
1	Активность (инициативность)	Строгость (справедливость), готовность к сотрудничеству (взаимопомощи)
2	Откровенность (открытость)	Способность признавать свою неправоту (брать ответственность), благодарность, уверенность в себе
3	Требовательность	Уважение к прокурорским работникам
4	Ответственность	Чувство достоинства, любит ответственность

Характеристики идеальной модели — откровенность, требовательность и ответственность — в той либо иной мере присутствуют в реальной модели. При этом на ответственность прокурорские работники обратили внимание дважды, выделили два аспекта ее проявления. Требовательность, которая проявляется в строгости гражданина, находится на первом месте в системе представлений прокурорского работника о гражданине. Положительной также является «близость» характеристик «откровенность» и «готовность к сотрудничеству», фактически и субъект правотворчества, и прокурорский работник считают данные характеристики личности определяющими качество деятельности органов прокуратуры.

Вызывают вопросы три позиции.

Во-первых, присутствие в реальной модели такой характеристики, как благодарность. При этом она находится рядом с таким качеством личности, как уважение к прокурорским работникам (и даже выше). Данная характеристика в таком сочетании может иметь негативное значение

для профессиональной деятельности прокурорского работника, в том числе продемонстрировать непонимание им своих места, роли, статуса в системе государственного управления, в качестве государственного служащего [9, с. 193]. Прокурорский работник — это государственный служащий, субъект, обеспечивающий выполнение задач и функций государства, которые были поставлены перед ним обществом. Члены общества, исполняя возложенные на них обязанности, например уплачивая налоги, уже выражают свою «благодарность» государству. Другим примером такого проявления благодарности может быть коррупция [10, с. 387], что также негативно влияет на эффективность правоохранительной деятельности прокуратуры. Руководителям органов прокуратуры следует больше внимания уделять вопросам правового воспитания, формированию культуры государственного служащего.

Во-вторых, все без исключения прокурорские работники обращают внимание на обязательность в поведении гражданина уважения к прокурорским работникам, достойного их поведения. В настоящее время нормы и принципы права в основном указывают на необходимость уважительного отношения гражданина к гражданину или государства к гражданину. В законодательстве без должного регулирования остаются морально-нравственные аспекты отношений гражданина с государством, его органами и лицами, работающими (служащими) в них. Если поведение гражданина не выражено в оскорблении власти или надругательстве над государственными символами, то, как представляется, кроме ст. 297 Уголовного кодекса Российской Федерации, в российском праве нет норм, которые обязывали бы граждан уважительно относиться к представителям публичной власти. Возможно, целесообразно нормативно определить взаимную обязанность уважительного отношения заявителя и прокурорского работника.

В-третьих, следует обратить внимание на тот факт, что в соответствии с законодательством определяющим в образе гражданина является его инициативность (стремление к поиску информации), а прокурорские работники данную характеристику в качестве определяющей в их взаимодействии с

гражданином не выделяют. Они готовы работать с гражданами, обладающими разной степенью правовой культуры. На первый взгляд, это правильно и не может влиять на качество профессиональной деятельности прокурорских работников. Однако прокурорский работник вынужден тратить больше времени на гражданина, который обладает низким уровнем правовой культуры и имеет минимальные правовые знания. В связи с этим важно организовать работу, рабочее пространство прокурора таким образом, чтобы гражданин в процессе взаимодействия с органами прокуратуры мог либо наглядно, либо через общественных помощников прокурора получить минимально необходимую информацию о возможностях и правовых средствах прокурора.

Заключение

Завершая характеристику образа гражданина, представленного в профессиональной деятельности прокурорского работника, необходимо отметить следующее:

1) положения действующего законодательства (идеальная модель образа гражданина) находят должное отражение в сознании прокурорских работников, но юридическая практика (опыт) обязывает представителей прокуратуры быть более внимательными во взаимодействии с гражданами;

2) реальные представления прокурорского работника о гражданине отличаются от представлений субъекта правотворчества, а самое главное — формируют предпосылки для деформации профессионального правового сознания прокурорского работника;

3) для сближения идеальной и реальной моделей образа гражданина в Федеральный закон от 17 января 1992 г. N 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» целесообразно внести дополнение о взаимной обязанности уважительного отношения гражданина, который обращается за защитой прав в органы прокуратуры, и прокурорского работника, что позволит нейтрализовать отдельные негативные моменты в их взаимодействии;

4) руководителям органов прокуратуры следует организовать качественную работу по профилактике деформации профессионального правосознания сотрудников, организации рабочего пространства прокурора.

Список источников

1. Ергашев Е.Р., Бобина Р.В. Служба в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации: учебное пособие. Москва: Юрайт, 2024. 134 с.
2. Прокурорский надзор. Общая часть: учебник для вузов / под общ. ред. О.С. Капинус; под науч. ред. А.Ю. Винокурова. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2024. 231 с.
3. Шобухин В.Ю. Конституционное регулирование статуса прокуратуры Российской Федерации: проблемы, тенденции и перспективы изменения ст. 129 Конституции Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. N 4. С. 26-29.
4. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильчев [и др.]. 2-е изд. Москва: Сов. энцикл., 1989. 815 с.
5. Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. 3-е изд., перераб. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. 512 с.
6. Куракина Ю.В. Соотношение прав человека и прав гражданина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. 26 с.
7. Плетников В.С. Модель государства в современной отечественной юриспруденции: методология и практика применения: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 397 с.
8. Ергашев Е.Р. Актуальные проблемы организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации. Екатеринбург: УрГЮУ, 2023. 312 с.
9. Матвеев С.П. Организация государственной службы в органах прокуратуры Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2021. N 4. С. 193-194.
10. Полукаров А.В., Эйнар М., Сангаджиев Б.В. Административно-правовое регулирование минимизации причин коррупции в социальной сфере // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Право. 2020. N 2. С. 383-397.

References

1. Ergashev E.R., Bobina R.V. Service in the bodies and organizations of the prosecutor's office of the Russian Federation. Moscow, Yurayt Publ., 2024. 134 p. (In Russ.).
2. Prosecutor's supervision. General part. Moscow, Yurayt Publ., 2024. 231 p. (In Russ.).
3. Shobukhin V.Yu. Constitutional regulation of the status of the prosecutor's office of the Russian Federation: problems, trends and prospects for changing Art. 129 of the Constitution of the Russian Federation. State power and local self-government, 2020, no. 4, pp. 26-29. (In Russ.).
4. Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1989. 815 p. (In Russ.).
5. Human rights. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2022. 512 p. (In Russ.).
6. Kurakina Yu.V. Correlation of human rights and citizen's rights. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2013. 26 p. (In Russ.).
7. Pletnikov V.S. Model of the state in modern domestic jurisprudence: methodology and practice of application. Doct. Diss. Ekaterinburg, 2022. 397 p. (In Russ.).
8. Ergashev E.R. Actual problems of the organization and activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Yekaterinburg, Ural State Law University, 2023. 312 p. (In Russ.).
9. Matveev S.P. Organization of civil service in the prosecutor's offices of the Russian Federation. Bulletin of Voronezh State University. Series: Law, 2021, no. 4, pp. 193-204. (In Russ.).
10. Polukarov A.V., Eynar M., Sangadzhiev B.V. Administrative and legal regulation of minimizing the causes of corruption in the social sphere. Bulletin of St. Petersburg University. Series: Law, 2020, no. 2, pp. 383-397. (In Russ.).

Вклад авторов:

Плетников В.С. – идея, формирование основных направлений исследования, подбор и анализ источников, написание текста, за исключением характеристики реальной модели образа гражданина;

Антоненко М.С. – подбор и анализ источников, подготовка анкеты, сбор, систематизация и анализ представлений прокурорских работников.

Contribution of the authors:

Pletnikov V.S. – idea of the study, determining the main directions of the research, selecting and analyzing the sources, writing the text of the article, except for the characteristics of the real model of a citizen's image;

Antonenko M.S. – selecting and analyzing the sources, preparing the questionnaire, collecting, systematizing and analyzing the prosecutors' ideas.

Раздел 2. Юридическая конституциология

Научная специальность: 5.1.2

Проблемы обеспечения единства Конституции Российской Федерации и неправовых регуляторов общественных отношений

Валерий Витальевич Киреев

доктор юридических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, valerijkireev9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6384-3839>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы воздействия Конституции Российской Федерации на неправовые регуляторы общественных отношений. Исходя из особенностей отдельных видов данных регуляторов, анализируются вопросы их ценностного наполнения. Характеризуются компонентный состав обеспечения единства Конституции Российской Федерации и неправовых регуляторов общественных отношений, роль российского государства в воздействии на неправовые регуляторы общественных отношений, выражение этой роли в обязанностях государства по укреплению и развитию общественных ценностей. Определяются проблемы обеспечения единства Конституции Российской Федерации и неправовых регуляторов общественных отношений с учетом позитивной и негативной тенденций, представленных в данной сфере. Обозначены перспективы конституционно-правового исследования соответствующей проблематики.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, неправовые регуляторы общественных отношений, единство ценностного наполнения, компоненты обеспечения единства регуляторов, традиционные ценности, регулятивный монизм, конституционно-нормативная этика

Для цитирования: Киреев В.В. Проблемы обеспечения единства Конституции Российской Федерации и неправовых регуляторов общественных отношений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 3 (73). С. 14-20.

Problems of ensuring the unity of the Constitution of the Russian Federation and non-legal regulators of public relations

Valery V. Kireev

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, valerijkireev9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6384-3839>

Abstract. The article discusses the issues of the impact of the Russian Constitution on non-legal regulators of public relations. Based on the features of certain types of these regulators, the issues of their value content are analyzed. The author characterizes the component composition of ensuring the unity of the Russian Constitution and non-legal regulators of public relations, as well as the role of the Russian state in influencing non-legal regulators of public relations, and also the expression of this role in the duties of the state to strengthen and develop the public values. The problems of ensuring the unity of the Russian Constitution and non-legal regulators of public relations are determined taking into account the positive and negative trends presented in this area. The prospects for constitutional legal research of the related issues are provided.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, non-legal regulators of public relations, unity of value content, components of ensuring the regulators unity, traditional values, regulatory monism, constitutional regulatory ethics

For citation: Kireev V.V. Problems of ensuring the unity of the Constitution of the Russian Federation and non-legal regulators of public relations // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 3 (73). P. 14-20.

Введение

В условиях активного участия современной России в формировании многополярного мира и обусловленного этим противодействия со стороны недружественных государств и международных организаций возрастает необходимость укрепления единства государства и общества, развития способности противостоять попыткам внести раскол между ними. К числу национальных интересов, выраженных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации*, отнесено развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества. Одной из сфер такого взаимодействия является регулятивное пространство России, охватывающее как правовые регуляторы общественных отношений, и прежде всего Конституцию Российской Федерации** (далее — Конституция РФ, Конституция), так и неправовые регуляторы общественных отношений. Сложность и многоаспектность проблем обеспечения единства Конституции Российской Федерации и неправовых регуляторов общественных отношений очевидны. Исследование указанной проблематики с конституционно-правовых позиций представляется актуальной задачей, решение которой позволяет выработать подходы, направленные не только на развитие соответствующих теоретических представлений, но и на их практическую реализацию в этой важной области.

Основная часть

Конституция РФ, являясь выражением нашего цивилизационного развития, вбирает в себя регулятивные позиции, содержащиеся в многообразных социальных нормах. Следует согласиться с В.М. Сырых, утверждающим, что нормативное регулирование общественных отношений в современный период осуществляется с

помощью достаточно сложной и многообразной совокупности социальных норм, которая включает: 1) мораль; 2) обычаи, традиции, обыкновения; 3) корпоративные нормы или нормы общественных объединений; 4) религиозные нормы, 5) правовые нормы [1, с. 96]. Те неправовые нормы, которые приобретают формально определенный характер в тексте Конституции РФ, становятся нормами конституционного права, воплощая в своих установлениях ценности, свойственные нашему обществу. Вместе с тем возможен и обратный процесс, заключающийся в воздействии норм Конституции на те регуляторы общественных отношений, которые по своей сущности не являются правовыми, определяя их динамику в конкретный исторический период. Единство ценностного наполнения норм Конституции РФ и неправовых регуляторов является тем идеалом, который представляет собой некий положительный регулятивный монолог, совпадение позиций государства и общества. Причем очертания такого единства определяются посредством теоретического анализа не только соотношения содержания норм Конституции, с одной стороны, а также неправовых норм российского общества — с другой, но и той практики, тех результатов, которые приносит это совокупное воздействие на общественные отношения.

Отправной точкой для таких рассуждений выступают особенности отдельных видов неправовых регуляторов общественных отношений. Прежде всего, речь идет о морали. Трудно не согласиться с утверждением Д. Ллойда о том, что аура легитимности, окружающая авторитет права, в значительной степени ассоциируется с верой в моральный долг повиноваться закону; в то же время взаимосвязь между правом и моралью носит довольно сложный характер [2, с. 50]. Понятие «мораль» в «Словаре философских терминов» определяется как совокупность регуляторов должного поведения, через которые человек проявляет себя как разумное, самосознательное и свободное существо. Представления о морали формируются в процессе осмысления правильного поведения, основанного на идеальном понятии долга [3, с. 337].

* Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. N 400 // Рос. газ. 1993. 25 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. N 27 (ч. II). Ст. 5351.

** Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

Ю.А. Агешин, рассматривая сущность и проявления морали, обоснованно утверждает, что социальное назначение морали — постоянно воспроизводить отношения нравственной зависимости между людьми. Осознание этой зависимости служит необходимым условием свободы выбора и нравственной ответственности личности перед обществом, важнейшим фактором поддержания жизнеспособности общества, социального прогресса [4, с. 42]. Вместе с тем это не означает, что только на основе Конституции РФ возникают, существуют и изменяются моральные нормы, — это утверждение было бы в высшей степени абсурдным. Трудно отрицать, что Конституция РФ, устанавливая обязанности государства, охватывающие поддержку им определенных моральных устоев общества, способствует его единству, сохранению и развитию, придает желательную динамику моральным нормам. Однако возможен и обратный процесс.

В связи с этим справедливым является вывод Ю.А. Агешина о том, что, активно воздействуя на мораль, право способствует более глубокому ее укоренению в обществе. В то же время оно само под влиянием морального фактора постоянно обогащается: расширяется его нравственная основа, повышается авторитет, возрастает его роль как социального регулятора общественных отношений. Таким образом, воздействию права на мораль сопутствует процесс обратного влияния морали на право [4, с. 74]. При этом под моральной нормой понимается моральное требование общего характера, не обязательно институциональное, то есть санкционированное специальными общественными институтами. Нормы морали представлены в практике поведения как устойчивые повторяющиеся поступки, в моральном сознании общества — как образцы для подражания, в индивидуальном сознании личности — как наполненные личностным смыслом принятые правила поведения [3, с. 363].

Характеристика морали в контексте повторяемости практики поведения тесно связана с другим неправовым регулятором общественных отношений — традициями. С позиции философии традиция рассматривается в нескольких значениях: 1) неразвитая социальная норма, распростра-

ненная в примитивных обществах; 2) совокупность устойчивых обычаев, передача которых от поколения к поколению составляет специфическую черту так называемого традиционного общества; 3) ритуал, то есть символическое действие, направленное на поддержание определенных нравственных, часто патриотических чувств или чувств, дающих сознание принадлежности к некоторой социальной группе. Например, традиция подъема флага, исполнения гимна и др. [3, с. 594-595]. Думается, что характеристики традиций полнее всего раскрываются в таком их признаке, как совокупность устойчивых обычаев, в том числе выраженных в определенных ритуалах.

В качестве философского термина обычай рассматривается как способ регулирования отношений в обществе, когда должное и сущее полностью совпадают. Одной из основных характеристик обычая является стремление к воспроизводству регулируемых им общественных отношений в неизменном виде. Необходимость исполнения обычая определяется ссылкой на то, что так было всегда. В обычае закрепляются многие стороны поведения людей, а также их социальный статус и профессиональная принадлежность [3, с. 386]. По этой причине динамика обычаев под воздействием норм Конституции РФ может быть невысокой, особенно в случаях значительного несовпадения конституционных норм и обычаев, свойственных определенной социальной группе. Обычай рассматривается как способ регулирования отношений в обществе, когда должное и сущее полностью совпадают [3, с. 386]. В соотношении должного и сущего основополагающее значение имеет понятие «долг». Регулятивная двойственность долга заключается в сложном сочетании установлений Конституции РФ с нормами морали, совокупность которых формирует модель должного для российского общества, и их соотношении с нравственностью, выражающейся в конкретной общественной практике как сущее, реально воплощенное в конкретном поведении.

Анализируя объем и содержание категории «долг», Б.С. Эбзеев формулирует весьма важный вывод о том, что категория долга имеет не только этическое, но

и юридическое значение и требует своего осмысления в науке конституционного права; данная категория сопрягается с категорией обязанности, но не сливается с ней; выступает ее этическим насыщением; является выражением привнесения в сферу конституционного регулирования нравственных начал; указывает на ценностные ориентиры, подлежащие особой заботе человека и гражданина и правовой защите (родители и Отечество), и не ограничивает личность в выборе способов и форм заботы трудоспособных детей о нетрудоспособных, нуждающихся в такой заботе родителей или защиты Отечества, которая распространяется на всех без исключения граждан, а также на иных лиц, для которых Россия — Отечество [5, с. 206]. Не обращаясь к сложным философским аспектам соотношения понятий «мораль» и «этика», которые либо отождествляются, либо за ними признаются определенные различия, следует отметить, что в контексте воздействия Конституции РФ на неправовые регуляторы общественных отношений взаимосвязь должного и сущего позволяет судить о соотношении юридической и фактической конституций с позиции единства этих регуляторов.

Необходимым условием обеспечения единства Конституции РФ и других социальных регуляторов общественных отношений является взаимное доверие государства и общества. В частности, рассматривая доверие как сущностную подоснову права, А.Н. Кокотов справедливо обращает внимание на то, что право как самостоятельный институт общества наряду с другими регуляторами направлено на выработку и поддержание необходимого уровня доверия, изжитие или как минимум удержание в приемлемых пределах недоверия иных проявлений социального отчуждения [6, с. 43].

Обоснованность выявленной А.Н. Кокотовым закономерности подтверждает и содержание ст. 75.1 Конституции РФ, устанавливающей, что в Российской Федерации создаются условия для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

Достижение этих важных целей возможно только при условии необходимой степени единства Конституции и неправовых регуляторов общественных отношений. Само наличие такого регулятивного подхода, в свою очередь, вызывает вопрос о формировании механизма воздействия Конституции на другие социальные регуляторы, который сможет с наибольшей степенью результативности обеспечить укрепление доверия как между членами общества, так и между обществом в целом (в том числе отдельными социальными группами), с одной стороны, и государством — с другой. Ответ на этот вопрос имеет не только теоретическое, но и важное практико-прикладное значение, приобретающее специфическое преломление во всех компонентах обеспечения единства Конституции и неправовых регуляторов общественных отношений.

В самом первом приближении среди большого количества таких компонентов, нуждающихся в специальных и комплексных научных исследованиях, можно выделить по меньшей мере три. Первый из них — закрепление в тексте Конституции РФ общественных ценностей, ориентирующих на желаемую модель поведения. Особенно ярко это выражается в новейших изменениях конституционного текста, охватывающих воспитание в детях патриотизма, гражданственности и уважения к старшим, приоритет семейного воспитания, уважение человека труда, экономическую, политическую и социальную солидарность. Несмотря на то, что Конституция РФ в настоящее время формально не относится к документам стратегического планирования, выполнение этим основополагающим актом стратегической функции в рассматриваемой сфере является очевидным, особенно с учетом происшедших изменений конституционного текста.

В частности, согласно п. 2 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. N 809* (далее также — Основы государственной политики), нормативно-правовую базу

* URL: <http://publication.pravo.gov.ru>

указанных основ составляет прежде всего Конституция РФ. В соответствии с п. 5 Основ государственной политики к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Причем, как следует из содержания п. 14 рассматриваемого нормативного правового акта, «Идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений». Фактически речь идет о противоборстве между ценностями, насаждаемыми извне, направленными на разрушение Российской Федерации, и теми ценностями, которые традиционно присущи российскому обществу. В этом противоборстве ключевое значение имеет ценностно-инструментальная роль Конституции, ее способность с необходимой степенью полноты не только отражать ценностную основу российского общества, но и развивать механизмы, направленные на реализацию этих ценностей в повседневной жизни граждан.

В качестве второго компонента выступает активная роль российского государства в воздействии на неправовые регуляторы общественных отношений, выраженная в обязанностях государства по укреплению и развитию общественных ценностей. Например, в ст.ст. 67.1, 68, 69, 72, 75, 75.1 Конституции РФ применительно к государству используются выражения «признает», «читит», «создает условия»,

«обеспечивает», «поддерживается и охраняется государством», «защищает», «оказывает поддержку», «уважает», «обеспечивает защиту». Эта активная деятельность государства проявляется прежде всего в правотворческой и правоприменительной деятельности.

В связи с этим к третьему компоненту можно отнести конкретизацию указанных положений в текущем законодательстве, формирующую механизм развития у каждой личности желаемых свойств. Прежде всего речь идет об установлении соответствующих основ государственной политики, которая реализуется и посредством действия менее концептуальных документов, охватывающих традиции общества по празднованию памятных дат. Например, Указом Президента Российской Федерации от 4 октября 2021 г. N 573 «О Дне отца» в целях укрепления института семьи и повышения значимости отцовства в воспитании детей относительно недавно установлен соответствующий праздник, который отмечается в третье воскресенье октября*. Обращает на себя внимание и тот факт, что в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен законопроект N 558757-8 «О внесении изменения в статью 1.1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» (об установлении памятной даты России «24 февраля – День участника специальной военной операции»)**, который находится на стадии предварительного рассмотрения**.

Отношение государства к развитию традиций проявляется и в сфере проведения культурно-массовых мероприятий. Согласно указаниям по заполнению формы федерального статистического наблюдения, выраженным в приказе Федеральной службы государственной статистики от 18 октября 2021 г. N 713 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения с указаниями по их заполнению для организации Министерством культуры Российской Федерации федерального статистического наблюдения за деятельностью

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. N 41. Ст. 6955.

** Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/>

общедоступных (публичных) библиотек, организаций культурно-досугового типа, театров, работой парков культуры и отдыха (городских садов), деятельностью концертных организаций, самостоятельных коллективов, цирков, цирковых коллективов»* культурно-массовые мероприятия определяются не только как форма социального общения между людьми, но и как способ выработки единства установок личности, коллектива и общества в целом.

Анализ содержания Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. N 809, позволяет сделать вывод о наличии в современной России двух противоположных процессов — позитивного и негативного. Позитивным является процесс развития таких традиционных для России ценностей, как патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Также имеет место инспирированный извне негативный процесс, заключающийся в деструктивном воздействии на граждан, ведущем к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей. В связи с этим обеспечение необходимой для укрепления и развития Российской Федерации степени единства Конституции РФ и неправовых регуляторов представляется насущной задачей, предпосылки решения которой охватывают не только регулятивно-прикладную, но и теоретическую конституционно-правовую сферу. В рассматриваемом контексте представляется перспективным выявление сущности и закономерностей формирования такого общественно-государственного свойства, как регулятивный монизм, исследование сферы, которую можно было

бы назвать «конституционно-нормативная этика».

Заключение

На основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы:

1. Приобретение неправовыми нормами формально определенного характера посредством закрепления в тексте Конституции РФ, а также влияние ее норм на неправовые регуляторы общественных отношений — это взаимосвязанные процессы, определяющие динамику их взаимодействия в конкретный исторический период.

2. Единство ценностного наполнения норм Конституции РФ и неправовых регуляторов является тем идеалом, который представляет собой некий положительный регулятивный монизм, совпадение позиций государства и общества.

3. Очертания такого единства определяются посредством не только теоретического анализа соотношения содержания норм Конституции, с одной стороны, а также неправовых норм российского общества — с другой, но и той практики, тех результатов, которые приносит их совокупное воздействие на общественные отношения.

4. Конституция РФ, устанавливая обязанности государства, охватывающие поддержку им определенных моральных устоев общества, способствует его единству, сохранению и развитию, придает моральным нормам желательную динамику.

5. Неправовые регуляторы общественных отношений в сфере должного и сущего представляют собой нормы морали, традиции, обычаи, образующие сложную сферу взаимодействия с Конституцией РФ, что позволяет судить о соотношении юридической и фактической конституций с позиции единства этих регуляторов.

6. Условием обеспечения необходимой степени единства Конституции РФ и других социальных регуляторов общественных отношений является взаимное доверие государства и общества.

7. В качестве основных компонентов обеспечения единства Конституции и неправовых регуляторов общественных отношений можно выделить: а) закрепление в тексте Конституции РФ общественных

* Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ценностей, ориентирующих на желаемую модель поведения; б) активную роль российского государства в воздействии на неправовые регуляторы общественных отношений, выраженную в обязанностях государства по укреплению и развитию общественных ценностей; в) конкретизацию положений Конституции РФ в текущем законодательстве, формирующую механизм развития у каждой личности желаемых свойств.

8. В современной России идет противоборство позитивного и негативного процессов. Позитивным является процесс развития традиционных для России ценностей. Инспирированный извне негативный процесс заключается в деструктивном воздействии на граждан, попытках насаж-

дения чуждой народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей.

9. С учетом этих процессов обеспечение необходимой для укрепления и развития Российской Федерации степени единства Конституции РФ и неправовых регуляторов является насущной задачей, охватывающей не только регулятивно-прикладную, но и теоретическую конституционно-правовую сферы.

10. Представляется перспективным выявление сущности и закономерностей формирования такого общественно-государственного свойства, как регулятивный монизм, а также исследование сферы, которую можно было бы назвать конституционно-нормативной этикой.

Список источников

1. Сырых В.М. Теория государства и права: учебник для вузов. 4-е изд., стер. Москва: Юстицинформ, 2005. 704 с.
2. Ллойд Д. Идея права / пер. с англ. М.А. Юмашева, Ю.М. Юмашева; науч. ред. Ю.М. Юмашев. Москва: ЮГОНА, 2002. 416 с.
3. Словарь философских терминов / науч. ред. В.Г. Кузнецов. Москва: ИНФРА-М, 2004. XVI. 731 с.
4. Агешин Ю.А. Политика, право, мораль. Москва: Юрид. лит., 1982. 160 с.
5. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. Москва: Норма, 2008. 384 с.
6. Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право: монография. Репр. воспр. изд. 2004 года. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. 190 с.

References

1. Syrykh V.M. Theory of the state and law. Moscow, Yustitsinform Publ., 2005. 704 p. (In Russ.).
2. Lloyd D. The idea of law. Moscow, YUGONA Publ., 2002. 416 p. (In Russ.).
3. Dictionary of philosophical terms. Moscow, INFRA-M Publ., 2004. XVI. 731 p. (In Russ.).
4. Ageshin Yu.A. Politics, law, morality. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1982. 160 p. (In Russ.).
5. Ebzeev B.S. Personality and the state in Russia: mutual responsibility and constitutional duties. Moscow, Norma Publ., 2008. 384 p. (In Russ.).
6. Kokotov A.N. Trust. Distrust. Law. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2020. 190 p. (In Russ.).

Раздел 3. Административное право и деликтология

Научная специальность: 5.1.2

Предпринимательская деятельность как объект административно-правового воздействия

Евгения Викторовна Глухова,

кандидат юридических наук, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, Gluhova.e81@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9794-4942>

Аннотация. В статье автор на основе анализа предпринимательской деятельности как объекта административно-правового воздействия рассматривает отдельные аспекты административной ответственности за правонарушения, совершаемые в ходе осуществления предпринимательской деятельности. Характеристика законодательных и доктринальных признаков, определяющих деятельность в качестве предпринимательской, позволила установить, что дискуссионным является признак систематичности, который до настоящего времени не закреплён на законодательном уровне. Автором предлагается конкретизировать признак систематичности, а также устранить правовую неопределённость в части фиксирования таких его аспектов, как расширительное толкование действий по продаже товаров и предполагаемого назначения имущества.

Ключевые слова: административная ответственность, административно-правовое регулирование, предпринимательская деятельность, признаки предпринимательской деятельности, незаконное предпринимательство

Для цитирования: Глухова Е.В. Предпринимательская деятельность как объект административно-правового воздействия // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 3 (73). С. 21-27.

Entrepreneurial activity as an object of administrative and legal impact

Evgeniya V. Glukhova,

Candidate of Legal Sciences, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, Gluhova.e81@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9794-4942>

Abstract. Certain aspects of administrative liability for offences committed during carrying out the entrepreneurial activity are considered in the article based on the analysis of entrepreneurial activity as an object of administrative and legal impact. The characteristics of legislative and doctrinal features determining the activity as entrepreneurial allow to establish that the systematic feature, which has not yet been enshrined in legislation, is controversial. The author proposes to specify the systematic feature, as well as to eliminate legal uncertainty in terms of fixing such of its aspects as a broad interpretation of actions for the sale of goods and the intended purpose of property.

Keywords: administrative liability, administrative and legal regulation, entrepreneurial activity, features of entrepreneurial activity, illegal entrepreneurship

For citation: Glukhova E.V. Entrepreneurial activity as an object of administrative and legal impact // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 3 (73). P. 21-27.

Введение

Актуальность выбранной темы исследования обусловливается рядом причин. В условиях динамично развивающейся отечественной экономики и расширения сферы предпринимательской деятельности вопросы правового регулирования и обеспечения законности в данной области приобретают особую значимость. Предпринимательство является важным элементом экономической системы, способствующим развитию конкуренции, созданию рабочих мест и увеличению налоговых поступлений. Однако наряду с позитивными аспектами предпринимательской деятельности существует и ряд проблем, которые связаны с нарушениями законодательства, наносящими ущерб как интересам государства, так и правам граждан.

Административная ответственность за правонарушения в области предпринимательской деятельности представляет собой один из ключевых инструментов обеспечения соблюдения норм права, который направлен на предупреждение и пресечение нарушений, а также на защиту законных интересов участников экономических отношений. В литературе административную ответственность определяют одним из важнейших видов административно-правового регулирования, который занимает фундаментальное место в общей системе административно-правового регулирования предпринимательской деятельности [1, с. 262].

Государственное материально-правовое принуждение и административная ответственность — это способы защиты прав и законных интересов лиц, общества или государства в сфере административно-правового регулирования [2, с. 21]. В связи с этим исследование административной ответственности за правонарушения в области предпринимательской деятельности является актуальным и востребованным как в теоретическом, так и практическом аспектах.

Одним из проблемных моментов при установлении оснований для привлечения лица к административной ответственности в анализируемой сфере является определение деятельности в качестве предпринимательской.

Основными методами научного исследования выступили метод системного анализа, диалектический, сравнительно-правовой и формально-логический методы. Использование диалектического метода позволило установить особенности правонарушений в сфере предпринимательской деятельности с позиции взаимозависимости гражданско-правовых и административно-правовых норм. Сравнительно-правовой метод предопределил выводы о возможности совершенствования законодательства. Формально-логический метод, используемый при анализе нормативных правовых актов, способствовал выявлению правовых неопределенностей и разработке предложений по их нивелированию.

Основная часть

Предпринимательская деятельность как объект административно-правового воздействия представляет собой сферу общественных отношений, регулируемую нормами административного права с целью обеспечения законности, защиты прав и интересов участников рынка, а также поддержания порядка в экономической сфере. Административно-правовое воздействие на предпринимательскую деятельность осуществляется через установление правил, контроль за их соблюдением и применение мер ответственности за нарушения. В данной сфере государство осуществляет регулирование и контроль с целью обеспечения законности, защиты публичных интересов и создания благоприятных условий для экономического развития.

Предпринимательская деятельность регулируется нормами гражданского, налогового, трудового, экологического и административного права, что делает ее комплексным объектом правового воздействия. Свобода предпринимательства гарантируется нормами Конституции Российской Федерации: в ст. 34 данного акта определено, что каждый имеет право на использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, ст. 8 гарантирует единство экономического пространства и свободное перемещение товаров и услуг, ст. 71

устанавливает правовые основы единого рынка*.

Необходимо отметить достаточно глубокое внедрение норм гражданского права в сферу административно-правового регулирования предпринимательской деятельности. Следует согласиться с высказываемой в литературе позицией, согласно которой данный факт действительно можно назвать причиной, затрудняющей практическое применение мер административной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности.

А.В. Попов, анализируя возможность привлечения к административной ответственности за незаконное предпринимательство, выделяет ряд факторов, совокупность которых позволяет квалифицировать предпринимательскую деятельность как незаконную. Большинство из них регламентировано нормами гражданского законодательства, а именно определение предпринимательской деятельности, закрепляющее признаки, которыми следует руководствоваться при установлении той или иной деятельности в качестве предпринимательской; обязательность государственной регистрации статуса субъекта предпринимательской деятельности в случаях, когда такая регистрация является необходимой; случаи, когда возможно осуществление предпринимательской деятельности минуя процедуру государственной регистрации. Законодательная нерешенность некоторых правовых вопросов затрудняет выявление совокупности этих факторов [3, с. 52].

Согласно абз. 3 ч. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) под предпринимательской деятельностью понимается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

* Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Рос. газ. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Исходя из буквального трактования указанного положения, в настоящее время законодательно закреплены следующие признаки, которые позволяют характеризовать деятельность в качестве предпринимательской: самостоятельность, рисковость, направленность на систематическое получение прибыли. Е.Г. Афанасьева определяет указанные признаки как сущностные признаки предпринимательской деятельности [4, с. 99].

В целом полагаем, что выделение в качестве признаков иных, кроме тех, что указаны в определении предпринимательской деятельности, не оправданно. Однако ряд ученых не ограничивается признаками, закрепленными в данном определении. Так, Н.В. Вильская и В.Ю. Малахова выделяют четыре признака, добавляя к обозначенным выше государственную регистрацию субъектов предпринимательства [5, с. 299]. М.Р. Зюзя, основываясь на абз. 3 ч. 1 ст. 2 ГК РФ, выделяет пять признаков: самостоятельность; рисковый характер; систематичность получения прибыли; деятельность осуществляется путем использования имущества, продажи товаров, выполнения работ либо оказания услуг; необходимость государственной регистрации субъектов предпринимательских отношений [6, с. 1278].

Обобщая представленные в науке позиции Е.В. Воскресенская выделяет семь признаков: систематичность, самостоятельность, ответственность, легализованный характер, систематическое извлечение прибыли, получение дохода и профессионализм [7, с. 18]. Раскрывая такой признак, как получение дохода, указанный автор обозначает его в качестве метода определения эффективности деятельности предпринимателя.

Действительно, доходность не может быть квалифицирующим признаком предпринимательской деятельности, поскольку это противоречит признаку рисковости, который, как отмечено выше, является сущностным и прямо закреплен в определении предпринимательской деятельности. А указанная законодателем «направленность» на получение прибыли не означает обязательности получения дохода. Вызывает вопрос выделение систематичности (которая раскрывается через прибыль) и

систематического получения прибыли в качестве двух самостоятельных признаков. Данные признаки являются сходными до степени смешения. Отделение признака «ответственность» от признака «самостоятельность» также представляется спорным, поскольку самостоятельная имущественная ответственность является составной частью самостоятельности участников гражданского оборота.

Как справедливо отмечает Е.В. Лебедева, большинство из названных законодателем признаков предпринимательской деятельности не обладают острым проблемным характером с точки зрения правоприменителя [8, с. 63].

Признак самостоятельности прямо вытекает из самостоятельности в гражданском обороте, включая в качестве составной части самостоятельную имущественную ответственность. Решения принимаются субъектом бизнеса самостоятельно, от своего имени, он же и несет ответственность перед контрагентами за эти решения, даже если саму деятельность осуществляют, например, наемные работники по трудовому договору.

Анализируя признак самостоятельности, Е.В. Лебедева отмечает, что он основывается на двух фундаментальных началах — свободе осуществления предпринимательства и свободе договора [9, с. 29]. Признак рисковости означает, что предпринимательская деятельность всегда сопряжена с риском получения или неполучения прибыли; риском реализации инвестиционных проектов; отсутствием гарантий удачной реализации предпринимательских проектов. Риск может быть низким или высоким, но он всегда существует, предприниматель должен самостоятельно оценивать риски и принимать на себя ответственность за несение этих рисков.

Одной из наиболее сложных задач при квалификации деяния лица в качестве административно наказуемого незаконного предпринимательства выступает определение систематичности получения прибыли как признака предпринимательской деятельности. Сложности при определении данного признака обусловлены наличием правовой неопределенности по следующим аспектам.

Прежде всего, неоднократно отмечаемая в юридической литературе проблема отсутствия в законодательстве об административных правонарушениях и гражданском законодательстве конкретизации самого понятия систематичности. По данному вопросу среди ученых нет единства мнений. Например, предлагается в качестве систематических расценивать действия, схожие по своему характеру и повторяющиеся два и более раза в течение года [3, с. 52]. Существует предложение рассматривать систематичность как признак предпринимательской деятельности в качестве процесса ее осуществления без длительных простоев, нацеленного на регулярное получение прибыли. При этом важна законодательная позиция относительно понимания критерия систематичности и вопроса систематичности самой деятельности [8, с. 72]. Рассматривая особенности заключения длящихся договоров в предпринимательской деятельности высказывается позиция о том, что сделка может быть совершена и один раз в год, а исполнение по этой сделке может быть многократным.

С целью конкретизации признака систематичности как квалифицирующего деятельность в качестве предпринимательской предлагаем определить количественный и качественный критерии. При этом количественным критерием следует считать периодичность — два раза или более в течение года, а качественным критерием — характер действий — они должны быть сходными по своему экономическому содержанию.

Особенность квалификации анализируемого признака предпринимательской деятельности заключается также и в том, что деятельность должна осуществляться путем продажи товаров, выполнения работ либо оказания услуг или использования имущества. На строгость соблюдения определенных ст. 2 ГК РФ форм, в которых может осуществляться предпринимательская деятельность, указывается и в юридической литературе [10, с. 80].

Полагаем, что данные формы также требуют анализа. Следует остановиться на продаже товаров. В отношении легального определения термина «товар» существует правовая неопределенность.

В ГК РФ не содержится определения термина «товар», однако оно используется применительно к договорам купли-продажи, мены. В некоторых нормах ГК РФ можно констатировать отождествление терминов «вещь» и «товар»*, тогда как в ст. 128 ГК РФ в числе объектов гражданских прав выделяются такие категории, как вещи и иное имущество, в том числе имущественные права. Определение товара содержится во многих нормативных правовых актах, в зависимости от конкретной сферы правового регулирования. В частности, согласно п. 1 ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ «О защите конкуренции» «товар — объект гражданских прав (в том числе работа, услуга, включая финансовую услугу), предназначенный для продажи, обмена или иного введения в оборот»**. Согласно ч. 3 ст. 38 Налогового кодекса Российской Федерации товаром признается «любое имущество, реализуемое либо предназначенное для реализации». Также определение «товар» закреплено и в других нормативных правовых актах***. Следует считать, что термин «товар» имеет межотраслевое значение и определение, закрепленное в Налоговом кодексе Российской Федерации, в данном контексте необходимо трактовать как общее.

Понятие «продажа» имеет значение одного из способов отчуждения. Очевидно, что отождествлять понятия «продажа» и «использование» не следует, как минимум потому, что известная со времен римского права триада правомочий собственника: владение, пользование и распоряжение — разделяет эти понятия. Отчуждение относится к способам распоряжения имуществом.

* См., напр.: п. 1 ст. 454 ГК РФ, п. 1 ст. 455 ГК РФ и др.

** О защите конкуренции: федер. закон от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ: ред. от 24 июня 2025 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 31 (ч. I). Ст. 3434; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

*** См., напр.: подп. 45 п. 1 ст. 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза; п. 9 ч. 1 ст. 2 ФЗ «Об организованных торгах» и др.

Таким образом, действующие в настоящее время правовые нормы ГК РФ отождествляют понятия «товар» и «вещь», но не отождествляют с ними понятие «иное имущество» (в том числе имущественные права). Согласно буквальному толкованию норм ст. 2 ГК РФ предпринимательской может признаваться такая деятельность, в ходе осуществления которой товаром распоряжаются (продают), а имущество используют. Вместе с тем остается неопределенность в отношении квалификации таких действий, как реализация имущества (в том числе имущественных прав).

Указанная неопределенность устраняется посредством правоприменительной практики. В частности, налоговый орган квалифицировал в качестве предпринимательской деятельность по реализации имущественных прав на объекты недвижимого имущества по договору уступки права требования, осуществляемую без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

Не согласившись с такой позицией налогового органа, физическое лицо обратилось в суд с административным иском. Но суды различных инстанций (от первой инстанции до Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации) в рассматриваемом деле поддержали позицию налогового органа и квалифицировали деятельность административного истца по реализации имущественных прав в качестве предпринимательской****.

Таким образом, очевидно, что суды расширительно трактуют словосочетание «продажа товара», подразумевая под этим и реализацию имущественных прав.

Полагаем, что подход судов в данном случае является обоснованным и требующим законодательного закрепления. Возможным вариантом нивелирования указанной правовой неопределенности может быть замена в рамках определения предпринимательской деятельности словосочетания «пользования имуществом,

**** Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 марта 2022 г. N 48-КАД21-24-К7. URL: <https://legalacts.ru/>

продажи товаров» на «пользования и реализации имущества».

Кроме того, выделение понятия «имущество» в качестве самостоятельного признака, с использованием которого осуществляется деятельность, на наш взгляд, также требует правовой трактовки. Возможность самостоятельно распоряжаться принадлежащим ему имуществом предоставлена гражданину как нормами ч. 1 ст. 34 Конституции Российской Федерации, так и рядом положений ГК РФ.

Например, гражданин сдает в аренду принадлежащую ему недвижимость. Необходимо установить, является ли данная деятельность предпринимательской, если да, то в каком случае. Признаки самостоятельности, систематичности и рисковости такого вида деятельности, как сдача имущества в аренду, можно определить. Означает ли это, что данная деятельность будет характеризоваться как предпринимательская?

От ответа на поставленный вопрос также зависит решение ряда проблем, поскольку при определении данной деятельности в качестве предпринимательской возникает вопрос о соблюдении лицом ряда норм, устанавливающих требования обязательной регистрации для получения статуса предпринимателя, а также вопрос о привлечении к административной ответственности за несоблюдение установленных требований.

На законодательном уровне данные вопросы не проработаны. Однако в правоприменительной практике существует определенная правовая позиция по указанной проблеме. В частности, Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда Российской Федерации неоднократно высказывалась позиция, согласно которой «объективным критерием для квалификации деятельности... по передаче имущественных прав на недвижимое имущество как предпринимательской является предполагаемое назначение нежилых помещений, а также вид разрешенного использования земельных участков, на которых расположены нежилые помещения. Кроме этого, о деятельности гражданина в качестве предпринимательской могут свидетельствовать цели и основания приобретения гражданином

указанного недвижимого имущества в собственность»*. Полагаем необходимым закрепить указанную правовую позицию судов на законодательном уровне.

Заключение

Таким образом, предпринимательская деятельность как объект административно-правового воздействия характеризуется сложностью и многогранностью. Государство стремится найти баланс между свободой предпринимательства и необходимостью защиты публичных интересов, используя для этого различные формы регулирования, контроля и стимулирования. Эффективное административно-правовое воздействие способствует созданию благоприятной среды для развития бизнеса, одновременно обеспечивая соблюдение законности и защиту общественных интересов.

На основании проведенного анализа необходимо обозначить следующие выводы.

Во-первых, при рассмотрении предпринимательской деятельности в качестве объекта административно-правового воздействия была установлена взаимосвязь с нормами гражданского права в части определения предпринимательской деятельности и характеризующих ее признаков.

Во-вторых, наибольшую сложность вызывает вопрос определения деятельности в качестве предпринимательской, для чего необходимо установить ее соответствие признакам, закрепленным в ст. 2 ГК РФ.

В-третьих, при квалификации деяния лица в качестве административно наказуемого незаконного предпринимательства проблемным является определение факта систематичности получения прибыли от совершения определенных действий как признака предпринимательской деятельности.

Признак систематичности требует законодательной конкретизации. Понятие систематичности предлагается конкретизировать посредством количественного и качественного признаков.

* Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 янв. 2019 г. N 78-КГ18-66. URL: <https://legalacts.ru/>

В-четвертых, в целях преодоления правовой неопределенности в области квалификации таких видов деятельности, как пользование имуществом и его реализация, в качестве предпринимательской

предлагается закрепить на законодательном уровне правовые позиции судов как в части расширительного толкования термина «продажа товаров», так и в части предполагаемого назначения имущества.

Список источников

1. Прасков'ин Д.А. О месте административной ответственности в системе административно-правового регулирования предпринимательской деятельности в России // Социально-экономические процессы современного общества: материалы II Всерос. науч.-практ. конф., Чебоксары, 8 октября 2024 г. Чебоксары: Среда, 2024. С. 261-264.
2. Иванов В.И. Административная ответственность: системно-правовой анализ // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 3. С. 16-23.
3. Попов А.В. Некоторые вопросы привлечения граждан к административной ответственности за незаконное предпринимательство // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. N 3. С. 51-58. URL: <http://electronic.rush.org/> (дата обращения: 1 июня 2025 г.).
4. Предпринимательское право: современный взгляд: монография / В.К. Андреев, Е.Г. Афанасьева, А.В. Барков [и др.]; отв. ред. С.А. Карелина, П.Г. Лахно, И.С. Шиткина. Москва: Юстицинформ, 2019. 600 с.
5. Вильская Н.В., Малахова В.Ю. Формы осуществления незаконного предпринимательства и проблемы квалификации // Образование и право. 2020. N 12. С. 299-303.
6. Зюзя М.Р. Предпринимательская деятельность как объект административно-правового регулирования // Инновации. Наука. Образование. 2021. N 45. С. 1277-1282.
7. Воскресенская Е.В. Предпринимательская деятельность как объект правового регулирования // Colloquium-Journal. 2019. N 25-9. С. 18-19.
8. Лебедева Е.В. Некоторые правовые характеристики признаков предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2023. N 6. С. 62-74.
9. Лебедева Е.В. Самостоятельность как признак предпринимательской деятельности // Юридический мир. 2025. N 2. С. 29-33.
10. Жилкин М.Г. Незаконное предпринимательство: вопросы межотраслевой дифференциации и квалификации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. N 3. С. 79-88.

References

1. Praskov'in D.A. On the Place of Administrative Responsibility in the System of Administrative and Legal Regulation of Entrepreneurial Activity in Russia. Socio-Economic Processes of Modern Society. Cheboksary, Sreda Publ., 2024. Pp. 261-264. (In Russ.).
2. Ivanov V.I. Administrative Responsibility: A System-Legal Analysis. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2023, no. 3, pp. 16-23. (In Russ.).
3. Popov A.V. Some Issues of Bringing Citizens to Administrative Liability for Illegal Entrepreneurship. Electronic Supplement to the Russian Law Journal, 2019, no. 3, pp. 51-58. Available at: <http://electronic.rush.org/> (Accessed: June 1, 2025). (In Russ.).
4. Andreev V.K., Afanasyeva E.G., Barkov A.V. [i dr.]. Entrepreneurial Law: A Modern Perspective. Moscow, Yustitsinform Publ., 2019. 600 p. (In Russ.).
5. Vil'skaya N.V., Malahova V.Yu. Forms of Illegal Entrepreneurship and Problems of Qualification. Education and Law, 2020, no. 12, pp. 299-303. (In Russ.).
6. Zyuzya M.R. Entrepreneurial Activity as an Object of Administrative and Legal Regulation. Innovations. Science. Education, 2021, no. 45, pp. 1277-1282. (In Russ.).
7. Voskresenskaya E.V. Entrepreneurial Activity as an Object of Legal Regulation. Colloquium-Journal, 2019, no. 25-9, pp. 18-19. (In Russ.).
8. Lebedeva E.V. Some Legal Characteristics of the Signs of Entrepreneurial Activity. Journal of Russian Law, 2023, no. 6, pp. 62-74. (In Russ.).
9. Lebedeva E.V. Independence as a Feature of Entrepreneurial Activity. Legal World, 2025, no. 2, pp. 29-33. (In Russ.).
10. Zhilkin M.G. Illegal Entrepreneurship: Issues of Intersectoral Differentiation and Qualification. Property Relations in the Russian Federation, 2021, no. 3, pp. 79-88. (In Russ.).

Раздел 4. Уголовный закон

Научная специальность: 5.1.4

Соотношение уголовно-правовых фикции и презумпции

Дмитрий Сергеевич Дядькин,

доктор юридических наук, доцент, Коллегия адвокатов «Дефенден Юстицио», Сургут, Россия, lex.dds@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8888-926X>

Виталий Алексеевич Щелкунов,

Коллегия адвокатов «Дефенден Юстицио», Сургут, Россия, shchelkunov.99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7560-4098>

Аннотация. Статья посвящена проблеме разграничения таких средств юридической техники, как уголовно-правовая фикция и уголовно-правовая презумпция. Констатируется, что, несмотря на широкое использование приведенных средств при формировании материи права, а также в правоприменительной практике, их теоретические определения, аргументация оснований применения, сущностные и конструктивные различия между собой до настоящего времени остаются поводом для научной дискуссии. Авторами выявляются и определяются соответствующие различия между исследуемыми средствами юридической техники – фикциями и презумпциями в уголовном праве. Представлена дополнительная аргументация необходимости дальнейшего теоретического исследования, а также более эффективного применения институтов фикций и презумпций в уголовно-правовой регуляции (защите) общественных отношений, отмечается роль указанных институтов в действующей правовой системе.

Ключевые слова: юридическая техника уголовного права, уголовно-правовая презумпция, уголовно-правовая фикция, правотворчество, правоприменение

Для цитирования: Дядькин Д.С., Щелкунов В.А. Соотношение уголовно-правовых фикции и презумпции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 3 (73). С. 28-37.

Correlation of criminal law fiction and presumption

Dmitry S. Dyad'kin,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Bar Association "Defenden Yustitsio", Surgut, Russia, lex.dds@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8888-926X>

Vitaly A. Shchelkunov,

Bar Association "Defenden Yustitsio", Surgut, Russia, shchelkunov.99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7560-4098>

Abstract. The article is devoted to the problem of delineation of such means of juridical techniques as criminal law fiction and criminal law presumption. It is stated that, despite the widespread use of the given means in forming the law matter and also in law enforcement practice, their theoretical definitions, argumentation of the grounds for their use, essential and constructive differences between themselves are still scientifically discussable. The authors identify and determine the relevant differences between the studied means of juridical techniques – criminal law fictions and presumptions. The need for both further theoretical research and more effective use of the institutions of fictions and presumptions in criminal law regulation (protection) of social relations is argued. The role of these institutions in the current legal system is noted.

Keywords: juridical techniques of criminal law, criminal law fiction, criminal law presumption, lawmaking, law enforcement

For citation: Dyad'kin D.S., Shchelkunov V.A. Correlation of criminal law fiction and presumption // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 3 (73). P. 28-37.

© Дядькин Д.С., Щелкунов В.А., 2025

Актуальность данной статьи определяется отсутствием в науке уголовного права единого общепринятого подхода к определению института уголовно-правовой фикции [1, с. 20; 2, с. 93; 3, с. 105; 4, с. 117]. Имеется аналогичная полемика и в отношении института уголовно-правовых презумпций [5, с. 184; 6, с. 241-242]. Данная ситуация порождает дискурс в том числе и по соотношению исследуемых правовых явлений фикции и презумпции как между собой, так и с иными смежными юридическими явлениями. В связи с активным использованием в правотворчестве и правоприменении данных институтов необходимость разрешения вышеуказанных вопросов в теории уголовного права определяет актуальность исследований, направленных на поиск соответствующих ответов.

Авторами настоящей статьи поставлена цель — на основе исследования сущностных и конструктивных свойств и признаков уголовно-правовых фикций сформулировать достаточное и допустимое исчерпывающее определение уголовно-правовой фикции, позволяющее отграничивать ее от смежных юридических институтов уголовного права (прежде всего презумпции). Достижение указанной цели будет способствовать развитию правовой теоретической мысли, позволяющей сформировать единообразный подход к пониманию природы фикций в уголовном праве; совершенствованию правотворчества и правоприменения при регулировании уголовно-правовых отношений с помощью инструмента фикций в праве; повышению качества правовой материи за счет использования наиболее эффективных юридических техник при ее создании и исключении проблем ее использования в правоприменении.

Аксиоматично стремление законодателя и правоприменителя к повышению качества действующих законов, к точному и единообразному их применению при регулировании уголовно-правовых отношений. Законы, выступая в роли механизма правового регулирования общественных отношений, ориентированы на долгосрочное регулирование социальных процессов, однако условия общественного развития, определяющие смысл и

свойства общественных отношений, нередко скоротечны и быстро изменяются, в связи с чем в ряде случаев законодательные установления существенно теряют эффективность и оптимальность регулирования в тот или иной промежуток времени. При этом такие необходимые свойства правовой системы, как стабильность, системность, достаточная степень обобщенности и абстрактности норм права, не позволяют произвольно и постоянно осуществлять изменение законодательной материи. Любые попытки совершенствования закона, связанные с увеличением объема нормативного материала, излишней детализацией норм права, расширением регулирования с помощью специальных норм по отношению к уже существующим общим, имели бы больше негативных последствий для правоприменения и вряд ли приблизили бы ситуацию к идеальной.

Наиболее оптимальной юридической техникой для преодоления трудностей регулирования специфичных общественных отношений, требующих отличных от установленных законом общих решений, а также в ситуациях, в которых правоприменительная практика нуждается в постулировании отсутствующих или замещающих юридических фактов, выступает использование уголовно-правовых фикций и презумпций. Данные институты в своей совокупности позволяют при сохранении достаточного уровня стабильности практики правоприменения, основанной на законе, динамично формировать дополнительную практикообразующую правовую материю, которая корректирует или дополняет материю закона и устанавливает самостоятельные правила регулирования отдельных общественных отношений, в том числе не только с помощью закрепления в обязательных источниках толкования закона правил регулирования, но и посредством закрепления правил интерпретации обстоятельств объективной действительности (юридических фактов) в части их восполнения, изменения. В обоих указанных случаях целью применения юридической техники в виде фикции или презумпции является создание условий для максимально эффективного и справедливого осуществления правосудия.

Общие цели применения в уголовно-правовой регуляции фикций и презумпций позволяют находить у них общие свойства. Вместе с тем наиболее сложным является вопрос о соотношении уголовно-правовых фикций и презумпций. Несмотря на широкое применение данных уголовно-правовых институтов в качестве средств специфической юридической техники по отношению к обычному законотворчеству, их теоретическое разграничение и особенности практического применения остаются малоисследованными и в ряде аспектов дискуссионными. Формирование глубоких и научно обоснованных представлений о различиях в природе указанных институтов позволит создать условия для качественного совершенствования как уголовного законодательства, так и практики его применения.

В юридической науке имеются традиционно принятые позиции относительно определения понятия презумпции. В частности, В.К. Бабаевым предложено следующее определение: «Правовая презумпция — это закрепленное в законе правило, предполагающее наличие или отсутствие фактов до представления доказательств противного или запрещающее их опровержение» [7, с. 3].

Исходя из вышеуказанного определения может сформироваться ошибочное мнение о неоспоримости презумпции. Первопричиной вырабатывавшегося годами ошибочного взгляда на презумпцию служило отрицание правовых фикций в советском уголовном праве, вследствие чего понятие презумпции было искусственно расширено и поглотило правовые фикции.

Первым обратил на это внимание К.К. Панько, который совершенно верно отмечает, что неопровержимые презумпции представляют собой правовые фикции [8, с. 71]. В более поздних исследованиях неопровержимые презумпции также отнесены к институту правовых фикций. В частности, Х.А. Каландаришвили делает вывод о том, что неопровержимое законное предположение представляет собой правовую фикцию, а не презумпцию [9, с. 19].

Таким образом, в настоящее время большинство специалистов определяют

презумпцию как предположение, признаваемое достоверным до тех пор, пока не будет доказано обратное. В юридической литературе презумпции квалифицируются на материальные и процессуальные.

Под материальной презумпцией следует понимать законное предположение, направленное на установление юридического факта; процессуальная презумпция — это предположение о доказанности либо недоказанности. В.И. Каминская связывает это разделение с содержанием нормы: если презумпция является основанием для установления порядка отношений, то она материальная, если же презумпция регулирует процессуальный вопрос, то она процессуальная [10, с. 50].

В.В. Тарасенко были предложены следующие признаки уголовно-правовой презумпции: 1) вероятностный вывод об объекте предположения; 2) прямое или косвенное закрепление в уголовно-правовой норме или постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации; 3) опровержимость и неопровержимость закрепленного законодательного предположения; 4) указание на мотив принятия [11, с. 59].

Представляется, что вышеприведенные понятия презумпций в уголовном праве не обладают набором признаков, позволяющим с достаточной необходимостью определять данное явление и отграничивать его от иных институтов уголовного права. По мнению авторов настоящей статьи, уголовно-правовая презумпция — это средство юридической техники, которое для целей эффективного и справедливого осуществления правосудия в законе либо в акте судебного толкования устанавливает общее правило применительно ко всем уголовным правоотношениям, заключающееся в том, что определенный юридический факт считается предустановленным до момента его опровержения процессуально закрепленным способом.

Из предложенного определения можно выделить следующие признаки уголовно-правовой презумпции, определяющие ее сущность: 1) средство юридической техники; 2) цель — повышение эффективности и достижение справедливости осуществления правосудия, обеспечение процессуальной экономии; 3) нормативность

(форма закрепления — в законе и в актах судебного толкования); 4) неограниченная сфера действия; 5) вероятностное значение ее вывода; 6) опровержимость специальными средствами.

Отнесение уголовно-правовой презумпции к категории средств юридической техники объясняется тем, что уголовно-правовая презумпция представляет собой инструмент правового регулирования, задающий исходные условия для применения норм, носящий материальный характер.

Согласно теории права средства юридической техники есть технико-юридический инструмент, используемый для конструирования правил регулирования правоотношений. Приемы юридической техники — это способы использования (применения) средств юридической техники, выступающие в роли метода при формулировании норм и имеющие лишь технико-юридический характер.

Применение института уголовно-правовых презумпций в уголовном праве преследует множество целей. В специальной литературе упоминаются: защита прав и свобод граждан, облегчение доказывания, установление баланса интересов, обеспечение стабильности и предсказуемости правовых отношений, соблюдение принципа справедливости. Представляется, что все перечисленные цели сводятся к следующим: повышение эффективности и справедливости осуществления правосудия; обеспечение процессуальной экономии.

Реализацией названных целей использования уголовно-правовых презумпций в практике регулирования уголовно-правовых отношений достигаются социально-положительные эффекты, такие как защита прав и свобод, упорядочение общественных отношений и устранение потенциальной правовой неопределенности. В качестве примера может послужить презумпция невменяемости, которая является инструментом оптимизации правоприменения.

Кроме того, использование презумпций в уголовном праве существенно упрощает бремя доказывания и обеспечивает стабильность правовой системы и ее актов. Примером является презумпция истинности судебных актов, реализуемая посредством установления преюдициальности судебных

актов, вступивших в законную силу. Сущность указанной презумпции выражается в том, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором или постановлением (определением) суда, являются обязательными до тех пор, пока приговор не будет пересмотрен по новым либо вновь открывшимся обстоятельствам, отменен, изменен судами последующих инстанций. Это значительно упрощает бремя доказывания, исключая необходимость доказывать обстоятельства, которые были установлены ранее.

Презумпции как средства достижения справедливости правосудия позволяют соблюдать конституционные права граждан (презумпция невиновности), не допускать необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности (презумпция вменяемости), усиливать авторитет органов осуществления правосудия и самой системы правосудия (презумпция истинности судебных актов).

Нормативность презумпций подразумевает нормативное закрепление в законе или в актах толкования. Анализ действующей нормативной базы показывает, что прямое закрепление презумпции осуществляется редко и является скорее исключением из правила, чем самим правилом. В настоящее время использование при построении дефиниции термина «презумпция» [12, с. 33] имеет место только в ст. 14 УПК РФ («Презумпция невиновности»). Наиболее распространенным способом закрепления презумпций является косвенный способ, о наличии которого следует судить тогда, когда положение не излагается непосредственно в норме, как при прямом способе, а выносится из нормы путем умозаключения, например, презумпция невменяемости, содержание которой прямо не поименовано в законе, а вытекает логически. На наличие презумпций в нормативном материале косвенно указывает использование следующих формулировок: «доказывается», «не доказано», «пока не доказано иное», «считается», «предполагается», «признается».

Неограниченная сфера действия уголовно-правовой презумпции означает ее действие в роли общего правила на все без исключения уголовно-правовые отношения.

Вероятностный характер находит выражение в том, что уголовно-правовая презумпция носит характер предположения, «предположение» в свою очередь является видом умозаключения, который характеризуется обобщением множества выводов об однородных явлениях, в силу чего имеет вероятностный характер.

Как отмечается в большинстве исследований, индуктивное умозаключение не подчиняется логическим законам, вследствие чего вывод не необходимый, а лишь вероятностный. В результате истинные посылки могут вести к ложному заключению, а сам вывод может содержать сведения, отсутствующие в исходных посылках [13, с. 146]. Примером этого может служить презумпция невиновности, в которой с вероятностным значением содержится то, что обвиняемый является невиновным в совершении преступления. Возможность виновности обвиняемого также предусматривается, однако сформулированное предположение основывается на том, что обвиняемый не всегда является лицом, совершившим данное преступление. Следовательно, считать лицо виновным недопустимо до тех пор, пока «...его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда».

Вероятностное значение уголовно-правовой презумпции и в целом презумпций не вызывает споров в доктрине и является традиционно принятым существенным признаком. Кроме того, традиционным условием для презумпции является возможность ее оспаривания участниками правоотношений, такое условие должно содержаться в самом положении. Вышеуказанный пример также в полной мере демонстрирует признак опровержимости (лицо считается невиновным, пока не доказано обратное).

Роль презумпции состоит в таком распределении в процессе правоприменения бремени доказывания, при котором в принципе всегда остается возможность их опровержения [14, с. 210].

В доктрине имеются позиции, предусматривающие неоспоримые презумпции. В частности, В.В. Тарасенко в качестве не-

оспоримой презумпции приводит пример — презумпцию непонимания ребенком общественной опасности деяния, предусмотренного уголовным законом, содержащуюся в ст. 20 УК РФ [11, с. 58]. Однако приведенный пример сложно отнести к презумпции. Статья 20 УК РФ содержит положение императивного характера, оспорить которое субъекту правоотношений невозможно. Даже если предположить, что данный пример относится к презумпциям, то он также может быть оспорен или, иными словами, опровергнут и исключен из правоприменения, но только не участниками правоотношений, а лицами, обладающими правом законодательной инициативы, указанными в ст. 104 Конституции Российской Федерации, путем внесения изменений в закон относительно возраста уголовной ответственности.

Презумпции основаны на типичных ситуациях, в которых определенный факт чаще всего соответствует действительности. В частности, в случае презумпции невменяемости, закрепленной в ст. 21 УК РФ, условие о невменяемости субъекта преступления является основанием для применения требования о недопустимости уголовной ответственности такого субъекта.

Таким образом, уголовно-правовая презумпция является правилом, закрепляющим результат предположения о наличии либо об отсутствии тех или иных обстоятельств (юридических фактов), с которыми закон связывает действие нормативно установленных правил.

Уголовно-правовые презумпции весьма схожи с уголовно-правовыми фикциями, но не идентичны им.

Авторами настоящей статьи принята попытка сформулировать удовлетворяющее теории и практику определение: уголовно-правовая фикция — это средство юридической техники, которое для целей эффективного и справедливого осуществления правосудия в законе либо в акте судебного толкования устанавливает для разрешения определенного уголовного правоотношения специальные правила, противоречащие общеустановленным, заключающиеся в принятии определенного несуществующего юридического факта действительным без возможности его опровержения.

Из предложенной дефиниции вытекают следующие признаки фикции: 1) средство юридической техники; 2) цель — повышение эффективности и достижение справедливости осуществления правосудия; 3) нормативность (форма закрепления — в законе и в актах судебного толкования); 4) ограниченная сфера действия; 5) квазизаконоугодность; 6) неопровержимость специальными средствами.

Фикции, как и презумпции, относятся к средствам юридической техники, также являясь специфическим инструментарием конструирования правил регулирования отдельных правоотношений. Целью применения фикций в уголовном праве является повышение эффективности и справедливости осуществления правосудия, которое выражается в том, что уголовно-правовая фикция оказывает влияние на осуществление правосудия посредством закрепления общеобязательного правила для разрешения конкретного правоотношения, если применение общего правила является неудовлетворительным.

Например, пунктом 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» предусмотрено, что приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, могут быть признаны соучастием в преступлении (например, в краже), если эти действия были обещаны исполнителю такого преступления до или во время его совершения либо по другим причинам (например, в силу систематического их совершения) давали основание исполнителю преступления рассчитывать на подобное содействие*.

Применение общего правила в данном правоотношении является неудовлет-

ворительным, так как общие нормы уголовного закона для признания в действиях лиц соучастия в преступлении в форме пособничества требуют заранее обещанной договоренности о действиях пособника. Однако в случаях, когда лицо систематически скупает краденое или иным образом демонстрирует готовность к содействию, прямая договоренность с исполнителем преступления часто отсутствует, фикция позволяет приравнять такие действия к пособничеству, несмотря на формальное несоответствие классическим признакам соучастия, что, в свою очередь, не дает возможности виновным лицам избежать наказания, используя формальный аргумент об отсутствии прямого сговора.

Достижение справедливости с помощью применения уголовно-правовой фикции выражается в закреплении ею специальных норм регулирования для конкретных специфических правоотношений, в которых применимость общих правил не позволяет реализовать данную цель.

Показательным примером выступает правило о квалификации «двойного убийства» — преступления, при совершении которого один из потерпевших был убит, а другой выжил по независящим от виновного лица обстоятельствам. Согласно общим правилам квалификации, предусмотренным уголовным законом (ст.ст. 29, 30 УК РФ), данное деяние должно быть квалифицировано как единое преступление по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Однако в таком случае подлежит применению правило о назначении наказания за неоконченное преступление, ограничивающее применение наиболее строгих видов наказания (ст. 66 УК РФ). Вследствие этого в ряде случаев отсутствует возможность достичь справедливости наказания при реализации указанного общего правила (например, если виновному при умысле на убийство нескольких человек не удалось реализовать свой умысел лишь в отношении одного потерпевшего). Общественная опасность такого деяния должна обуславливать возможность применения наказания в неограниченном объеме из арсенала санкции ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Именно поэтому высшая судебная инстанция, разъясняя правила квалифика-

* О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. N 32: ред. от 16 февр. 2019 г. // Рос. газ. 2015. 13 июля; 2019. 7 марта.

ции, сформулировала фикцию о наличии в таких случаях в действиях виновного лица совокупности оконченного и неоконченного преступлений. В пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» закрепляется особое правило квалификации, согласно которому убийство одного человека и покушение на убийство другого должно быть квалифицировано по ч. 1 или 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ*.

Подобные специальные правила квалификации (фикции), не отвечающие общим нормам уголовного права, также предусмотрены в сфере незаконного оборота наркотических средств и коррупционных преступлений. В целях достижения справедливости уголовно-правовой реакции они также изменяют подходы к определению стадии данных неоконченных преступлений при определенных действиях виновных лиц (пп. 13, 13.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»**, п. 13.2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. N 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»***).

* О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 янв. 1999 г. N 1: ред. от 3 марта 2015 г. // Рос. газ. 1999. 9 февр.; 2015. 6 марта.

** О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. N 14: ред. от 16 мая 2017 г. // Там же. 2006. 28 июня; 2017. 24 мая.

*** О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. N 24: ред. от 24 дек. 2019 г. // Там же. 2013. 17 июля; 2019. 31 дек.

Таким образом, уголовно-правовые фикции занимают особое место в правовой системе, в которую входят законодательные нормы, их толкование. Сущность таких фикций заключается в их способности преодолевать общеустановленные законодательные правила. В то время как закон четко очерчивает пределы правового регулирования, судебное толкование иногда позволяет выходить за эти границы.

Ограниченная сфера действия уголовно-правовой фикции подразумевает ее действие исключительно на прямо указанные в ней правоотношения. Существование данного специального правила не подменяет общие нормы, а выступает дополнением к ним. При этом большая юридическая сила фикции по отношению к закону (квазилегальность) независимо от того, где фикция закреплена, — в законе или в актах судебного толкования, по отношению к общим нормам закона основана на правиле конкуренции общей и специальной норм.

Таким образом, квазилегальность уголовно-правовой фикции выражается в возможности выходить за пределы общих нормативно установленных правил.

В частности, в примечании к ст. 139 УК РФ дано определение понятия «жилище», согласно которому в качестве жилого помещения в целях квалификации деяния может быть учтено помещение, не входящее в жилищный фонд (ст. 19 ЖК РФ).

Данное правило является неоспоримым и было учтено Калининским районным судом г. Уфы при вынесении приговора по делу N 1-497/2024 от 26 декабря 2024 г.****; Хоринским районным судом Республики Бурятия при вынесении приговора по делу N 1-187/2024 от 18 декабря 2024 г.*****

Перечисленные выше признаки исследуемых средств юридической техники в виде презумпций и фикций, а также общие и отличительные черты таковых проистекают из оснований (причин) их использования. Необходимость использования презумпций связана с наличием обстоятельств, требующих принятия общепотреб-

**** Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

***** Там же.

бимых правил для наиболее целесообразного и эффективного уголовно-правового регулирования. В свою очередь, причиной использования в уголовно-правовой регуляции фикций выступает ситуация неудовлетворительного регулирования конкретного специфического правоотношения с помощью существующего общего правила.

Теоретический интерес также вызывают различия в способах закрепления рассматриваемых в данной статье институтов. В законе и (или) в актах судебного толкования презумпция может быть закреплена прямо либо косвенно, а уголовно-правовая фикция всегда закрепляется косвенно. Теоретическое значение данной классификации нельзя недооценивать, несмотря на кажущееся отсутствие ее практической значимости. Такая классификация способствует систематизации знаний о фикциях и презумпциях, делению их на виды, а также разграничению между собой.

Подводя итог, представляется возможным сделать ряд выводов.

Уголовно-правовые фикции и презумпции имеют следующие общие признаки: 1) отнесение к категории средств юридической техники; 2) нормативность — оба средства юридической техники могут закрепляться и в законе, и в актах судебного толкования; 3) оба средства применяются в целях повышения эффективности и справедливости осуществления правосудия.

При этом указанные средства имеют ряд принципиальных различий: 1) по целям применения — презумпциям присуща цель обеспечения процессуальной экономии при осуществлении правосудия, которая не свойственна фикциям; 2) по сфере действия — презумпция формулирует общие правила применительно ко всем уголовно-правовым отношениям, тогда как фикция закрепляет специальное правило для отдельных специфических уголовных правоотношений; 3) по характеру — презумпция имеет вероятностный характер, предусматривается возможность ее опровержения, фикция не мо-

жет быть опровергнута, следовательно, она имеет абсолютный характер; 4) по основаниям применения — для презумпций это обстоятельства, требующие принятия общего наиболее целесообразного правила для уголовно-правового регулирования в целом. Фикции используются вследствие неудовлетворительного регулирования общего правила применительно к конкретному специфическому правоотношению; 5) по наличию конкуренции в праве — презумпция не находится в конкуренции с нормативно установленными правилами, фикция конкурирует с нормативно установленными правилами, чем определяется ее квазизакономерность; 6) по способу закрепления — презумпция может быть закреплена прямо и косвенно, уголовно-правовая фикция всегда закрепляется косвенно.

Проведенное исследование доказывает, что, несмотря на имеющиеся в доктрине уголовного права негативные мнения по поводу целесообразности существования в арсенале средств правового регулирования уголовных правоотношений как презумпций [см., например: 15, с. 177], так и фикций [см., например: 16, с. 30], указанные средства юридической техники играют важную роль в достижении целей осуществления правосудия. Эффективное разрешение уголовно-правовых отношений без использования рассмотренных средств юридической техники в настоящее время невозможно. Презумпции и фикции позволяют обеспечить достижение в уголовном праве баланса между динамичностью и стабильностью правового регулирования общественных отношений; восполнить пробелы в законодательстве либо закрепить специальные правила регулирования относительно отдельных специфических общественных отношений; увеличить эффективность осуществления правосудия посредством оптимизации процесса доказывания, в связи с чем их использование оправданно как с практической, так и с теоретической точки зрения.

Список источников

1. Резинов П.М. Юридическая фикция: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. 216 с.
2. Абдулханьянов И.А. Фикция в уголовном праве: теоретико-прикладное исследование: монография / под ред. А.П. Кузнецова. Москва: Юрлитинформ, 2024. 224 с.
3. Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895. 176 с.
4. Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. N 3. С. 113-118.
5. Кашанина Т.К. Юридическая техника: учебник. Москва: Эксмо, 2008. 496 с.
6. Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. Москва; Ленинград: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. 276 с.
7. Бабаев В.К. Презумпция в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969. 24 с.
8. Панько К.К. Фикции в уголовном праве и правоприменении. Воронеж, 1998. 233 с.
9. Каландаршвили Х.А. Презумпция, преюдиция и фикция в российском уголовном судопроизводстве: монография / под ред. И.В. Смольковой. Москва: Юрлитинформ, 2023. 160 с.
10. Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. Москва: АН СССР, 1948. 132 с.
11. Тарасенко В.В. Презумпции и фикции в современном уголовном праве России: монография. Москва: Юрлитинформ, 2022. 232 с.
12. Никиташина Н.А. Юридические предположения в механизме правового регулирования (правовые презумпции и фикции): дис. ... канд. юрид. наук. Абакан, 2004. 185 с.
13. Грядовой Д.И. Логика. Практический курс основ формальной логики: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Щит-М, 2007. 317 с.
14. Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. 240 с.
15. Спасович В.Д. Обзор решений гражданского кассационного департамента правительствующего сената по вопросам гражданского и торгового права, за вторую половину 1871 г. и первую половину 1872 г. // Журнал гражданского и уголовного права. 1873. Кн. 2 (Март). С. 164-199.
16. Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1895. 185 с.

References

1. Rezin'kov P.M. Legal Fiction: Theoretical and Legal Analysis. Cand. Diss. Volgograd, 2012. 216 p. (In Russ.).
2. Abdulhannyanov I.A. Fiction in Criminal Law: Theoretical and Applied Research. Moscow, Yurlitinform Publ., 2024. 224 p. (In Russ.).
3. Dormidontov G.F. Classification of Legal Phenomena Related to the Application of Fictions. Kazan, 1895. 176 p. (In Russ.).
4. Gorshenev V.M. Atypical Normative Prescriptions in Law. Soviet State and Law, 1978, no. 3, pp. 113-118. (In Russ.).
5. Kashanina T.K. Legal Technique. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 496 p. (In Russ.).
6. Strogovich M.S. The doctrine of material truth in criminal proceedings. Moscow; Leningrad, 1947. 276 p. (In Russ.).
7. Babaev V.K. Presumption in Soviet Law. Autoabstract Cand. Diss. Sverdlovsk, 1969. 24 p. (In Russ.).
8. Pan'ko K.K. Fictions in Criminal Law and Law Enforcement. Voronezh, 1998. 233 p. (In Russ.).
9. Kalandarishvili Kh.A. Presumption, Prejudice and Fiction in Russian Criminal Proceedings. Moscow, Yurlitinform Publ., 2023. 160 p. (In Russ.).
10. Kaminskaya V.I. The Doctrine of Legal Presumptions in Criminal Proceedings. Moscow, USSR Academy of Sciences, 1948. 132 p. (In Russ.).
11. Tarasenko V.V. Presumptions and Fictions in Modern Russian Criminal Law. Moscow, Yurlitinform Publ., 232 p. (In Russ.).
12. Nikitashina N.A. Legal Assumptions in the Mechanism of Legal Regulation (Legal Presumptions and Fictions). Cand. Diss. Abakan, 2004. 185 p. (In Russ.).
13. Gryadovoy D.I. Logic: Practical Course of Formal Logic Fundamentals. Moscow, Shchit-M Publ., 2007. 317 p. (In Russ.).
14. Smirnov A.V. Formal Means of Proof in Criminal Law and Procedure. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 240 p. (In Russ.).
15. Spasovich V.D. Review of decisions of the civil cassation department of the Governing Senate on issues of civil and commercial law, for the second half of 1871 and the first half of 1872. Journal of civil and criminal law, 1873, book 2 (March), pp. 164-199. (In Russ.).

16. Dormidontov G.F. Classification of Phenomena in Legal Life Related to the Application of Fictions. Kazan, Typo-Lithography of the Imperial University, 1895. 185 p. (In Russ.).

Вклад авторов:

Дядькин Д.С. – концептуализация исследования, написание и редактирование текста, научное руководство;

Щелкунов В.А. – сбор и анализ литературы, исследование судебной практики, написание статьи, первичная разработка определений.

Contribution of the authors:

Dyad'kin D.S. – conceptualizing the research, writing and editing the text of the article, scientific supervising;
Shchelkunov V.A. – collecting and analyzing the literature, studying the judicial practice, writing the text of the article, developing the definitions..

Раздел 5. Уголовно-процессуальное обозрение

Научная специальность: 5.1.4

Язык криминалистики и уголовного судопроизводства: теория и практика

Андрей Борисович Сергеев,

доктор юридических наук, профессор, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, Sergeev_ab@bk.ru

Евгений Владимирович Смахтин,

доктор юридических наук, профессор, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, smaxt@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4686-4093>

Аннотация. Статья посвящена вопросам, связанным с языком криминалистики и уголовного судопроизводства, наличием в нем слов иностранного происхождения. Отмечается, что язык уголовного судопроизводства включает терминологию, которая имеет законодательное закрепление, а часть криминалистических и уголовно-процессуальных терминов в законодательстве отсутствует, хотя и применяется на практике. Обосновывается необходимость учета постоянного изменения законодательства, что требует уточнения криминалистических и уголовно-процессуальных понятий в целях устранения коллизий, двусмысленного понимания и трактовки. Это особенно важно при использовании терминологии, которая уже «подверглась корректировке» законодателем и должна учитываться в дальнейших научных исследованиях. Актуальными проблемами развития языка криминалистики и уголовного судопроизводства, требующими своего решения, авторы считают несовершенство терминологии и необходимость ее унификации на уровне уголовно-правовых наук, а также признание языка науки в качестве важнейшего компонента, элемента системы ее методологии.

Ключевые слова: язык криминалистики, язык уголовного судопроизводства, электронный носитель информации, информационные технологии, оборот цифровых данных

Для цитирования: Сергеев А.Б., Смахтин Е.В. Язык криминалистики и уголовного судопроизводства: теория и практика // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 3 (73). С. 38-44.

Language of criminalistics and criminal proceedings: theory and practice

Andrey B. Sergeev,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, Sergeev_ab@bk.ru

Evgeny V. Smakhtin,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Tyumen State University, Tyumen, Russia, smaxt@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4686-4093>

Abstract. The article focusses on the issues related to the language of criminalistics and criminal proceedings, namely the presence of words of foreign origin in it. It is noted that the language of criminal proceedings includes legislated terminology, but for some forensic and criminal procedural terms there are no legislative definitions, though these terms are actually applied in practice. The authors substantiate the need for considering the continuous legislative changes, which requires clarification of some forensic and criminal procedural concepts in order to eliminate collisions, ambiguous understanding and interpretation. This is especially important when applying the terminology that has already been legislatively revised and should be taken into account in further scientific researches. It is stated that other topical problems of developing the language of criminalistics and criminal proceedings, which must be addressed, are: imperfection of terminology and the need for its unification at the level of criminal law sciences, as well as the recognition of scientific language as the most important component and element of the system of its methodology.

Keywords: language of criminalistics, language of criminal proceedings, electronic data carrier, information technologies, digital data circulation

For citation: Sergeev A.B., Smakhtin E.V. Language of criminalistics and criminal proceedings: theory and practice // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 3 (73). P. 38-44.

Введение

Язык как средство речевой коммуникации в любом обществе выступает важнейшим способом передачи информации. Поскольку межгосударственные связи многих стран предполагают постоянное общение между различными группами людей, то межнациональный обмен терминами происходит постоянно. В лексике современного русского языка множество иностранных слов. В их числе слова из английского и других языков (например, «маркетинг», «бренд» и другие).

Слова иностранного происхождения также используются в уголовном судопроизводстве и криминалистике. Например, в ст. 5 УПК РФ имеются слова латинского происхождения, такие как «алиби» и «вердикт». Многие слова, имеющие иностранное происхождение и использующиеся в науках уголовно-правового цикла, давно имплементировались в правоохранительную и судебную системы. Важно, что использование таких слов в науке и на практике не должно вызывать разночтений, особенно учитывая появление новых терминов, определения которых содержатся в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, а также попытки ученых представить собственное толкование замысла законодателя.

Авторами настоящей статьи поставлена цель раскрыть некоторые терминологические неточности, существующие в науке, в законодательстве и на практике, и предложить варианты устранения возникающих противоречий.

Основная часть

Зарождение криминалистики обычно связывают с именем австрийского ученого и юриста Г. Гросса, который в конце XIX в. предложил название новой науки [1, с. Р]. С точки зрения Г. Гросса, в уголовном судопроизводстве появилось значительное количество вопросов, которые не находили своего объяснения ни в материальном, ни в процессуальном уголовном праве.

Заслуга указанного ученого состояла в том, что он впервые обобщил разрозненные сведения о возможностях раскрытия преступления по оставленным преступником следам. В числе наиболее значимых факторов, влияющих на качество работы следователя, назывались такие, как своевременный осмотр места происшествия с применением технических средств, тактические особенности допроса преступника и очевидцев, использование для нужд расследования сведений из судебной медицины, химии, физики и некоторых других наук.

В начале XX в. известный русский ученый С.Н. Трегубов называет это новое научное направление по-иному: «научно-технические приемы расследования преступлений» или «уголовная техника», считая его прикладной научной дисциплиной, тесно связанной с уголовно-процессуальным правом [2, с. 7-19]. Об этом в 1925 году пишет И.Н. Якимов, резюмируя, что новая наука в различных странах называется по-разному. Однако, по мнению ученого, ее содержанию больше соответствует название «криминалистика». При этом И.Н. Якимов не поясняет причину выбора такого названия [3, с. 5]. Отечественные ученые полагали, что криминалистика — естественно-научная дисциплина, а ее основное назначение носит прикладной характер, позволяющий повысить качество уголовного судопроизводства.

Впоследствии это название науки было воспринято остальными учеными. В настоящее время считается, что криминалистика является юридической наукой и входит в уголовно-правовые науки. Большинство исследователей определяют криминалистику как науку о закономерностях механизма преступления и его отражения в материальной обстановке и идеальных образах, об участниках преступления, а также об основанной на познании этих закономерностей криминалистической де-

тельности на различных стадиях уголовного судопроизводства.

Возникновение криминалистики из «недр» уголовного процесса вполне понятно и объяснимо. Также вполне понятно и то, о чем эта наука. При этом вызывает вопросы происхождение данного слова. Г. Гросс, предлагая название новой науки, таких пояснений не дает. Согласно «Большой российской энциклопедии» слово «криминалистика» образовано от латинского *crimen* — преступление [4, с. 26]. Однако понятие «криминология» также происходит от латинского *crimen*. Отличие данных двух дисциплин, относящихся к уголовно-правовым наукам, на основании законодательства и практики выявить невозможно. И только в теории имеется объяснение, в соответствии с которым и криминалистика, и криминология изучают преступление, но каждая наука осуществляет это через призму своего предмета. Криминалисты изучают механизм совершения преступления, его отражение в следовой информации, а криминологи исследуют преступление как социальный феномен, порождающий причину его совершения. Иными словами, начиная с названия науки, имеет место некая двусмысленность при определении содержания ее научного компонента.

Можно привести еще один пример. В криминалистике существует отрасль криминалистической техники, которая получила название «трасология». Во многих учебниках и учебных пособиях отмечается, что это слово произошло от французского *la trace* (след) и греческого *logos* (учение) [см., например: 5, с. 5]. Общеизвестно, что у истоков современной трасологии стоял Б.И. Шевченко, который происхождение слова «трассология» объяснял несколько иначе и полагал, что новая отрасль уголовной техники изучает следы, возникшие в результате отображения внешнего строения одних объектов на других [6, с. 10-14]. Очевидно, что со временем буква «е» из термина «пропала», кроме того, происхождение слова ученые также стали объяснять по-другому. Вместе с тем в настоящее время данный термин не вызывает каких-либо научных дискуссий, в соответствующем разделе криминалистической

техники по-прежнему изучаются так называемые следы-отображения.

Следует отметить, что большинству ученых и практиков, как правило, не интересно происхождение терминов и связанных с ними понятий. Для них важно, чтобы содержание этих понятий адекватно отражало существующую парадигму в науке и практической деятельности, не создавало сложностей в правоприменении. Причем уголовное судопроизводство практически не содержит понятий, которые напрямую связаны с криминалистикой. Исключение составляют лишь понятия «следователь-криминалист» (ст. 5 УПК РФ) и «тактика допроса» (ст. 189 УПК РФ). Значимость криминалистических знаний и терминологии в большей степени проявляется в практической деятельности следователей, особенно в тех случаях, когда с помощью процессуальных средств раскрыть и качественно расследовать преступление не удастся. В сложных ситуациях применяются технические и тактические средства, позволяющие на высоком методологическом уровне обеспечить расследование любого преступления.

Приведенные примеры криминалистической и уголовно-процессуальной терминологии можно назвать общепотребительными, универсальными и устоявшимися для всех уголовно-правовых наук. Часть терминов определена на законодательном уровне, а другие, хоть и не определены, не вызывают каких-либо разночтений, воспринимаются на практике, относительно точно передавая свое содержание.

В уголовном судопроизводстве существуют и терминологические словосочетания, которые, как в теории, так и на практике воспринимаются неоднозначно. В частности, в ст. 164.1 и некоторых других нормах УПК РФ используется словосочетание «электронные носители информации». При расследовании преступлений вопросов о том, что под ними понимается, не возникает. Это различные флеш-накопители, SSD-накопители, DVD-диски и другие материальные носители, которые используются для записи, хранения и воспроизведения информации. Такая информация может находиться и в памяти различных компьютеров и телефонов.

Е.Р. Россинская, полемизируя относительно термина, используемого в законодательстве в настоящее время, полагает, что он не вполне удачный, поскольку не отражает современного состояния наук криминалистики и судебно-экспертной деятельности. В частности, Е.Р. Россинская является автором теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, в которой используются такие терминологические словосочетания, как «цифровые следы» и «цифровые носители информации» [7]. Следует отметить, что ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном законодательстве такие понятия не используются. М.М. Льяновым предложено терминологическое словосочетание «электронно-цифровые следы», которое частично соответствует УПК РФ, более полно отражает цифровой характер исследуемых следов [8, с. 9]. Однако данное предложение поддержки Е.Р. Россинской в ходе ее выступления в качестве официального оппонента на защите диссертации М.М. Льянова не получило.

Соответственно, на практике возникает вопрос о том, что именно должен указать следователь в протоколе осмотра материальных объектов при их изъятии, — «электронные носители информации» или «цифровые носители информации». Представляется, что в процессе расследования преступлений следователи, как правило, совершенно верно указывают, что изъятию подлежат электронные носители информации, используя терминологическое словосочетание, закрепленное законодательно.

Следует продолжить рассмотрение вопроса о цифровых следах и некоторых других словосочетаниях, содержащих термин «цифровой». В их числе «цифровая криминалистика», «цифровые технологии», «цифровая информация» [9, с. 3]. В данном случае необходимо уточнить причину распространенности указанных терминологических словосочетаний. По мнению В.Б. Вехова, электронные носители и содержащаяся в их памяти криминалистически значимая компьютерная информация представляют собой цифровые следы, следовательно, термин «цифровая криминалистика» как частная криминалистическая теория вполне уместен

[10, с. 11]. В соответствии с этим в цитируемом учебнике используются и другие словосочетания со словом «цифровой». Однако, исходя из действующего законодательства, термин «цифровые технологии» неточен. В частности, в п. «м» ст. 71 Конституции Российской Федерации названы информационные технологии и оборот цифровых данных. Таким образом, правильно говорить не о цифровых, а об информационных технологиях. Использование в настоящее время термина «цифровые технологии» как в теории, так и на практике не совсем корректно, прежде всего с точки зрения юридической техники.

Не менее значимым представляется определение таких понятий как в законе, так и в науке. Что касается самой информации и ее движения посредством информационных технологий, то компьютерная информация технологически перемещается при помощи различных цифровых сочетаний. В частности, информация, имеющая криминалистическое и уголовно-процессуальное значение, записывается на электронный носитель в виде двоичного цифрового кода, а затем при помощи информационных технологий передается от одного носителя информации к другому, в дальнейшем вновь записывается, но уже на новый электронный носитель информации. И на первом, и на втором устройстве информация хранится в цифровом (двоичном) коде. В результате трансформации цифрового кода получается текстовое, графическое или иное информационное сообщение. Очевидно, что терминологические словосочетания «оборот цифровых данных» и «информационные технологии» являются правильными и наиболее точно отражающими суть описываемых учеными процессов движения криминалистически значимой информации в уголовном судопроизводстве.

Однако не все авторы восприняли внесенные в Конституцию Российской Федерации изменения как «сигнал к действию» и продолжают в своих научных исследованиях употреблять терминологическое словосочетание «цифровые технологии» [11, с. 402].

Значение терминологической системы любой науки трудно переоценить, а

точность передаваемых научных знаний свидетельствует о зрелости науки. По мнению А.Ю. Головина, язык науки выступает показателем ее прогресса [12, с. 96]. Язык криминалистики и уголовного судопроизводства представляет собой сложную динамическую систему, которая выступает средством и способом реализации назначения уголовного судопроизводства в правоохранительной и судебной деятельности. Терминология криминалистики имеет определенную специфику, которая не всегда находит свое отражение в уголовном судопроизводстве.

В связи с этим «вольное обращение» с языком криминалистики вызывает справедливую критику со стороны многих ученых. Например, И.М. Комаров считает это серьезной проблемой науки криминалистики [13, с. 55].

Разработкой научных основ криминалистической терминологии на протяжении последних нескольких лет успешно занимается А.А. Светличный [14]. Исследователь полагает, что смысловое единство знания в области противодействия преступной деятельности возможно при правильной интерпретации существующей терминологии. Основными тенденциями развития языка криминалистики, по мнению А.А. Светличного, является совершенствование существующей терминологии, формирование целостного криминалистического знания в терминологическом пространстве уголовно-правовых наук, а также развитие и совершенствование методологии криминалистики [14, с. 14].

Следует рассмотреть эти тенденции более подробно. По мнению авторов настоящей статьи, выявленная проблема требует своего решения, но в силу инертности научного знания этот процесс будет осуществляться длительно, вероятность его завершения в ближайшее время отсутствует. Данный процесс можно назвать постоянным, поскольку будет появляться все новая и новая терминология. Следовательно, потребуется ее унификация и введение не только в язык криминалистики, но и в язык уголовного судопроизводства.

Формирование целостного языка уголовно-правовых наук представляется важной научной проблемой, требующей

своего решения. Однако поспешность во многих вопросах изменения законодательства, нередко неточность формулировок и необходимость их постоянной корректировки также свидетельствуют о том, что это постоянно действующая тенденция, характеризующая современный процесс нормотворчества в уголовно-правовых науках. Можно отметить, что законодатель действует динамично, оперативно реагируя на потребности практики. В результате действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство постоянно дополняется новыми нормами, а затем и корректируется. Однако эта работа ведется не системно, что приводит к возникновению большого количества проблем на практике. Их решение не всегда возможно даже после разъяснений высших судебных органов.

Более реальным видится решение третьей научной проблемы, связанной с рассмотрением языка криминалистики и уголовного судопроизводства через призму методологии научного знания. Представляется, что методология криминалистики и уголовного судопроизводства совершенствуется и получает свое дальнейшее развитие именно через язык науки, что делает его важнейшим структурным компонентом методологии уголовно-правовых наук.

Заключение

1. Межнациональный обмен языковыми терминами, которые входят в язык криминалистики и уголовного судопроизводства, является положительным фактором развития языка науки, особенно в тех случаях, когда данные термины воспринимаются всеми участниками уголовного судопроизводства однозначно. В числе таких терминов слова, имеющие иностранное происхождение («алиби», «вердикт» и некоторые другие).

2. Язык криминалистики имеет собственную терминологию, которая далеко не всегда находит отражение на законодательном уровне. В настоящей статье в качестве примера приведен термин «трасология». Применение данного термина в науке и на практике не вызывает каких-либо противоречий и сложностей. В то же время ученым-криминалистам следует избегать использования терминологии,

противоречащей действующему законодательству.

3. Часть криминалистической терминологии имеет законодательное закрепление, но в законе отсутствуют определения этих понятий. Было бы нецелесообразным включение в нормативные правовые акты дефиниций всех содержащихся в них понятий. В противном случае неоправданно объемные законы вызовут сложности в правоприменении. Вместе с тем определения понятий, не используемых в действующем законодательстве, но имеющих в науке, должны представлять собой единую и непротиворечивую систему терминов, входящих в язык науки.

4. В этих же целях необходимо определить понятия «информационные технологии», «оборот цифровых данных» на уровне отраслевого законодательства, поскольку в Конституции Российской Федерации они названы, но не определены.

5. Единая и непротиворечивая система понятий, входящих в язык криминалистики, не должна противоречить языку уголовного судопроизводства, а формирование целостного языка уголовно-правовых наук представляется важной научной задачей, требующей своего решения.

6. Язык криминалистики и уголовного судопроизводства является важным компонентом, входящим в методологию науки.

Список источников

1. Грос Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики: пер. с нем. [Новое изд. перепеч. с изд. 1908 г.]. Москва: ЛексЭст, 2002. 1088 с.
2. Трегубов С.Н. Основы уголовной техники, научно-технические приемы расследования преступлений. Москва: ЛексЭст, 2002. 336 с.
3. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. [Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г.]. Москва: ЛексЭст, 2003. 496 с.
4. Большая российская энциклопедия: в 30 т. Т. 16. Москва, 2010. 750 с.
5. Трасология и судебная трасологическая экспертиза: учебное пособие / И.А. Анищенко, Т.В. Ахраменко, К.М. Дубик [и др.]. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2019. 346 с.
6. Шевченко Б.И. Научные основы современной трасеологии: Осмотр места кражи, совершенной с применением технических средств: сб. науч. тр.. Москва: ЛексЭст, 2004. 98 с.
7. Россинская Е.Р., Савенков А.Н. Актуальные направления развития общей теории криминалистики сквозь призму современных технологий // Государство и право. 2024. N 10. С. 156-168.
8. Льянов М.М. Криминалистическое значение электронно-цифровых следов преступлений экстремистской и террористической направленности в сети «Интернет»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2025. 25 с.
9. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / под ред. В.Б. Вехова, С.В. Зуева. Москва: Юрайт, 2021. 417 с.
10. Цифровая криминалистика: учебник / В.Б. Вехов, С.В. Зуев, Д.В. Бахтеев [и др.]. 2-е изд., доп. и перераб. Москва: Юрайт, 2024. 490 с.
11. Сариев Г.С. О возможностях использования цифровых технологий при расследовании преступлений // Вопросы российской юстиции. 2024. Вып. N 34. С. 402-411.
12. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика: монография / под ред. Н.П. Яблокова. Москва: ЛексЭст, 2002. 335 с.
13. Комаров И.М. Язык криминалистики: преступление, его механизм и криминалистическая характеристика // Общество и право. 2025. N 1. С. 55-58.
14. Светличный А.А. Криминалистическая терминология в теории и практике противодействия преступной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2024. 53 с.

References

1. Gros G. Guidance for forensic investigators as a forensic science system. Moscow, LexEst Publ., 2002. 1088 p. (In Russ.).
2. Tregubov S.N. Basics of criminal technology, scientific and technical methods of investigating crimes Moscow, LexEst Publ., 2002. 336 p. (In Russ.).
3. Yakimov I.N. Forensics. Criminal Technique and Tactics Manual. Moscow, LexEst, Publ., 2003. 496 p. (In Russ.).
4. Big Russian Encyclopedia. Moscow, 2010. In 30 volumes. Vol. 16. 750 p. (In Russ.).

5. Anishchenko I.A., Ahramenko T.V., Dubik K.M. [i dr.]. Trasology and forensic trasological examination. Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2019. 346 p. (In Russ.).
6. Shevchenko B.I. Scientific foundations of modern traseology: Inspection of the place of theft committed with the use of technical means. Moscow, LexEst Publ., 2004. 98 p. (In Russ.).
7. Rossinskaya E.R., Savenkov A.N. Actual directions of development of the general theory of criminalistics through the prism of modern technologies. State and law, 2024, no. 10, pp. 56-168. (In Russ.).
8. Lyanov M.M. The forensic significance of electronic digital traces of crimes of an extremist and terrorist nature on the Internet. Autoabstract Cand. Diss. Yekaterinburg, 2025. 25 p. (In Russ.).
9. Digital forensics. Moscow, Yurayt Publ., 2021. 417 p. (In Russ.).
10. Vekhov V.B., Zuev S.V., Bakhteev D.V. [i dr.]. Digital forensics. Moscow, Yurayt Publ., 2024. 490 p. (In Russ.).
11. Sariev G.S. On the possibilities of using digital technologies in the investigation of crimes. Issues of Russian justice, 2024, issue 34, pp. 402-411. (In Russ.).
12. Golovin A.Yu. Forensic systematics. Moscow, LexEst Publ., 2002. 335 p. (In Russ.).
13. Komarov I.M. The language of forensics: a crime, its mechanism and forensic characteristics. Society and law, 2025, no. 1, pp. 55-58. (In Russ.).
14. Svetlichny A.A. Forensic terminology in the theory and practice of countering criminal activity. Autoabstract Cand. Diss. Kaliningrad, 2024. 53 p. (In Russ.).

Вклад авторов:

Сергеев А.Б. – идея исследования и определение его основных направлений, анализ научных источников и нормативных правовых актов, написание статьи, формулирование выводов;

Смахтин Е.В. – анализ происхождения терминов и терминологических словосочетаний в криминалистике и уголовном судопроизводстве, написание статьи, предложение путей устранения возникших противоречий.

Contribution of the authors:

Sergeev A.B. – idea of the research and determining its main directions, analyzing the scientific sources and regulatory legal acts, writing the text of the article, formulating the conclusions;

Smakhtin E.V. – analyzing the origin of the terms and terminological phrases in criminalistics and criminal proceedings, writing the text of the article, proposing the ways of eliminating the arisen contradictions.

Научная специальность: 5.1.4

**Развитие в отдельных диссертационных исследованиях
современного периода научных идей правового
регулирования отношений, возникающих при наступлении
смерти участников уголовного судопроизводства**

Ольга Александровна Мельникова,

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, olstarczewa@yandex.ru

Светлана Сергеевна Чернова,

кандидат юридических наук, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, chernovaswetlana@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования основных научных идей, отражающих взгляд современных ученых на вопросы, связанные с совершенствованием правового регулирования отношений при наступлении смерти участников уголовного судопроизводства. Анализу подвергнуты отдельные диссертационные исследования, проведенные на современном этапе развития уголовно-процессуальной науки, посвященные вопросам защиты прав и законных интересов умершего участника уголовного судопроизводства, его близких родственников и других лиц в рамках института правопреемства. Отмечено единство подхода ученых к определению смерти как юридического факта в уголовном судопроизводстве. Приведены противоположные точки зрения исследователей по отдельным вопросам, составляющим предмет научной полемики. Сделан вывод о том, что предыдущие обращения ученых к вопросам правового регулирования отношений при наступлении смерти отдельных участников уголовного судопроизводства не смогли ни исчерпать тему, ни снизить ее актуальность.

Ключевые слова: совершенствование правового регулирования, смерть участника уголовного судопроизводства, юридический факт, правовые последствия смерти

Для цитирования: Мельникова О.А., Чернова С.С. Развитие в отдельных диссертационных исследованиях современного периода научных идей правового регулирования отношений, возникающих при наступлении смерти участников уголовного судопроизводства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 3 (73). С. 45-53.

**Development of the scientific ideas on legal regulation of
relations arising in the event of death of participants in criminal
proceedings in certain modern dissertation studies**

Olga A. Melnikova,

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, olstarczewa@yandex.ru

Svetlana S. Chernova,

Candidate of Legal Sciences, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, chernovaswetlana@mail.ru

Abstract. The article examines the main scientific ideas reflecting the modern scientists' views on the issues related to improving the legal regulation of relations in the event of death of participants in criminal proceedings. The article analyzes certain dissertation studies conducted at the current stage of development of criminal procedure science and dedicated to the issues of protecting the rights and legitimate interests of a deceased participant in criminal proceedings, his / her close relatives and other individuals within the

institution of legal succession. The unity of scientists' approach to defining death as a legal fact in criminal proceedings is noted. Some opposing researchers' viewpoints on certain issues that are the subject of scientific debate are provided. It is concluded that previous studies on the legal regulation of relations in the event of death of certain participants in criminal proceedings have neither exhausted the topic nor reduced its relevance.

Keywords: improvement of legal regulation, death of a participant in criminal proceedings, legal fact, legal consequences of death

For citation: Melnikova O.A., Chernova S.S. Development of the scientific ideas on legal regulation of relations arising in the event of death of participants in criminal proceedings in certain modern dissertation studies // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 3 (73). P. 45-53.

В 2023 году исполнилось десять лет с момента внесения в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в УПК РФ (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности)»*. Указанному событию предшествовало решение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. N 16-П «О проверке конституционности положения п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко»**, которое, по мнению Ю.О. Мещеряковой, легло в основу разработки Правительством Российской Федерации указанного выше законопроекта [1, с. 3].

Исследователи отмечают неэффективность предпринятой законодателем попытки реализовать правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, направленную на обеспечение защиты чести и достоинства умершего участника уголовного процесса (подозреваемого, обвиняемого), а также упрощение деятельности правоприменителей, поскольку законопроект был отклонен и до

настоящего времени предложенные изменения в УПК РФ так и не внесены [1, с. 3; 2, с. 4; 3, с. 111].

И.В. Смолькова при этом акцентирует внимание не только на отклонении законопроекта, но и на высказанных негативных отзывах относительно его содержания со стороны ученых-процессуалистов [4, с. 278]. На отсутствие поддержки специалистов указывает в своих работах и А.А. Патрушева [5, с. 4].

Вместе с тем А.А. Патрушева отмечает, что сложившаяся ситуация не могла остаться без внимания исследователей. Так, в отдельных работах были рассмотрены вопросы прекращения уголовного дела в отношении умершего подозреваемого (обвиняемого), реализации права на реабилитацию, участия в уголовном судопроизводстве родственников умершего лица [6]. Также проблематика, обозначенная в решении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. N 16-П «О проверке конституционности положения п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко», нашла свое отражение в диссертационном исследовании Ю.О. Мещеряковой «Производство по уголовному делу в отношении умершего» (2018 г.) [7], О.В. Анучиной «Производство по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности» (2020 г.) [8].

Необходимо отметить, что целями и задачами диссертационных исследований Ю.О. Мещеряковой, О.В. Анучиной не охватывается анализ вопросов, связанных со смертью других субъектов уголовно-про-

* О внесении изменений в УПК РФ (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности): проект федерального закона Государственной Думы Рос. Федерации от 25 янв. 2013 г. N 180771-6. URL: <http://docs.pravo.ru>

** Рос. газ. 2011. 29 июля.

цессуальной деятельности (например, потерпевшего, свидетеля).

Рассмотрение отдельных аспектов уголовно-процессуальной деятельности, а именно проблематики, связанной со смертью потерпевшего, свидетеля, нашло свое отражение в научных исследованиях О.В. Шипуновой, С.С. Черновой* и других ученых, однако это не было реализовано в виде самостоятельного дис-

В обоснование своего вывода приведем ряд статистических данных. Так, несмотря на снижение в отдельные годы** количества лиц, погибших в результате произошедших преступлений, данный показатель остается высоким***. При этом обращает на себя внимание рост гибели людей от преступных посягательств в 2024 г. на 11,5 % (23 474 человека)**** (рис. 1).

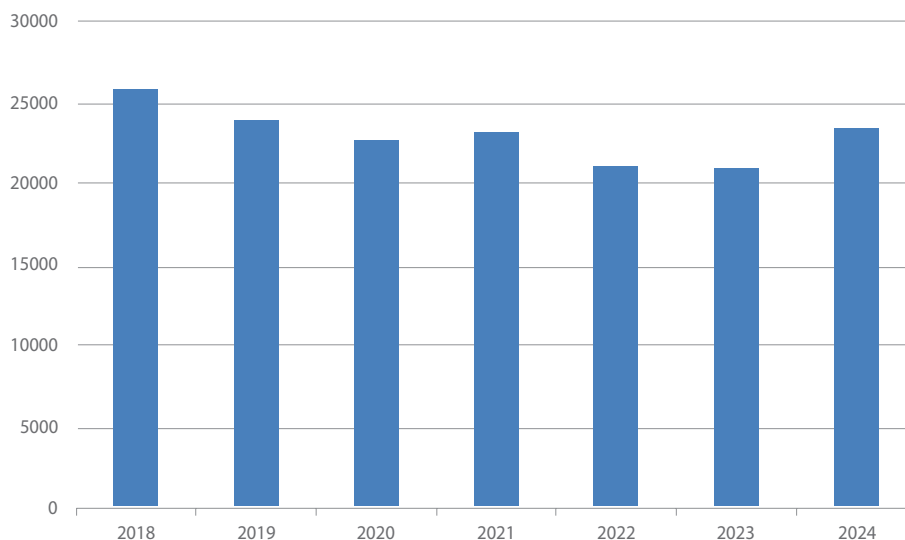

Рис. 1. Количество лиц, погибших в результате произошедших преступлений (2018-2024 гг.)

сертационного исследования. Таким исследованием стала работа А.А. Патрушевой «Уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в связи со смертью участников уголовного судопроизводства» (2020 г.) [9].

Учитывая сказанное, логичным представляется вывод о том, что обращения ученых к вопросам правового регулирования отношений при наступлении смерти отдельных участников уголовного судопроизводства, исчерпали тему смерти в уголовном процессе или по крайней мере снизили ее актуальность, однако это не так.

* См.: Шипунова О.В. Актуальные вопросы процессуального участия близких родственников, близких лиц и родственников по уголовным делам о преступлениях, последствиям которых явилась смерть потерпевшего // Концепт. 2014. Т. 20. С. 1386-1390; Чернова С.С. Процессуальные последствия смерти потерпевшего // Вестник Омской юридической академии. Омск. 2015. N 1 (26). С. 70-73.

Необходимо обозначить, что ряд авторов в своих исследованиях неоднократно ставили под сомнение указанные данные, считая их заниженными. Например, И.Р. Трунов, Л.К. Айвар указывают, что в число погибших при дорожно-транспортных преступлениях входят только те, чья смерть наступила в течение нескольких дней после события,

** Для рассмотрения выбран период с 2018 по 2024 год (начало периода – защита диссертационного исследования Ю.О. Мещеряковой «Производство по уголовному делу в отношении умершего», окончание периода – подведение статистических данных в России за последний полный год).

*** Наблюдается увеличение показателя смертности в 2021 г. и 2024 г.

**** Преступность и правонарушения (2018-2022): статистический сборник. М., 2023. 178 с.; Преступность и правонарушения (2018-2023): статистический сборник. М., 2024. 178 с.; Преступность в России в 2024 г. URL: <http://www.demoscope.ru>

иные же переходят в категорию «получили ранение» [10].

Кроме того, статистический показатель относится только к такой категории участников уголовного судопроизводства, как потерпевший, и приравненной к ней положениями ч. 8 ст. 42 УПК РФ категории «умершее лицо», то есть лицо, умершее до вынесения постановления о признании его потерпевшим [3, с. 112].

В то же время, согласно официальным статистическим данным, в Российской Федерации ежегодно регистрируется около 1,8-2,5 млн умерших по различным причинам*. В их число входят и лица, обладающие различным процессуальным статусом по уголовному делу (например, свидетель, подозреваемый, обвиняемый) (рис. 2).

В рамках заявленного названия статьи будут подвергнуты анализу диссертационные исследования Ю.О. Мещеряковой [7], О.В. Анучиной [8], А.А. Патрушевой [9], которые представляют собой научные труды, посвященные именно комплексному анализу вопросов, связанных со смертью участников уголовного судопроизводства, а не отдельным аспектам этой темы.

Целесообразно отметить единство подхода указанных исследователей к рассмотрению смерти как юридического факта в уголовном судопроизводстве. Так, в первом параграфе первой главы «Смерть как юридический факт и основание уголовной ответственности» диссертационного исследования (далее — диссертация, работа) Ю.О. Мещеряковой делается вывод о том, что смерть относится к юри-

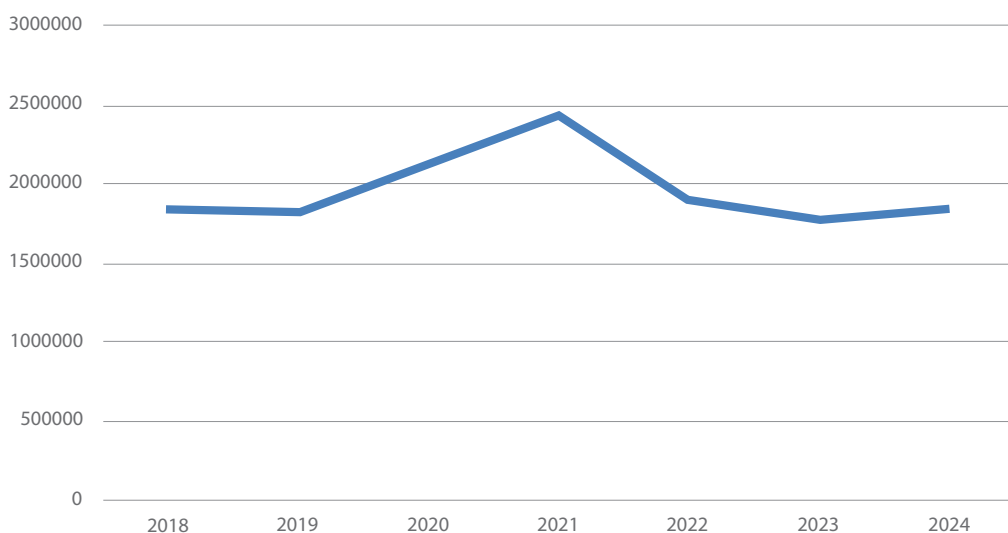

Рис. 2. Количество лиц, умерших в России (2018-2024 гг.)

Также в обоснование своего вывода о том, что тема смерти в уголовном процессе не утратила своей актуальности, укажем, что часть вопросов осталась за рамками проведенных исследований, отсутствует единая судебная практика, а по отдельным вопросам высказаны противоречивые мнения.

* Число умерших в России // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru>; Население России: сайт. URL: <http://www.countrymeters.info>

дическим фактам, обуславливающим для одной категории лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, прекращение прав и обязанностей (для умерших), а для других их возникновение, прекращение или изменение (например, для близких родственников умершего) [1, с. 12]. Аналогичные выводы представлены в первом параграфе второй главы «Смерть обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, как юридический факт» диссертации О.В. Анучиной [8, с. 96].

В работе А.А. Патрушевой [9, с. 17, 2] анализу смерти как юридического факта посвящена первая глава «Смерть как юридический факт в уголовном судопроизводстве», состоящая из четырех параграфов. В третьем параграфе данной главы «автор рассматривает смерть как юридический факт в уголовном судопроизводстве, влекущий за собой возникновение, изменение и прекращение уголовно-процессуальных правоотношений» [11, с. 123]. А.А. Патрушева объединяет лиц, чья смерть влечет правовые последствия в уголовном процессе, в категорию «незаменимые участники уголовного судопроизводства», включая в нее только подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля [9, с. 57].

Поддерживая вывод А.А. Патрушевой, акцентируем внимание, что именно смерть незаменимых участников уголовного процесса на различных его стадиях имеет значение и влечет возникновение, прекращение или изменение правовых последствий. Не затрагивая моральную сторону этого события, следует отметить, что смерть иных, «заменимых» участников влечет лишь организационные сложности или не влечет таковых вообще [12, с. 4]. Например, в соответствии со ст. 242 УПК РФ уголовное дело подлежит рассмотрению одним и тем же судьей, а при невозможности его участия (в том числе по причине смерти) судебное разбирательство по уголовному делу начинается заново. В части 3 ст. 329 УПК РФ указано, что если количество выбывших присяжных заседателей (в том числе по причине смерти) превышает количество запасных, то состоявшееся судебное разбирательство признается недействительным и председательствующий повторно приступает к отбору присяжных заседателей. Однако если смерть присяжного заседателя наступила в ходе судебного разбирательства, но до удаления присяжных заседателей в совещательную комнату для вынесения вердикта, то он заменяется запасным присяжным заседателем, то есть как таковых негативных процессуальных последствий вообще не наступает (ч. 1 ст. 29 УПК РФ).

При этом исследователи ставят под сомнение подход указанного автора к до-

казыванию факта смерти в зависимости от процессуального статуса лица [11, с. 125]. Например, А.А. Патрушева считает достаточным составление протокола осмотра трупа в качестве «официального оформления в материалах уголовного дела» факта смерти потерпевшего (лица, чья гибель стала следствием совершенного в его отношении преступления), в отношении иных участников процесса (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, умершего от причин, не связанных с преступлением) говорится об обязательном «истребовании сведений в органах ЗАГС».

Что же касается моральной стороны, то представляет интерес третий параграф диссертации О.В. Анучиной «Нравственные начала уголовного судопроизводства в отношении умершего лица», в котором автор, исследуя такие нравственные категории, как справедливость, репутация, достоинство, приходит к выводу о том, что отсутствие в УПК РФ процессуального порядка (норм, регламентирующих порядок) производства в отношении умершего «свидетельствует о наличии пробела и в части морально-нравственной основы и морально-нравственного понимания в целом такого производства» [8, с. 69; 2, с. 19].

Развивая суждения об отсутствии в действующем законодательстве норм, регламентирующих производство по уголовному делу в случае смерти подозреваемого или обвиняемого, О.В. Анучина приходит к выводу о наличии предпосылок для создания особой формы производства «на теоретическом и правовом уровне» [8, с. 22-47; 2, с. 18]. В качестве одного из положений, вынесенных исследователем на защиту, предложена авторская модель производства по уголовному делу в случае смерти подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности [2, с. 11]. Аналогичная позиция и доводы о необходимости «закрепления соответствующих изменений в самостоятельной главе уголовно-процессуального закона», поддерживаемые рецензентами [13, с. 9], О.В. Анучина приводит и в статьях, опубликованных после защиты диссертации [13].

Ранее в работе Ю.О. Мещеряковой также внесено предложение о дополнении

раздела УПК РФ еще одним особым производством — «Производство по уголовному делу в отношении умершего» [1, с. 10].

Иного мнения придерживается А.А. Патрушева, предлагая «точечные» изменения действующего уголовно-процессуального законодательства. Например, исследователь считает целесообразным дополнить ст. 24 УПК РФ частью пятой, в которой предлагает указать основания невозможности принятия решения о прекращении уголовного дела (отказе в возбуждении уголовного дела) в отношении умершего лица [9, с. 253]; внести изменения в ст. 51 УПК РФ, признав производство по уголовному делу в отношении умершего в качестве основания обязательного участия защитника [9, с. 255].

Позиция А.А. Патрушевой представляется более обоснованной, поскольку смерть как юридический факт в уголовном судопроизводстве требует изменения уголовно-процессуального закона не только применительно к подозреваемому или обвиняемому (подсудимому, осужденному, лицу, подлежащему привлечению к уголовной ответственности), но и применительно к другим «незаменимым участникам уголовного процесса».

Кроме того, подход Ю.О. Мещеряковой и О.В. Анучиной провоцирует вопрос о том, почему только производство в отношении умершего необходимо включить в раздел XVI УПК РФ, ведь и иные форс-мажорные обстоятельства влекут существенные изменения в порядке производства по уголовному делу. Например, болезнь незаменимого участника уголовного процесса, так же как и смерть, являющаяся юридическим фактом [12], меняет «стандартный» порядок судопроизводства.

Необходимо констатировать единство точек зрения исследователей по общим вопросам правопреемства. В частности, все авторы обоснованно делают вывод, что смерть участника уголовного судопроизводства затрагивает права и законные интересы широкого круга лиц [2, с. 20]. Однако данный круг лиц и их процессуальный статус определяются учеными по-разному.

Ю.О. Мещерякова вносит предложение о включении в гл. 7 УПК РФ понятия

«представитель умершего», в качестве которого к участию в деле могут быть допущены только близкие родственники подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. При этом исследователь наделяет и других лиц, без предоставления им процессуального статуса, правом выступать в защиту умершего, а именно родственников, близких лиц. Автор приходит к выводу о целесообразности дополнения п. 3 ст. 5 УПК РФ указанием на подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, а также путем внесения дополнительного критерия — «добрая память» к уже имеющимся — «жизнь, здоровье, благополучие» [1, с. 16].

В целом не поддерживая суждения Ю.О. Мещеряковой об отсутствии ограничений количества допускаемых к участию по уголовному делу заинтересованных лиц, следует признать заслуживающей внимания авторскую позицию данного ученого о разделении между этими лицами процессуальных прав. Например, только близких родственников умершего автор наделяет правом возразить против прекращения уголовного дела [1, с. 17].

О.В. Анучина отстаивает позицию, согласно которой участие близких родственников умершего подозреваемого, обвиняемого не обеспечивает защиту его доброго имени, а также «достойного к нему отношения» [2, с. 21]. Исследователь считает, что это может быть обеспечено путем привлечения наследников, а также выяснения позиции по вопросу о прекращении уголовного дела в отношении умершего у его соучастников (других подозреваемых, обвиняемых по этому уголовному делу).

О.В. Анучина, так же как и Ю.О. Мещерякова, предлагает ввести «нового» участника уголовного процесса, но именовать его — «лицо, вовлеченное в уголовный процесс в связи со смертью подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности» [2, с. 14].

В работе А.А. Патрушевой рассматриваемую категорию лиц предлагается именовать «правопреемники» потерпевшего,

обвиняемого, дополнив ст.ст. 42.1 и 47.1 УПК РФ. В первом параграфе второй главы «Правоотношения, возникающие в связи со смертью потерпевшего, свидетеля» исследователь приходит к выводу о том, что приоритетом в вопросе правопреемства прав умершего потерпевшего должны обладать близкие родственники и близкие лица. На наш взгляд, интересен вывод о том, что к правопреемнику потерпевшего не должно переходить право на примирение с лицом, совершившим преступление.

Вместе с тем, как и в иных работах, А.А. Патрушева оставляет без внимания вопрос относительно количества правопреемников умершего подозреваемого (обвиняемого, лица, совершившего преступление), привлекаемых к участию в уголовном судопроизводстве.

Подводя итог анализу отдельных диссертационных исследований, посвященных вопросам защиты прав и законных интересов умершего участника уголовного судопроизводства, необходимо обозначить ряд выводов:

1. Смерть лица в уголовном процессе целесообразно подвергнуть исследованию в качестве юридического состава, а не юридического факта, как это сделано в диссертационных исследованиях современного периода.

Так, смерть лица вследствие преступления является юридическим фактом, то есть реально существующим явлением действительности, порождающим определенные правовые последствия, на которые указывают нормы права [14, с. 421]. Однако в уголовном процессе для возникновения, изменения, прекращения правоотношений необходима совокупность юридических фактов, которая и образует юридический состав. Например, переход прав умершего потерпевшего к одному из его близких родственников (ч. 8 ст. 42 УПК РФ) связан с совокупностью таких юридических фактов, как: 1) смерть лица (пострадавшего, потерпевшего); 2) наличие возбужденного уголовного дела; 3) вынесение следователем (судьей) постановления о признании лица представителем потерпевшего; 4) признание родства или свойства (близкий родственник, близкое лицо, родственник) и т.д.

2. Суждение современных исследователей о неограниченном количестве допускаемых к участию в уголовном деле (при наступлении смерти участников уголовного судопроизводства) заинтересованных лиц — правопреемников представляется неверным. Подобный подход влечет затягивание сроков предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу, а также излишне усложняет деятельность властных субъектов уголовного процесса.

Считаем возможным обратиться к уголовно-процессуальному законодательству других государств, предусматривающему возможность регулирования количества правопреемников умершего участника уголовного процесса. Например, в соответствии с нормами УПК Туркменистана правами умершего потерпевшего наделяются близкие родственники по договоренности между ними. Если договоренность между родственниками не достигнута, то лицо, осуществляющее предварительное расследование, или суд определяют потерпевшего самостоятельно*. В части 11 ст. 71 УПК Республики Казахстан указано, что в случаях, когда несколько лиц, которым преступлением причинен моральный вред, претендуют на предоставление прав потерпевшего, между ними может быть заключено соглашение о предоставлении прав одному из них**.

По нашему мнению, в случаях, когда в процессе желают принять участие в качестве правопреемника несколько лиц, решение должно приниматься лицом, осуществляющим производство по уголовному делу или судебное разбирательство (по аналогии с законодательством Республики Туркменистан), и видится неприемлемым принятие этого процессуального решения на основании жеребьевки (по аналогии с законодательством Грузии)***.

* Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18 апр. 2009 г. // Законодательство стран СНГ: база данных. URL: <http://base.spinform.ru>

** Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. N 231-V ЗРК // Юрист: сайт. URL: <https://online.zakon.kz>

*** Уголовно-процессуальный кодекс Грузии. URL: <http://www.legislationline.org>

3. Считаем, что предыдущие обращения ученых к вопросам правового регулирования отношений при наступлении смерти участников уголовного судопроизводства не исчерпали тему и не снизили ее актуальность.

Список источников

1. Мещерякова Ю.О. Производство по уголовному делу в отношении умершего: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2018. 22 с.
2. Анучина О.В. Производство по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020. 28 с.
3. Чернова С.С. Процессуальные последствия смерти участника уголовного судопроизводства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. N 1. С. 110-119.
4. Смолькова И.В. Уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в связи со смертью некоторых участников уголовного судопроизводства (отзыв официального оппонента на диссертацию А.А. Патрушевой, представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук) // Академический юридический журнал. 2021. Т 22. N 3. С. 277-281.
5. Патрушева А.А. Уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в связи со смертью участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020. 23 с.
6. Гаврилов М.А. Правопреемство в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 252 с.
7. Мещерякова Ю.О. Производство по уголовному делу в отношении умершего: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2018. 217 с.
8. Анучина О.В. Производство по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020. 243 с.
9. Патрушева А.А. Уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в связи со смертью участников уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020. 257 с.
10. Трунов И.Р., Айвар Л.К. Мертвые подозреваемые не замолчат (разъяснения последствий решения КС РФ по делу о ДТП на Ленинском) // Трунов, Айвар и партнеры: международная юридическая фирма: сайт. URL: <http://www.trunov.com> (дата обращения: 10 июня 2025 г.).
11. Чернова С.С. Отзыв на диссертацию А.А. Патрушевой «Уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в связи со смертью участников уголовного судопроизводства» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 4. С. 121-125.
12. Чернова С.С. Болезнь как юридический факт в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009. 22 с.
13. Анучина О.В. Форма производства по уголовному делу в случае смерти подозреваемого или обвиняемого // Полицейская и следственная деятельность. 2021. N 3. С. 1-9.
14. Сложный юридический факт и юридический (фактический) состав как основополагающие понятия теории гражданского права / А.Р. Шичко, А.А. Хачатурова, С.В. Савватеев, А.Н. Сурков // Право и управление. 2024. N 6. С. 419-421.

References

1. Meshcheryakova Yu.O. Criminal proceedings against the deceased. Autoabstract Cand. Diss. Samara, 2018. 22 p. (In Russ.).
2. Anuchina O.V. Criminal proceedings in the event of the death of the accused, suspect, person subject to criminal liability. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2020. 28 p. (In Russ.).
3. Chernova S.S. Procedural consequences of the death of a participant in criminal proceedings. Legal science and law enforcement practice, 2017, no. 1, pp. 110-119. (In Russ.).
4. Smolkova I.V. Criminal procedural legal relations arising in connection with the death of some participants in criminal proceedings (review of the official opponent of the dissertation of A.A. Patrusheva, submitted for the degree of candidate of legal sciences). Academic law journal, 2021, vol. 22, no. 3, pp. 277-281. (In Russ.).
5. Patrusheva A.A. Criminal procedural legal relations arising in connection with the death of participants in criminal proceedings. Autoabstract Cand. Diss. Omsk, 2020. 23 p. (In Russ.).
6. Gavrilov M.A. Succession in criminal proceedings in Russia. Cand. Diss. Moscow, 2022. 252 p. (In Russ.).
7. Meshcheryakova Yu.O. Criminal proceedings against the deceased. Cand. Diss. Samara, 2018. 217 p. (In Russ.).
8. Anuchina O.V. Criminal proceedings in the event of the death of the accused, suspect, person subject to criminal liability. Cand. Diss. Moscow, 2020. 243 p. (In Russ.).

9. Patrusheva A.A. Criminal procedural legal relations arising in connection with the death of participants in criminal proceedings. Cand. Diss. Omsk, 2020. 257 p. (In Russ.).

10. Trunov I.R., Aivar L.K. Dead suspects will not remain silent (explanations of the consequences of the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation in the case of the accident on Leninsky). International Law firm «Trunov, Aivar and Partners». Available at: <http://www.trunov.com> (Accessed: June 10, 2025). (In Russ.).

11. Chernova S.S. Review of the dissertation of A.A. Patrusheva «Criminal procedural legal relations arising in connection with the death of participants in criminal proceedings». Legal Science and Law Enforcement Practice, 2021, no. 4, pp. 121-125. (In Russ.).

12. Chernova S.S. Disease as a legal fact in criminal proceedings. Autoabstract Cand. Diss. Tyumen, 2009. 22 p. (In Russ.).

13. Anuchina O.V. Form of proceedings in a criminal case in the event of the death of a suspect or accused. Police and investigative activity, 2021, no. 3, pp. 1-9. (In Russ.).

14. Shichko A.R., Khachaturova A.A., Savvateev S.V., Surkov A.N. Complex legal fact and legal (factual) composition as fundamental concepts of the theory of civil law. Law and Management, 2024, no. 6, pp. 419-421. (In Russ.).

Вклад авторов:

Мельникова О.А. – сбор и обработка материала, написание статьи, формулирование промежуточных выводов;

Чернова С.С. – идея, определение основных направлений исследования, написание статьи, формулирование итоговых выводов.

Contribution of the authors:

Melnikova O.A. – collection and processing of material, writing the article, formulation of final conclusions;

Chernova S.S. – idea, definition of the main directions of research, writing the article, formulation of intermediate conclusions.

Раздел 6. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

Научная специальность: 5.1.4

Особенности фантомных подписей и их криминалистического исследования

Анна Михайловна Сосновикова,

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, at@crimlib.info, <https://orcid.org/0000-0002-1631-9265>

Андрей Васильевич Кабанов,

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, avkabanov59@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8702-1650>

Дмитрий Валерьевич Воронков,

доктор юридических наук, доцент, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, ae@crimlib.info, <https://orcid.org/0000-0002-0869-601X>

Аннотация. Статья посвящена изучению фантомных подписей, имеющих место в судебно-экспертной практике в ситуациях, когда человек выполняет подписи от имени одного или нескольких вымышленных лиц. Выводы по результатам исследования фантомных подписей носят неопределенный характер по причине отсутствия методики отбора сравнительных образцов и экспертизы. Для решения этой проблемы проведен и описан эксперимент, участники которого воспроизводили фантомные подписи предложенных персонажей и собственные реквизиты, после чего все полученные подписи исследовались по общим признакам. В результате были проверены гипотезы и установлено, что типичный образ современной подписи включает фамилию и имя (отдельные их части), а также один безбуквенный элемент в конце; росчерк и обводка не являются типичными признаками подписей, хотя чаще проявляются в фантомных реквизитах; чем ближе исполнитель воспринимает лицо, от имени которого ему необходимо выполнить подпись, тем больше признаков собственной подписи переносится в фантомную.

Ключевые слова: почерковедческая экспертиза, рукописная подпись, верификация подписи, подлог, фантомные подписи

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда N 23-78-10011, <https://rscf.ru/project/23-78-10011/>

Для цитирования: Сосновикова А.М., Кабанов А.В., Воронков Д.В. Особенности фантомных подписей и их криминалистического исследования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 3 (73). С. 54-64.

Features of the phantom signatures and their forensic examination

Anna M. Sosnovikova,

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia, at@crimlib.info, <https://orcid.org/0000-0002-1631-9265>

Andrey V. Kabanov,

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia, avkabanov59@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8702-1650>

Dmitriy V. Voronkov,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia, ae@crimlib.info, <https://orcid.org/0000-0002-0869-601X>

Abstract. The article focuses on studying the phantom signatures that occur in forensic practice in situations when signing on behalf of one or more fictitious persons. The conclusions based on the results of studying the phantom signatures are uncertain due to the lack of the methods for selecting comparative samples and examination. To address this issue, the authors have conducted and described the experiment, whose participants reproduced phantom signatures of the proposed characters and their own requisites, whereafter all the obtained signatures were examined by common features. As a result, hypotheses were tested and it was established that a typical image of a modern signature includes surname and name (their individual elements), as well as one non-alphabetic element in the end; strokes are not typical signature features, although they often appear in phantom requisites; the closer the signing person perceives the person on whose behalf he/she needs to sign, the more features of his/her own signature are transferred to the phantom signature.

Keywords: handwriting examination, handwritten signature, signature verification, forgery, phantom signatures

Acknowledgments: the research was funded by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-78-10011, <https://rscf.ru/project/23-78-10011/>

For citation: Sosnovikova A.M., Kabanov A.V., Voronkov D.V. Features of the phantom signatures and their forensic examination // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 3 (73). P. 54-64.

Введение

XXI век характеризуется стремительной цифровизацией, однако значительное количество документов, даже будучи составленными с использованием технических средств, заверяется рукописным реквизитом — подписью. К таким документам относятся различные справки, договоры, заявления, завещания, протоколы следственных действий, экзаменационные ведомости и т.д. В связи с этим нередко возникают сомнения в достоверности реквизита.

В рамках уголовного судопроизводства такие вопросы могут возникнуть по различным категориям дел, возбужденных по фактам совершения мошенничества, служебного подлога, фальсификации доказательств и т.д. Для успешного раскрытия и расследования подобных преступлений необходимо назначить судебно-почерковедческую экспертизу подписи, обратившись к носителю специальных знаний — эксперту-почерковеду. Кроме того, нередки ситуации, когда подлог подписи выполняется от имени вымышленных лиц, а не конкретного реально существующего субъекта, реквизит которого воспроизводится злоумышленником при наличии об-

разца. Однако для указанных ситуаций до сих пор не существует разработанной методики экспертного исследования: работы, проводившиеся еще в прошлом веке, ограничивались упоминанием специфики такого рода подписей, но не давали системной информации о том, как надлежит диагностировать факт их выполнения от имени вымышленных лиц и идентифицировать лицо, которое действительно их воспроизвело. П.В. Бондаренко в своем диссертационном исследовании предпринял попытку изменить данную ситуацию [1], однако работа, проведенная автором и положенная в основу предложенной им экспертной методики, на сегодняшний день утратила свою актуальность, так как типичный образ подписи изменился за прошедшие годы, а также не является достаточно репрезентативным.

Вместе с тем исследование подписей, выполненных от имени вымышленных лиц, представляет особую сложность: с одной стороны, к ним невозможно применить методики исследования рукописных текстов, так как в подписи редко проявляются типичные для них элементы, объем которых в любом случае не может являться достаточным; с другой стороны, традиционное сравнительное исследование под-

писей также будет сопровождаться неразрешимыми трудностями: экспериментальные образцы собственной подписи лица не будут совпадать по ряду общих и частных признаков со спорными реквизитами. Соответственно, для исследования таких объектов требуется разработать собственную методику, в которой будет учтена их специфика. В связи с этим целью настоящей работы является выделение признаков, которые могут указывать на вымышленный характер мнимого исполнителя, а также характеристик, которые переносятся в такие подписи из собственного реквизита исполнителя.

Для достижения поставленной цели авторами настоящей статьи был организован и проведен эксперимент, направленный на актуализацию современных знаний о подписях, выполненных от имени вымышленных лиц, и формулирование прикладных рекомендаций по экспертной работе с такими объектами. Однако не менее значимую роль сыграли методы анализа и аналогии, позволившие выделить наиболее значимые достижения иных авторов в вопросах исследования подписей, выполненных от имени вымышленных лиц.

Теоретические основы криминалистического исследования фантомных подписей

Как было указано выше, подпись является одним из наиболее сложных и распространенных объектов почерковедческого исследования. Чаще всего перед экспертом ставится задача: определить, одним ли или разными лицами выполнены подписи от имени конкретного человека, когда образцами выступают собственные подписи этого лица, то есть в рамках исследования не только сопоставляются сами реквизиты, но и проверяется их принадлежность конкретному человеку. Кроме того, в настоящее время разрабатываются программные средства автоматической верификации рукописной подписи, для которых искусственные нейронные сети также обучаются сопоставлять сходство между собой визуально реквизиты [2, с. 6]; если такой системе подать на вход подпись, не соответствующую по общим признакам образцу, то решение о подлоге будет однозначным.

Вместе с тем в следственной и экспертной практике имеется немало ситуаций, когда в качестве реквизита документа проставляется подпись вымышленного субъекта: например, в случае удостоверения отчетных документов или распорядительных актов в графе «генеральный директор», «главный бухгалтер» третье лицо, не будучи осведомленным о реальном человеке, занимающем соответствующую должность, придумывает личность Иванова И.И. и воспроизводит произвольную подпись; если указывать сведения об имени не требуется (что, однако, в современных условиях для официальных документов не характерно), то человек чаще воспроизводит произвольную подпись безбуквенной транскрипции.

Аналогичная ситуация имела место в практике экспертно-криминалистического отдела линейного отдела МВД России на ст. Екатеринбург-Пассажирский в 2024 году. В следственной части по расследованию организованной преступной деятельности следственного отдела Управления на транспорте МВД России по УрФО производилось предварительное расследование по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. В ходе расследования было установлено, что в период с 13 мая по 27 сентября 2023 г. два лица по предварительному сговору путем обмана совершили хищение денежных средств на сумму более 1 млн рублей. Для этого подозреваемые покупали от имени сотрудников организации проездные билеты на поезда дальнего следования и фиксировали это в качестве расходов на командировки (которых в действительности не было). Затем они оформляли доверенности от имени этих сотрудников на свое имя для получения компенсации за неиспользованные проездные документы и присваивали денежные средства. Таким образом было оформлено 20 доверенностей от имени 20 сотрудников, действительные реквизиты которых подозреваемым были неизвестны.

Для подтверждения того факта, что все спорные подписи в доверенностях были выполнены подозреваемыми, была назначена судебно-почерковедческая экспертиза. К сожалению, дать ответы на по-

ставленные перед экспертом вопросы не представилось возможным, поскольку в материалах не отразилось достаточной совокупности совпадающих либо различающихся признаков, на экспертизу не были представлены образцы текстов, выполненных подозреваемыми, а условия выполнения образцов подписей не соответствовали тем, в которых были созданы спорные реквизиты*.

Другая ситуация возникает в случае неквалифицированного, как он называется в работах зарубежных авторов, подлога: когда злоумышленник владеет информацией об имени лица, подпись которого должна присутствовать на документе, но самого оригинального реквизита он не видел (либо видел, но забыл, как тот выглядит). В данном случае он постарается воспроизвести подпись, основываясь на знаниях об имени человека и обобщенных представлениях о типичном образе подписей [1, с. 107]. Возможна иная ситуация, когда один человек выполняет подписи большого числа людей, например при подлоге результатов голосования на выборах, общем собрании собственников жилых помещений в многоквартирном доме или при подаче официального обращения, жалобы, заявки на регистрацию в качестве кандидата для участия в выборах и т.п., для которых требуется получить определенное количество подписей в поддержку инициативы.

Можно констатировать, что ситуации возможного появления в деле подписей, выполненных от имени вымышленных лиц, весьма разнообразны: например, в конце прошлого столетия они появлялись чаще всего при расследовании подлога документов, мошенничества, хищений чужого имущества, незаконного предпринимательства, а также (реже) иных преступлений в сфере экономики, против государственной власти, интересов службы [1, с. 96-97].

* Номенклатура вторых экземпляров заключений экспертов Экспертно-криминалистического отдела Линейного отдела МВД России на ст. Екатеринбург-Пассажирский за 2024 год. Заключение эксперта N 109 // Архив ЛО МВД России на ст. Екатеринбург-Пассажирский.

Во всех описанных ситуациях эксперт в рамках идентификационного исследования будет работать со спорными подписями, которые потенциально выполнены от имени вымышленных лиц, и образцами, которые представляют собой собственную подпись лица, заподозренного в выполнении подписей от имени вымышленных лиц. Безусловно, в рамках получения образцов для сравнительного исследования следователь может попросить лицо исполнить подписи от имени тех субъектов, которым якобы принадлежат спорные реквизиты, однако высок риск противодействия, то есть намеренного искажения подозреваемым получаемых экспериментальных образцов.

Таким образом, для проведения идентификации в рассматриваемой ситуации эксперту необходимо обладать хотя бы приблизительной методикой определения того, как и в каком объеме признаки собственной подписи и в целом признаки почерка человека переносятся на реквизит, выполняемый от имени вымышленного лица. Работа над соответствующей методикой была начата П.В. Бондаренко в диссертационном исследовании [1], однако развития его идеи не получили, что, возможно, связано с низкой релевантностью выводов, так как для проверки того, какие идентификационные признаки почерка и подписи исполнителя воспроизводятся в реквизитах, выполненных от имени вымышленных лиц, использовались экспериментальные образцы, полученные всего от 100 человек, 20 из которых — дети школьного возраста (7-17 лет), не имеющие устоявшейся собственной подписи и находящиеся в процессе формирования почерка в целом.

Необходимо согласиться с позицией В.Ф. Орловой, которая отмечает, что подписи от имени вымышленных лиц, не обозначая фамилию исполнителя и в целом, не относясь к его личности, могут быть названы подписями лишь условно [3, с. 210]. В связи с этим предлагаем использовать для характеристики таких реквизитов термин «фантомные подписи».

Отдельно следует указать, что идентификация по фантомным подписям становится возможной за счет автоматизированности, устойчивости и многосоставного

характера подписного навыка человека. В частности, навык письма формирует устойчиво воспроизводимый динамический стереотип, даже при сознательном изменении которого невозможно учесть все мельчайшие детали и подвергнуть их воспроизведение сознательному контролю [4, с. 177]. В результате этого собственные признаки почерка будут проявляться, особенно при быстром темпе выполнения подписей [5, с. 76], во всех рукописях одного лица в большей или меньшей степени, но никогда не исчезнут полностью.

Следующим важным основанием для успешной идентификации становится гипотеза о том, что при воспроизведении подписи от имени вымышленного лица человек опирается не только на сформированный у него в результате жизненного опыта типичный образ подписи, но и на прочно хранящийся в памяти образ собственного реквизита, автоматически корректирующий обобщенное представление о том, как должны выглядеть подписи. В связи с этим фантомная подпись с высокой долей вероятности будет содержать в себе типичные атрибуты любой подписи (например, росчерк) и уникальные признаки собственной подписи исполнителя (например, характерное петлевое завершение).

Последним обстоятельством, которое ранее не подвергалось исследованию, но должно учитываться, является влияние на внешний вид фантомной подписи личности того субъекта, от имени которого она выполняется. Чем больше сведений о данном субъекте имеется у исполнителя, тем более уникальным и творческим будет реквизит, отобразив в себе уровень образования, социальный статус, профессию, должность или даже характер вымышленного лица.

Эксперимент по исследованию фантомных подписей

На основе указанных выше принципиальных положений нами был организован эксперимент среди студентов 3-5 курсов и сотрудников Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева. Общее количество респондентов составило 328 человек, представленных в половозрастных категориях, которые отражены в таблице.

Таблица

Половозрастные характеристики участников эксперимента

Возраст (лет)	Мужчины (чел.)	Женщины (чел.)	Всего (чел.)
18-22	104	184	288
23-30	14	12	26
31-40	4	6	10
41-55	1	0	1
старше 55	1	2	3
Всего (чел.)	124	204	328

Все участники эксперимента дали согласие на обработку своих персональных данных. Им предлагалось в специально разработанной анкете выполнить подписи от имени книжных персонажей: Буратино, Гарри Поттера, Карабаса Барабаса, Золушки, Мальвины и Эраста Фандорина*, а также дважды воспроизвести собственную подпись. Для этого отводились ячейки размерами 3 x 7 см с тем, чтобы не создавать искусственных ограничений для размера реквизитов.

Следует отметить, что на данном этапе проводимого исследования не ставилась цель организовать полноценное идентификационное исследование фантомных подписей — коллектив сосредоточился на проверке следующих гипотез:

- 1) собственная подпись исполнителя содержит яркие признаки, элементы, которые переносятся в фантомные подписи;
- 2) фантомная подпись выполняется как воспроизведение обобщенного образа подписи, имеющегося у исполнителя, в результате чего во всех фантомных подписях, выполненных одним лицом, будут присутствовать устойчивые элементы, типичные для данного реквизита;

* В 2024 году автор повестей об Эрасте Фандорине Б. Акунин (псевдоним Г.Ш. Чхартишвили) признан в Российской Федерации иностранным агентом, а его книги не рекомендованы к продаже на территории российского государства, однако анкета была разработана и начала использоваться в 2021 году.

3) фантомные подписи, выполненные одним лицом, будут иметь схожую структуру, особенно если их количество значительно, поскольку нестандартная когнитивная нагрузка сопровождается затратой значительных усилий и воображение исполнителя быстро исчерпывается;

4) если исполнитель знаком с лицом, от имени которого ему надлежит выполнить подпись, он отразит в ней свойства его личности.

Именно для проверки последнего тезиса были выбраны персонажи, которые известны основной части респондентов, то есть представителям молодого поколения. При этом было создано наибольшее разнообразие, подобраны положительные и отрицательные герои, реалистичные и очевидно вымышленные, обладающие различным уровнем образования, разного пола и возраста.

Вместе с тем следует оговориться, что в процессе обсуждения эксперимента и его результатов было выявлено некоторое несовершенство принятой стратегии: подписи, выполненные от имени персонажей, не похожих на реальных людей, значительно коррелируют между собой, но существенно отличаются от подписей, выполненных от имени персонажей-людей, в частности Эраста Фандорина, которые, в свою очередь, имеют больше общих признаков с собственными подписями респондентов. В связи с этим на последующих этапах эксперимента планируется изменить состав персонажей, включив в их число реальных людей, исторических личностей, а также абстрактных Ивановых Ивановичей, но с прописанной легендой их личности.

Далее были выбраны наиболее яркие и обладающие, согласно результатам проведенных исследований, наибольшей идентификационной значимостью общие признаки подписей [6, с. 90], по которым производился анализ всех реквизитов. В их число вошли:

1. Общий вид подписи, который характеризовался через следующие возможные варианты его проявления:

- 1) наличие в подписи монограммы;
- 2) наличие рисунка как элемента подписи;

3) наличие монограммы и рисунка как элемента подписи (при этом если подпись состояла только из рисунка, то дальнейшее исследование не проводилось);

4) подпись состоит только из одной буквы;

5) подпись состоит только из одного графического знака.

2. Темп и координация как характеристики выработанности выделялись одновременно по описательной шкале:

- 1) высокая;
- 2) средняя;
- 3) низкая.

3. Транскрипция подписей:

- 1) буквенная;
- 2) смешанная;
- 3) безбуквенная.

4. Пропорции подписи:

- 1) длина подписи больше ее высоты;
- 2) длина подписи меньше ее высоты;
- 3) размер длины и высоты подписи

совпадает.

5. Размер подписи:

- 1) очень большая;
- 2) большая;
- 3) средняя;
- 4) маленькая;
- 5) очень маленькая.

6. Форма и направление движений при выполнении заключительного росчерка:

- 1) вперед;
- 2) подчеркивает подпись;
- 3) зачеркивает подпись;
- 4) направлена вниз от подписи;
- 5) направлена вверх от подписи;
- 6) смешанная.

7. Обводка вокруг подписи:

- 1) левоокружная (против часовой стрелки);
- 2) правоокружная (по часовой стрелке);
- 3) смешанная (изменение направления с левоокружного на правоокружное или наоборот; наличие нескольких независимых разнонаправленных обводок).

Кроме того, для фантомных и собственных подписей были выделены несопадающие критерии, необходимые для отдельной оценки объектов. В частности, у подписей, выполняемых от имен персонажей, оценивалась особенность транскрипции, если она содержала в себе буквенные элементы:

- 1) буквы только русского алфавита;
- 2) буквы только латинского алфавита;
- 3) буквы русского и латинского алфавита.

Необходимость введения этого признака обосновывается присутствием иностранных персонажей. Вместе с тем только 13,8 % респондентов отразили данный факт при воспроизведении подписи от имени персонажа Гарри Поттера.

Для собственных подписей было дополнительно оценено их взаимное расположение:

- 1) на одной линии;
- 2) друг под другом у левого края ячейки;
- 3) по диагонали, правая подпись выше;
- 4) по диагонали, левая подпись ниже;
- 5) друг под другом у правого края ячейки.

Следует оговориться, что наличие значительного числа оценочных и субъективных категорий (например, при описании размера подписи) частично компенсировалось тем, что обработка всех анкет производилась одним человеком. Таким образом, стандарты средних характеристик и оценки каких-либо погрешностей для всех респондентов были одинаковыми. Вместе с тем на последующих этапах исследования также планируется разработать более формализованные критерии оценки подписей.

После исследования каждого признака для всех подписей кодировка переносилась в специально созданную таблицу MS Excel, с помощью которой производились все дальнейшие расчеты в рамках статистического анализа. В результате проводимого исследования на настоящий момент получены следующие результаты.

В части общего строения подписи чаще всего у исполнителей как при выполнении реквизита от имени персонажей, так и при написании собственной подписи отсутствуют какие-либо дополнительные элементы (в среднем в 80,4 % случаев).

Монограмма в фантомных подписях встретилась от 0,6 % (у Золушки) до 8,3 % (у Эраста Фандорина) случаев, а в собственных подписях респондентов — в 12,2 % случаев. При этом, что вполне очевидно, у персонажей, в имени которых присутствует два слова, чаще бывают монограммы.

Рисунок в качестве самостоятельного элемента чаще всего появлялся у Гарри Поттера, что объясняется достаточно простым, однозначным и уникальным символом, непосредственно связанным с его личностью, — шрамом в виде молнии. Данный элемент легко включить в подпись в виде росчерка или основного элемента первой буквы имени, если воспроизводить подпись на русском языке. Сравнительно большое количество респондентов добавляло рисунки Буратино (8 %) — ключ либо длинный нос; Золушке (11,4 %) — туфельку либо тыкву; Мальвине (9,5 %) — абстрактные цветы. При этом для Эраста Фандорина только 1,5 % респондентов добавили рисунок, что в целом соответствует появлению данной особенности в собственных подписях респондентов — 1,8 %.

Представляет интерес выявленное статистическое отклонение («выброс» в терминах статистики): один человек выполнил собственную подпись и подпись от имени Эраста Фандорина в виде одного знака (не буквы), одновременно с этим тщательно прописав реквизиты иных персонажей. Это может иметь несколько объяснений: либо данный человек действительно склонен упрощать подписи реальных людей, что транслируется и на персонажей, позиционирующихся как потенциально реальные исторические личности, а при создании подписей от имени сказочных героев готов прибегнуть к фантазированию и усложнению; либо в части собственной подписи имело место противодействие (то есть созданный символ не является в действительности подписью этого человека), а с героем Б. Акунина он не знаком, поэтому не стал задумываться о том, как мог бы выглядеть его реквизит.

Не останавливаясь на детальном рассмотрении иных проявлений данного признака, следует указать, что из собственной подписи участников эксперимента чаще всего его проявления транслировались на подпись Эраста Фандорина, в то время как для остальных персонажей респонденты старались изменять манеру письма в зависимости от личностей последних.

При анализе темпа и координации установлено, что больше половины респондентов (56,1 %) собственный реквизит выполняют высоковыработанным по-

черком, тогда как в фантомных подписях данные характеристики чаще были средними (45,8 % случаев). В целом по фантомным подписям констатируется весьма равномерное снижение выработанности — замедление темпа и нарушение координации — без привязки к имени персонажа. Данный факт объясняется тем, что начертание собственной подписи автоматизировано за счет частого повторения данного реквизита, тогда как создание фантомной подписи сопровождается продумыванием образа в процессе его воспроизведения, непривычностью движений и их сознательным контролем.

Одновременно с этим анализ корреляционной связи показал, что респонденты с собственным высоковыработанным почерком умышленно замедляли темп и координацию при воспроизведении реквизита от имени Буратино, очевидно, учитывая отсутствие у персонажа образования и его юный возраст. При этом наибольшей корреляции показатели выработанности достигали (что весьма очевидно) между собственной подписью и подписью Эраста Фандорина (коэффициент 0,32).

Характеризуя транскрипцию, следует отметить значительное преобладание ее буквенной формы в фантомных подписях над собственным реквизитом. Например, в первых реже всего буквенная транскрипция обнаруживается в подписях от имени Золушки — 60,9 % случаев, тогда как собственные подписи, где, кроме букв, обнаруживался только росчерк, который не признается самостоятельным безбуквенным элементом, выявлены лишь у 40,2 % респондентов. Смешанная транскрипция, подразумевающая добавление к буквенным элементам (части имени, монограмме и т.п.) безбуквенных (петель, вензелей и т.д.), используется в собственной подписи уже намного чаще. Это связано с тем, что, повторяя свой реквизит регулярно, человек стремится его сократить, упростить для уменьшения временных затрат на воспроизведение, а при единоразовом написании подписи от имени вымышленного лица, с одной стороны, не требуется задумываться об оптимальности его постоянного воспроизведения, а с другой стороны, респондент не всегда готов фантазировать и просто переписывает имя

персонажа, вплоть до того, что не изменяет форму родительного падежа, в которой она написана в задании-инструкции.

Следует отметить, что корреляционный анализ по данному признаку показал наименьшие коэффициенты согласованности между транскрипцией в собственных подписях и выполненными от имени Гарри Поттера и Карабаса Барабаса (0,08 и 0,09 соответственно) и достиг наибольших показателей между собственной и подписью от имени Эраста Фандорина (0,29).

Транскрипция непосредственно влияет на признаки, описывающие размер подписи: воспроизведение полного имени или значительной его части приводит к закономерному преобладанию длины над высотой (в среднем 80,4 % для фантомных подписей против 58,5 % — для собственных) и общему увеличению размера (в частности, очень большие фантомные подписи выявлены в среднем у 15,8 % респондентов, а собственные — у 4 %). Отдельно следует указать, что очень маленькие подписи имеются в качестве погрешности в реквизитах от имени книжных персонажей, составляя при этом заслуживающие внимания 11,3 % случаев для собственных подписей.

Вместе с тем, если для отношения длины и ширины средняя корреляция варьировалась в незначительном коэффициенте — 0,05, порой достигая отрицательных значений, то для размера в целом она достигла нормальных 0,25. Таким образом, в целом исполнители не склонны существенным образом изменять размер реквизита относительно своего нормального состояния. В связи с этим, как представляется, очень незначительное количество больших и очень больших собственных подписей связано не с привычкой респондентов, а с ограниченностью пространства для воспроизведения реквизита: например, для двух собственных подписей в анкете была выделена ячейка такого же размера, как и для одной фантомной, что явно нарушает объективность при оценке данного показателя и будет исправлено на следующих этапах эксперимента.

Весьма интересны данные, полученные при изучении элементов подписи, не связанных с личностью, от имени которой выполняется этот реквизит, — росчерков

и обводки. Представлялось, что именно они могут быть признаны «типичными компонентами подписи», заложенными в тот собирательный образ реквизита, который существует у всех людей. Однако было выявлено следующее: чаще всего и росчерк, и обводка отсутствуют: последней нет в среднем в 60,9 % фантомных и 61,3 % собственных подписей, что является весьма значительным. В связи с этим обнаружение обводки будет указывать на уникальный (а значит, криминалистически значимый для идентификации) признак. Интересно и то, что росчерк чаще присутствует в собственной подписи, но не воспроизводится в фантомных (88,5 % против 74,1 % в среднем), однако если росчерк присутствует, то он чаще направлен вверх (36,9 % — для собственных и в среднем 19,9 % — для фантомных). Обводка же, если присутствует, то чаще является лево-окружной (22,6 % в собственных подписях и в среднем 21,8 % — в фантомных), что вызвано подавляющим количеством правшей среди респондентов — совершение круговых движений против часовой стрелки для них удобнее и естественнее.

Одновременно с этим коэффициенты корреляции между проявлением данных признаков в собственных и отдельных фантомных подписях незначительны, на основании чего следует сделать вывод о том, что данный признак почти не переносится из собственного реквизита на подпись, выполненную от имени вымышленного лица. В противовес этому существенная корреляция наблюдается у фантомных подписей между собой, за исключением Эраста Фандорина.

Иными словами, росчерк либо обводка, будучи воспроизведенными однажды в реквизите от имени вымышленного лица, с высокой долей вероятности будут повторяться регулярно в подписях и от имени иных вымышленных лиц, причем в той же конфигурации. При этом средние коэффициенты корреляции для обводки выше значений для росчерка почти в полтора раза (0,46 против 0,32), что свидетельствует о большей устойчивости обводки как признака фантомных подписей.

Заслуживает внимания признак, который оценивался исключительно для фантомных подписей, — язык транскрип-

ции. Закономерно, что подписи от имени таких персонажей, как Буратино, Карабас Барабас, Мальвина и Эраст Фандорин, выполнены исключительно кириллицей, прочие варианты представляют собой статистические погрешности, которые не следует учитывать. Интереснее полученные результаты для исконно зарубежных персонажей — Гарри Поттера и Золушки. В частности, 13,2 % респондентов оценили, что волшебник является британцем, и воспроизвели его подпись на английском языке и всего 1,5 % участников эксперимента внесли латинские буквы в подпись от имени Золушки. Такое различие вполне объяснимо: Золушка — персонаж старинной сказки, известной в нескольких редакциях, из содержания которой можно прийти к выводу, что героиня обитает в магическом царстве. Поскольку данная сказка знакома с детства и читалась она на родном для респондентов языке, постольку Золушка владеет привычным русским языком. Гарри Поттер же демонстративно показан как житель Англии — вполне реального государства со своим национальным языком. В связи с этим удивительно, что данное обстоятельство отражено незначительным числом респондентов. Это может быть связано с нежеланием погружаться в предложенное задание, поверхностностью мышления и рассеянностью внимания.

Заключение

По результатам проведенного эксперимента можно сформулировать следующие выводы в части первоначальных гипотез:

1. По общему правилу типичные для подписей росчерк и обводка как броские признаки не переносятся с собственной подписи исполнителя на фантомные, однако если у исполнителя присутствует заключительный безбуквенный элемент (чаще всего — двойная петля сверху и снизу), то этот атрибут будет воспроизводиться регулярно, в том числе в фантомных реквизитах.

2. Типичный обобщенный образ абстрактной подписи в настоящее время представлен воспроизведением либо имени (фамилии) лица, либо нескольких первых элементов имени с добавлением безбуквенного элемента, в роли которого редко выступают росчерк или обводка.

3. При необходимости воспроизвести несколько фантомных подписей человек склонен выбирать условный шаблон и незначительно модернизировать его для каждого нового персонажа.

4. Модернизация сформированного шаблона осуществляется за счет учета свойств личности, от имени которой воспроизводится реквизит. Чем более «реален» вымышленный персонаж, тем больше признаков переносится в его подпись с собственной подписи лица, и соответственно более серьезным является реквизит.

5. В фантомную подпись в большей степени переносятся неброские признаки собственного реквизита лица, на которые неопытный человек может не обратить внимания. В связи с этим представляется интересным в рамках дальнейшего исследования проследить трансляцию частных признаков подписи в фантомные реквизиты: считаем, что степень их соответствия будет значительной.

6. Выполнение подписи от имени вымышленного лица приводит к снижению

темпа и координации движений, увеличению размерных характеристик реквизита и отдельных его элементов.

Таким образом, полученные результаты формируют широкое пространство дальнейшего исследования, порождают новые гипотезы, требующие верификации, а также выявляют ошибки, допущенные на начальных стадиях эксперимента. Однако, несмотря на это, выявленные факты позволяют переоценить традиционные взгляды на криминалистическое исследование фантомных подписей и дают возможность сформулировать промежуточные, но от этого не менее полезные для экспертной практики выводы, касающиеся в первую очередь того, на какие признаки эксперту надлежит обращать внимание при исследовании соответствующих объектов в случае их поступления на экспертизу. Кроме того, выявленные особенности фантомных подписей могут также быть учтены при дальнейшем развитии программных средств автоматической верификации рукописных подписей.

Список источников

1. Бондаренко П.В. Криминалистическое исследование подписей, выполненных от имени вымышленных лиц: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 229 с.
2. Бахтеев Д.В. Предэкспертная верификация подложных подписей: человеческий и машинный подходы // Российское право: образование, практика, наука. 2023. N 4. С. 4-10.
3. Орлова В.Ф. Основные положения почерковедческого исследования подписей // Теория и практика криминалистической экспертизы (Криминалистическое исследование подписей). Сборник N 3 / отв. ред. В.Ф. Орлова. Москва: Госюриздат, 1958. С. 180-231.
4. Чулахов В.Н. Об умышленном изменении преступником своих навыков, значимых для следствия // Вестник Московского университета МВД России. 2013. N 10. С. 176-179.
5. Вайнштейн А.А. Некоторые особенности исследования подписей от вымышленных лиц // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. 1962. Вып. 1. С. 75-84.
6. Кошманов П.М., Кошманов М.П., Шнайдер А.А. Идентификационная информативность подписи: понятие и факторы, влияющие на ее содержание // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. N 2. С. 88-92.

References

1. Bondarenko P.V. Forensic examination of signatures made on behalf of fictitious persons. Cand. Diss. Saratov, 2000. 229 p. (In Russ.).
2. Bakhteev D.V. Pre-expert verification of forged signatures: human and machine approaches. Russian Law: Education, Practice, Research, 2023, no. 4, pp. 4-10. (In Russ.).
3. Orlova V.F. Fundamentals of handwriting analysis of signatures. Theory and practice of forensic examination (Forensic analysis of signatures). Collection No. 3. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1958. Pp. 180-231. (In Russ.).
4. Chulakhov V.N. About intentionally changing offender their skills, significant to the investigation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013, no. 10, pp. 176-179. (In Russ.).
5. Vaynshteyn A.A. Some features of the study of signatures from fictitious persons. Issues of criminalistics and forensic examination, 1962, no. 1, pp. 75-84. (In Russ.).

6. Koshmanov P.M., Koshmanov M.P., Shnayder A.A. Identification information content of a signature: concept and factors influencing its content. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009, no. 2, pp. 88-92. (In Russ.).

Вклад авторов:

Сосновикова А.М. – работа с данными, подготовка текста статьи;

Кабанов А.В. – определение общей концепции работы, разработка анкеты эксперимента, проверка данных, редактирование материала;

Воронков Д.В. – общее руководство исследованием, разработка анкеты эксперимента, сбор и проверка данных.

Contribution of the authors:

Sosnovikova A.M. – data processing, preparing the text of the article;

Kabanov A.V. – determining the general concept of the work, developing the experiment questionnaire, data verification, editing of the material;

Voronkov D.V. – supervising the research, developing the experiment questionnaire, data collection and verification.

Раздел 7. Компаративистика и зарубежный опыт

Научная специальность: 5.1.4

Уголовно-процессуальное законодательство государств постсоветского пространства: сущность и цели процедуры депонирования

Алла Васильевна Верещагина,

кандидат юридических наук, доцент, Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, vereschagina_alla@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2243-0007>

Сергей Юрьевич Салин,

Общество с ограниченной ответственностью «Юридическая компания “Сорок Восемь”», Владивосток, Россия, salin48company@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию одной из современных процедур допроса — депонированию показаний. Нормативную основу исследования составляют уголовно-процессуальные законы государств постсоветского пространства. Рассмотрены вопросы места института депонирования в уголовно-процессуальном праве, его сущность, основные цели и некоторые особенности. Выделены и проанализированы черты, отличающие депонирование от других процедур допроса. Выявлены некоторые проблемные аспекты правового регулирования депонирования показаний. Основываясь на результатах изучения нормативных моделей депонирования, закрепленных в законодательстве государств постсоветского пространства, авторы статьи сформулировали предложение по корректировке российского уголовно-процессуального законодательства, в котором до настоящего времени процедура депонирования показаний не предусмотрена.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, состязательность, гарантии прав личности, досудебное производство, доказательства, процедура допроса, депонирование показаний

Для цитирования: Верещагина А.В., Салин С.Ю. Уголовно-процессуальное законодательство государств постсоветского пространства: сущность и цели процедуры депонирования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 3 (73). С. 65-72.

Criminal procedure legislation of the post-Soviet states: essence and purposes of the deposition procedure

Alla V. Vereshchagina,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, vereschagina_alla@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2243-0007>

Sergey Yu. Salin,

Sorok Vosem' Law company (limited liability company), Vladivostok, Russia, salin48company@mail.ru

Abstract. The article centers around studying one of the modern interrogation procedures — deposition of testimony. The normative basis of the study contains the criminal procedure laws of the post-Soviet states. The issues related to the place of the deposition institution in the criminal procedure law, its essence, main purposes and some features are considered. Some features that distinguish deposition from other interrogation procedures are identified and analyzed. Some challenging aspects of legal regulating the deposition of testimony are revealed. Based on the results of studying the normative models of deposition, enshrined in the legislation of the post-Soviet states, the authors have formulated a proposal to adjust the Russian criminal procedure legislation, which does not provide for the deposition procedure until now.

Keywords: criminal procedure legislation, adversarial proceedings, guarantees of individual rights, pre-trial proceedings, evidence, interrogation process, deposition of testimony

© Верещагина А.В., Салин С.Ю., 2025

For citation: Vereshchagina A.V., Salin S.Yu. Criminal procedure legislation of the post-Soviet states: essence and purposes of the deposition procedure // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 3 (73). P. 65-72.

Депонирование показаний — новелла уголовно-процессуального законодательства некоторых государств постсоветского пространства, различные аспекты которой достаточно активно изучаются исследователями.

Среди многообразия публикаций можно выделить работы, в которых рассматриваются вопросы истории становления и развития института депонирования показаний, преимущественно в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан и Киргизской Республики [2; 3]; обеспечения посредством депонирования показаний охраны прав несовершеннолетних, их психического и физического здоровья [4]; применения депонирования как одного из способов решения проблемы неявки свидетелей в суд [5]; сравнения регламентации депонирования в уголовно-процессуальном законодательстве различных государств [6] и др. Особенности представленного исследования заключаются, во-первых, в охвате нормативного материала — уголовно-процессуальное законодательство государств постсоветского пространства, в которых закреплен рассматриваемый институт, и, во-вторых, в предмете исследования — определение места института депонирования в системе уголовно-процессуальных институтов.

В настоящее время процедура депонирования показаний официально предусмотрена в уголовно-процессуальном законодательстве следующих постсоветских государств: Республика Армения (гл. 41 УПК)*, Грузия (ст. 114 УПК)**, Республика Казахстан (ст. 217 УПК)***, Киргизская Рес-

спублика (гл. 26 УПК)****, Литовская Республика (ст. 173 УПК)*****, Республика Молдова (ст. 109 УПК)*****, Республика Узбекистан (гл. 12.1 УПК)*****, Эстонская Республика (ст. 69.1 УПК)*****. Следует отметить, что в утратившем силу УПК Республики Армения***** и первоначальной редакции УПК Республики Узбекистан***** институт депонирования показаний (в соответствии с УПК Республики Узбекистан — институт предварительного закрепления показаний) отсутствовал. Представляется, что включение рассматриваемого института в уголовно-процессуальное законодательство указанных государств является косвенным подтверждением его значимости для практической деятельности.

При этом нормы, регламентирующие процедуру депонирования показаний, отсутствуют в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ).

**** Уголовно-процессуальный кодекс Киргизской Республики от 28 окт. 2021 г. N 129. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg>

***** Уголовно-процессуальный кодекс Литовской Республики от 14 марта 2002 г. N IX-785 (на литовском языке). URL: <https://www.e-tar.lt/>

***** Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. N 122-XV. URL: <https://online.zakon.kz/>

***** Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сент. 1994 г. N 2013-XII. URL: <https://lex.uz/docs/>

***** Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики от 12 февр. 2003 г. URL: <https://constitutions.ru/>

***** Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения. Принят Национальным Собранием Республики Армения 1 июля 1998 г. URL: <https://www.arlis.am/>

***** О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Узбекистан: закон от 18 февр. 2021 г. N ЗРУ-675. URL: <https://www.norma.uz/>

* Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 30 июня 2021 г. N 306-ЗР. URL: http://parliament.am/law_docs/

** Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 окт. 2009 г. N 1772-III. URL: <https://online.zakon.kz>

*** Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. N 231-V ЗРК. URL: <https://online.zakon.kz/>

Анализ уголовно-процессуальных норм и научных исследований, посвященных депонированию показаний, позволяет сделать вывод о наличии сложностей в уяснении правовой природы указанного уголовно-процессуального института, что обуславливает актуальность темы настоящей статьи. Кроме того, необходимость изучения депонирования показаний продиктована потребностью более полного обеспечения прав участников уголовного судопроизводства.

Суть института депонирования показаний заключается в фиксации показаний свидетеля или потерпевшего, полученных в ходе допроса судьей на стадии предварительного расследования, для последующего оглашения в процессе судебного разбирательства. Помимо показаний потерпевших и свидетелей, законодательство некоторых государств (например, ст. 189 УПК Литовской Республики) допускает депонирование показаний подозреваемого, подобную норму предлагалось закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Армения, экстраполировав депонирование на признательные показания обвиняемого [7, с. 78].

В уголовном судопроизводстве государств, входивших в состав СССР, в основном не предусматривается полноценное участие стороны защиты и суда в доказывании на стадии предварительного расследования. Как правило, роль суда сводится к осуществлению предварительного и последующего судебного контроля за применением некоторых мер процессуального принуждения и производством некоторых следственных действий с целью соблюдения конституционных прав граждан [8, с. 53]. Судебный контроль за деятельностью органов, осуществляющих уголовное преследование, есть проявление полноты самостоятельности судебной власти, в соответствии с которой только суд обладает прерогативой своими решениями ограничивать конституционные права и свободы личности [9, с. 44; 10, с. 169-172]. В этом смысле институт депонирования показаний сложно отнести к реализации судебного контроля, поскольку при депонировании показаний суд сам производит следственное действие — допрос с участием сторон.

Основание проведения рассматриваемой процедуры — это потенциальная возможность наступления определенных «исключительных» обстоятельств в будущем, которые могут привести к утрате доказательственной информации. Иными словами, депонирование допускается только в предусмотренных законом случаях и, по сути, носит чрезвычайный характер, что обуславливает необходимость закрепления четких нормативных положений, которые не подлежат расширительному толкованию. Тем не менее в части изученных уголовно-процессуальных законов содержится открытый перечень оснований депонирования показаний.

Например, в соответствии с ч. 3 ст. 109 УПК Республики Молдова депонирование показаний возможно, «если свидетель не сможет присутствовать при рассмотрении дела в суде по причине его выезда за границу или по другим обоснованным причинам». В УПК Республики Армения (ч. 1 ст. 306) лишь фиксируются положения об отсутствии возможности явки в судебное заседание или о наличии «обоснованного предположения правомерной не дачи показания в ходе судебного разбирательства...».

Основным критерием отнесения того или иного обстоятельства к побуждающим депонировать показания является потенциальная возможность утраты доказательственной информации. К таким «исключительным» обстоятельствам в уголовно-процессуальных кодексах государств постсоветского пространства отнесено постоянное проживание на территории другого государства; тяжелое заболевание, которое может привести к летальному исходу; исключение последующих допросов несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, поскольку такие допросы могут оказать психотравмирующее воздействие на данных лиц, и др. (ч. 1 ст. 114 УПК Грузии, ч. 2 ст. 205 УПК Киргизской Республики, ст. 306 УПК Республики Армения, ч. 1 ст. 217 УПК Республики Казахстан, ч. 3 ст. 109 УПК Республики Молдова, ст. 121.2 УПК Республики Узбекистан, ч. 2 ст. 69.1 УПК Эстонской Республики).

Помимо указанных, в уголовно-процессуальных законах содержатся особые

основания депонирования показаний, свойственные отдельным государствам. Например, в Республике Молдова депонирование показаний свидетеля используется в целях обеспечения его безопасности и предупреждения ревиктимизации (ч. 3 ст. 109 УПК Республики Молдова). В соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 114 УПК Грузии депонирование также применяется для обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Кроме того, в Грузии и Эстонской Республике депонирование используется для достижения процессуальной экономии. В частности, в Уголовно-процессуальном кодексе Грузии рассматриваемая процедура может производиться для оптимизации собирания доказательств, если их «сбор... из других источников для направления дела в суд на рассмотрение по существу требует неразумных усилий» (п. «г» ч. 1 ст. 114 УПК Грузии). В Эстонской Республике оптимизация достигается иным образом — посредством закрепления категории уголовных дел, по которым можно депонировать показания: уголовные дела об умышленных преступлениях, за которые в качестве наказания предусмотрено тюремное заключение на срок не менее трех лет (ч. 1 ст. 69.1 УПК Эстонской Республики), если позднейший допрос свидетеля при судебном разбирательстве уголовного дела может оказаться невозможным или на свидетеля может быть оказано воздействие с целью дачи им ложных показаний (чч. 1 и 2 ст. 69.1 УПК Эстонской Республики).

Для того чтобы лучше понять правовую природу и место института депонирования показаний в уголовно-процессуальном праве, целесообразно смоделировать типичную ситуацию, в которой свидетель по делу, ранее допрошенный в рамках предварительного следствия, не является на судебное заседание для дачи показаний. Представляется, что это не будет препятствием для разрешения дела по существу, хотя и не вполне согласуется с началом непосредственного исследования доказательств (ст. 240 УПК РФ). Как правило, несмотря на «осторожное» отношение закона к оглашению показаний, полученных в досудебном производстве, и различные попытки ее ограни-

чить (см., например, ст. 243 УПК Грузии, ст. 330 УПК Киргизской Республики, ст. 372 УПК Республики Казахстан, ст. 371 УПК Республики Молдова), проблема решается при помощи оглашения в судебном заседании протоколов допросов потерпевших и свидетелей.

На первый взгляд, депонированные показания равнозначны протоколу допроса, фиксирующему результаты следственного действия, произведенного следователем или дознавателем в досудебном производстве. Однако данные процедуры не тождественны. Депонирование показаний — это не аналог допроса, произведенного следователем или дознавателем.

В литературе справедливо ставится под сомнение доказательственное значение показаний, отраженных в протоколах следственных действий, поскольку при их получении не реализуется принцип состязательности (допрос ведется представителем стороны обвинения; сторона защиты может присутствовать при производстве допроса только в случае удовлетворения следователем (дознавателем) соответствующего ходатайства и имеет право задавать вопросы только в зависимости от усмотрения следователя (дознавателя) [5, с. 88]. Это, скорее, показания «с чужих слов», которые не могут быть подвергнуты проверке в ходе допроса, поскольку сторона защиты в нем не участвует [11, с. 118]. Действительно, отсутствие для другой стороны возможности задать во время допроса вопросы относительно обстоятельств дела должно влечь более осторожное отношение суда к доказательствам «с чужих слов». Такие показания требуют тщательной проверки и могут быть положены в основу выводов суда только в совокупности с другими доказательствами, соответствующими требованиям закона.

При депонировании показаний происходит полноценная реализация принципа состязательности, поскольку допрос ведет судья с участием сторон, у которых есть право задать вопросы допрашиваемому, что обеспечивает реализацию права на защиту и в конечном итоге на справедливое судебное разбирательство. В связи с этим оглашение депонированных показаний, данных отсутствующими в судеб-

ном заседании потерпевшим или свидетелем, при рассмотрении уголовного дела по существу не нарушает равенства сторон по участию в доказывании, поскольку обеим сторонам, и прежде всего стороне защиты, предоставили право участвовать в формировании доказательства. Иными словами, особый характер сведений, полученных при депонировании показаний, детерминирован не только тем, что допрос произведен судьей, но и тем, что в следственном действии принимали участие обе стороны — обвинения и защиты [12, с. 127].

Дополнительным положительным моментом депонирования показаний является реализация права на доступ к правосудию, поскольку неявка свидетелей и потерпевших в суд не препятствует рассмотрению дела по существу, так как их показания были закреплены судом в досудебном производстве.

Изучение уголовно-процессуального законодательства постсоветских государств показывает, что в общем виде процедура депонирования показаний является следующей: при наличии предусмотренных в законе оснований лицо, обладающее соответствующими полномочиями, подает обоснованное ходатайство уполномоченному субъекту — следственному судье, прокурору, который в последующем сам осуществляет передачу документа судебному органу (ст. 306 УПК Республики Армения, чч. 4 и 5 ст. 114 УПК Грузии, ст.ст. 205 и 206 УПК Киргизской Республики, ст. 217 УПК Республики Казахстан, чч. 3 и 3.1 ст. 109 УПК Республики Молдова, ст. 121.2 УПК Республики Узбекистан, чч. 1 и 2 ст. 69.1 УПК Эстонской Республики). Следственный судья в кратчайший срок (в рассматриваемых государствах такой срок составляет от 24 часов (ч. 2 ст. 217 УПК Республики Казахстан, ст. 121.3 УПК Республики Узбекистан) до 5 суток с момента получения ходатайства (ч. 3 ст. 69.1 УПК Эстонской Республики)) рассматривает его и выносит определение об удовлетворении или об отказе в удовлетворении ходатайства.

Вопрос об обжаловании решения об отказе в удовлетворении ходатайства о депонировании показаний в законодательстве государств постсоветского про-

странства решается по-разному: 1) допущение однократного обжалования в течение 24 часов после вынесения решения (ч. 7 ст. 114 УПК Грузии); 2) допущение обжалования с момента вынесения решения в течение 72 часов с одновременным закреплением положения о возможности повторного обращения с ходатайством о депонировании показаний при появлении новых обстоятельств (чч. 3 и 4 ст. 206 УПК Киргизской Республики, ч. 2 ст. 217 УПК Республики Казахстан, ст. 121.3 УПК Республики Узбекистан); 3) недопущение обжалования, но закрепление права на повторное обращение с ходатайством при возникновении новых обстоятельств (ч. 4 ст. 307 УПК Республики Армения). В случае удовлетворения ходатайства назначается судебное заседание (ст. 308 УПК Республики Армения, чч. 6 и 7 ст. 114 УПК Грузии, ч. 2 ст. 217 УПК Республики Казахстан, ст. 206 УПК Киргизской Республики, ст. 121.3 УПК Республики Узбекистан, ч. 3 ст. 69.1 УПК Эстонской Республики).

Депонирование показаний проводится следственным судьей (в Республике Молдова — судьей по уголовному преследованию) в судебном заседании с участием лица, подлежащего допросу, обвиняемого и других лиц, перечисленных в законе. Депонирование показаний оформляется протоколом судебного заседания. Депонированные показания в последующем оглашаются в ходе судебного разбирательства (ст. 114 УПК Грузии, ст.ст. 207 и 208 УПК Киргизской Республики, ст. 309 УПК Республики Армения, чч. 3, 4, 5 ст. 217, п. 3 ч. 1 ст. 372 УПК Республики Казахстан, ст. 371 УПК Республики Молдова, ст.ст. 121.4 и 121.5 УПК Республики Узбекистан, чч. 4-6 ст. 69.1 УПК Эстонской Республики). В качестве основного последствия депонирования показаний необходимо выделить безусловность оглашения таких показаний в судебном заседании. При этом принципы непосредственности, состязательности и равноправия сторон реализуются более последовательно, что способствует вынесению законного и обоснованного решения.

Переходя к проблемным аспектам процедуры депонирования показаний в уголовно-процессуальных законах госу-

дарств постсоветского пространства, следует обратить внимание на некоторую непоследовательность имеющейся регламентации. В частности, ч. 3 ст. 69.1 УПК Эстонской Республики предусмотрено, что подозреваемый может не вызываться на допрос при угрозе безопасности свидетеля. Аналогичные положения содержатся в ч. 9 ст. 114 УПК Грузии, чч. 2 и 5 ст. 207 УПК Киргизской Республики, ч. 3 ст. 217 УПК Республики Казахстан, ст. 121.4 УПК Республики Узбекистан. По мнению С.Г. Коновалова, подобное регулирование ставит под сомнение корректность рассуждений о состоятельности как о «сути» депонирования. Указанный автор подчеркивает, что в ряде случаев эта процедура выглядит «антисостоятельной» [12, с. 137].

Поскольку последовательная реализация принципа состоятельности является ключевой в процедуре депонирования, то и ограничение состоятельности при реализации депонирования искажает сущность данного правового явления. Полностью отрицать возможность ограничения состоятельности при угрозе свидетелю или потерпевшему было бы неверно, однако следует согласиться с тем, что имеется потребность урегулирования данного вопроса.

Как представляется, в данном случае необходимо подчеркнуть приоритетность допроса с участием всех заинтересованных лиц, что следует предусмотреть в тексте закона. Целесообразной могла бы стать следующая формулировка: «подозреваемый, обвиняемый в исключительных случаях не вызывается на допрос, если присутствие подозреваемого, обвиняемого на допросе угрожает безопасности потерпевшего, свидетеля, а иными имеющимися способами и средствами защиты невозможно обеспечить безопасность потерпевшего, свидетеля».

Изложенное позволяет сделать ряд выводов.

1. Основная цель процедуры депонирования показаний — это более последовательная реализация принципов состоятельности и непосредственности в процессе собирания и исследования доказательств и оптимизация судебного разби-

рательства, поскольку сокращаются сроки рассмотрения уголовных дел по существу.

2. Депонирование показаний не является приемом реализации предварительного судебного контроля, поскольку суд не оценивает законность и обоснованность производства испрашиваемого стороной обвинения процессуального действия, а выступает субъектом, одновременно принимающим решение о допросе и осуществляющим допрос.

3. Архитектоника института депонирования показаний в уголовно-процессуальном законодательстве различных государств постсоветского пространства аналогична и включает регламентацию оснований депонирования; закрепление системы субъектов инициирования депонирования показаний; процедуру принятия решения по ходатайству о депонировании показаний и обжалования отказа в удовлетворении ходатайства; собственно процедуру депонирования показаний.

4. Несмотря на общность подхода к конструкции института депонирования, существуют положения, характерные для законодательства отдельных государств. Прежде всего это проявляется в подходе к определению оснований депонирования показаний (от неопределенных формулировок оснований в УПК Республики Армения до конкретизации, например, в УПК Республики Казахстан) и процедуре обжалования решения суда об отказе в удовлетворении ходатайства о депонировании показаний (от недопустимости обжалования (УПК Республики Армения) до закрепления права на обжалование с предоставлением возможности повторно обратиться с ходатайством о депонировании показаний (УПК Республики Казахстан).

5. Имеющийся в некоторых государствах постсоветского пространства опыт регламентации института депонирования показаний вполне может быть заимствован и привнесен в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, что способствовало бы последовательной реализации принципа непосредственности при исследовании доказательств во время судебного следствия и постановлении приговора суда.

Список источников

1. Гамбарян А.С. Судебное депонирование показаний: старый процессуальный институт под новым названием // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. N 2. С. 184-198.
2. Молбасин С.И. Депонирование показаний в системе средств доказывания по Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. N 2. С. 132-138.
3. Шестакова С.Д., Иманалиева У.Э. Депонирование показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Кыргызской Республики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. N 1. С. 176-182.
4. Николук В.В., Судницын А.В. Внесудебное депонирование показаний несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) как одно из процессуальных средств охраны его психического и физического здоровья // Общество и право. 2021. N 4. С. 50-58; 2022. N 1. С. 40-46.
5. Багаутдинов Ф.Н. Актуальные вопросы оглашения в суде показаний потерпевших и свидетелей // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. N 3. С. 87-94.
6. Жармагамбетова Д.А. Депонирование показаний: сравнительно-правовой анализ оснований для проведения допроса свидетеля и потерпевшего следственным судьей в судебном заседании во время досудебного расследования по законодательству Республики Казахстан и Украины // Диалог. 2021. N 1. С. 36-43.
7. Гамбарян А., Симонян С. Судебное депонирование признательных показаний обвиняемого (необходимость и угрозы) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. N 2. С. 78-83.
8. Максуров А.А. Понятие судебного контроля на досудебной стадии уголовного процесса // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. N 3. С. 48-57.
9. Верещагина А.В. К вопросу о самостоятельности судебной власти и ее реализации в дореволюционном российском законодательстве // Российская юстиция. 2006. N 2. С. 44-46.
10. Романов С.В. Концепция полноты судебной власти в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2023. Т. 64. N 6. С. 157-175.
11. Терехов А.Ю., Латыпов В.С. Необходимость депонирования показаний свидетелей и потерпевших по сложным уголовным делам // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. N 1. С. 115-121.
12. Коновалов С.Г. Депонирование показаний в немецком уголовном процессе: критическая оценка постсоветского мифа // Законность. 2023. N 133. С. 125-146.

References

1. Gambaryan A.S. Judicial deposition of indications old procedural institute under the new name. Judicial power and criminal procedure, 2018, no. 2, pp. 184-198. (In Russ.).
2. Molbasin S.I. Depositing testimonies in proving procedure according to the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2019, no. 2, pp. 132-138. (In Russ.).
3. Shestakova S.D., Imanalieva U.E. Deposition of victim and witness testimony as a new institution in the criminal procedure of the Kyrgyz Republic. Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022, no. 1, pp. 176-182. (In Russ.).
4. Nikoluk V.V., Sudnitsyn A.B. Out-of-court deposition of testimony of a minor victim (witness) as one of the procedural means of protecting his / her mental and physical health (Part one part two). Society and law, 2021, no. 4, pp. 50-58; 2022, no. 1, pp. 40-46. (In Russ.).
5. Bagautdinov F.N. Topical issues of reading out testimonies of victims and witnesses in court. Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2024, no. 3, pp. 87-94. (In Russ.).
6. Zharmagambetova D.A. Deposition of testimonies: comparative legal analysis of the grounds for interrogation of the witness and the victim by the investigating judge in the court session during the pre-trial proceedings under the legislation of the Republic of Kazakhstan and Ukraine. Dialogue, 2021, no. 1, pp. 36-43. (In Russ.).
7. Gambaryan A., Simonyan S. Judicial deposition of confessions of the accused (necessity and threats). Investigation of crimes: problems and solutions. 2015, no. 2, pp. 78-83. (In Russ.).
8. Maksurov A.A. The concept of judicial control at the pre-judicial stage of the criminal process. Legal order: history, theory, practice, 2019, no. 3, pp. 48-57. (In Russ.).
9. Vereshchagina A.V. To the question of independence of judiciary and its realization in pre-revolutionary Russian legislation. Russian justice, 2006, no. 2, pp. 44-46. (In Russ.).
10. Romanov S.V. Concept of authority of judiciary in criminal procedure. Bulletin of Moscow University. Series 11: Law, 2023, vol. 64, no. 6, pp. 157-175. (In Russ.).
11. Terekhov A.Yu., Latypov V.S. The need to deposit witness and victims evidence in complex criminal cases. Bulletin of the Kazan law Institute of MIA of Russia, 2021, no. 1, pp. 115-121. (In Russ.).

12. Kononov S. Deposition in German criminal procedure: a critical appraisal of the post-Soviet myth. *Legality*, 2023, no. 133, pp. 125-146 (In Russ).

Вклад авторов:

Верещагина А.В. – идея, определение основных направлений исследования, разработка теоретических предпосылок, написание статьи, формулирование общих и итоговых выводов;

Салин С.Ю. – сбор и анализ нормативных правовых актов, написание статьи.

Contribution of the authors:

Vereshchagina A.V. – idea of the study, determining the main directions of the research, developing the theoretical premises, writing the article, formulating the general and final conclusions;

Salin S.Yu. – collecting and analyzing the regulatory legal acts, writing the article.

Раздел 8. Обзоры, рецензии, критика

Научная специальность: 5.1.2

Отзыв на диссертацию С.В. Верзилина «Теоретико-правовые и организационные основы исполнения государственной функции по обеспечению безопасности дорожного движения»*

Владимир Иванович Майоров,

доктор юридических наук, профессор, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, 1955715@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-3546>

Аннотация. В отзыве анализируется содержание диссертационной работы С.В. Верзилина, посвященной актуальным вопросам исполнения государственной функции по обеспечению безопасности дорожного движения. Отмечается ее актуальность и перспективность как с практической, так и с теоретической точки зрения в связи с необходимостью совершенствования мер по сокращению смертности и травматизма от дорожно-транспортных происшествий. К достоинствам диссертации отнесены авторская дефиниция понятия государственной функции «обеспечение безопасности дорожного движения», определение границ ее содержания, раскрытие полномочий в исследуемой области на трех уровнях управления — федеральном, региональном и местном, выделение проблем осуществления федерального государственного контроля (надзора) в области обеспечения безопасности дорожного движения. Отмечается, что имеющиеся в отзыве замечания и вопросы не влияют на общую положительную оценку исследования. Сделан вывод о том, что рецензируемая работа соответствует установленным требованиям, содержит новые научные результаты и положения, а ее автору заслуженно присуждена ученая степень кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, государственная функция, дорожное движение, контроль, надзор, обеспечение безопасности дорожного движения

Для цитирования: Майоров В.И. Отзыв на диссертацию С.В. Верзилина «Теоретико-правовые и организационные основы исполнения государственной функции по обеспечению безопасности дорожного движения» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 3 (73). С. 73-79.

Review of the dissertation of S.V. Verzilin "Theoretical-legal and organizational basis of executing the state function on ensuring the road traffic safety"

Vladimir I. Mayorov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, 1955715@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-3546>

Abstract. The content of the reviewed dissertation paper, devoted to the topical issues of executing the state function on ensuring the road traffic safety, is analyzed. Its relevance and prospects are noted both from a practical and theoretical point of view due to the need to improve measures to reduce road traffic death and injuries. The advantages of the dissertation paper are attributed to: the author's definition of the concept of the state function of ensuring the road traffic safety; as well as determining the boundaries of its content; revealing the powers in the study area at three levels

* Верзилин С.В. Теоретико-правовые и организационные основы исполнения государственной функции по обеспечению безопасности дорожного движения: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. Курск, 2024. 239 с.

of government (federal, regional and local); and also highlighting the problems of implementing the federal state control (supervision) in the field of ensuring the road traffic safety. It is noted that the available comments and questions do not affect the overall positive assessment of the conducted research. It is concluded that the dissertation under review complies with the established requirements, contains new scientific results and provisions, and its author is deservedly awarded the academic degree of Candidate of Legal Sciences in the scientific specialty 5.1.2. Public legal (state legal) sciences.

Keywords: road traffic safety, state function, road traffic, control, supervision, ensuring the road traffic safety

For citation: Mayorov V.I. Review of the dissertation of S.V. Verzilin "Theoretical-legal and organizational basis of executing the state function on ensuring the road traffic safety" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 3 (73). P. 73-79.

Введение

В связи со значительным материальным, социально-экономическим, демографическим ущербом, который наносят дорожно-транспортные происшествия и их последствия, обеспечение безопасности дорожного движения на протяжении многих лет является одним из важнейших приоритетов государственной политики. Несмотря на определенные успехи по сокращению смертности в дорожно-транспортных происшествиях (далее — ДТП), которых удалось достичь, в Российской Федерации с 2023 года вновь наметился рост числа погибших в дорожных авариях. На фоне ежегодного увеличения автомобильного парка и количества выявляемых нарушений в области дорожного движения требуется постоянное совершенствование мер по сокращению смертности и травматизма в дорожном движении. В связи с этим тему диссертации С.В. Верзилина «Теоретико-правовые и организационные основы исполнения государственной функции по обеспечению безопасности дорожного движения» следует признать актуальной и значимой.

Обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации осуществляется с помощью государственного регулирования и административно-правовых средств. С учетом внесения изменений в нормативные правовые акты, проведения реформы контрольно-надзорной деятельности, совершенствования административной и уголовной ответственности в области дорожного движения требуется оценка системности, эффективности и механизмов реализации новых норм, определение их влияния на деятельность

в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Научное исследование исполнения государственной функции по обеспечению безопасности дорожного движения, ее теоретико-правовых и организационных основ, проведенное соискателем, обладает теоретическим и прикладным значением и направлено на совершенствование правовой регламентации данной деятельности, а также на развитие научного знания в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Оценка содержания диссертационной работы

Структура работы отличается логическим единством и представлена введением, двумя главами, содержащими шесть параграфов, заключением, списком используемой литературы. Цель, объект и предмет исследования сформулированы корректно, в соответствии с избранной темой. Для достижения поставленной цели автором определены семь задач, которые последовательно решаются на протяжении исследования.

Первая глава диссертации — «Теоретические аспекты административно-правового и нормативно-технического регулирования организации исполнения государственной функции по обеспечению безопасности дорожного движения» — состоит из трех параграфов и посвящена формированию теоретической основы работы, рассмотрению нормативной базы и зарубежного опыта обеспечения безопасности дорожного движения.

В первом параграфе (с. 20-43) автор проводит комплексный анализ ключевой для исследования категории обеспечения безопасности дорожного движения, опре-

деляя ее содержание как государственной функции. Следует положительно оценить рассмотрение научных позиций относительно понятий «дорожное движение», «безопасность дорожного движения», «государственная функция», «обеспечение безопасности дорожного движения», по итогам которого автор формулирует собственную точку зрения. Справедливо указано на недостатки некоторых законодательных норм: например, на то, что определение понятия дороги не отражает всей сложности уже существующих общественных отношений в данной области и подлежит уточнению (с. 31).

Соискателем очерчены границы содержания такой государственной функции, как обеспечение безопасности дорожного движения, которое заключается в выработке и реализации комплекса управленческих, правовых, организационных, социально-экономических, информационных и иных мер, направленных на обеспечение защищенности личности, общества и государства от ДТП и их последствий (с. 40).

На защиту вынесена развернутая авторская дефиниция данной государственной функции, определяемой как внутренняя правоохранительная функция государства, содержанием которой является деятельность уполномоченных органов государства по защите прав и законных интересов участников дорожного движения путем обеспечения точного и неуклонного соблюдения законодательства в области безопасности дорожного движения, направленного на предупреждение дорожно-транспортных происшествий и снижение тяжести их последствий (с. 13).

Во втором параграфе первой главы работы (с. 44-85) представлен достаточно подробный анализ нормативно-правовой базы по тематике исследования.

Следует особо отметить рассмотрение С.В. Верзилиным международно-правовых документов в области дорожного движения в их сравнении с российским законодательством, по итогам которого определено частичное несоответствие терминологии и требований к участникам дорожного движения (водителям транспортных средств) в рассмотренных документах, хотя нормы международных актов

в области обеспечения безопасности дорожного движения, исходя из ст. 15 Конституции Российской Федерации, являются частью правовой системы российского государства (с. 49).

В результате сопоставительного анализа норм федеральных законов «О безопасности» и «О безопасности дорожного движения» соискателем выдвинуто важное предложение о дополнении Федерального закона от 10 декабря 1995 г. N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» положениями о новых принципах, на которых должна основываться деятельность по обеспечению безопасности дорожного движения: интеграция с международными системами безопасности, комплексность правового регулирования общественных отношений в области обеспечения безопасности дорожного движения и др. (с. 58).

Следует согласиться с выводом о том, что законодательство Российской Федерации в области обеспечения безопасности дорожного движения не в полной мере отвечает возросшим общественным потребностям, современным реалиям, международно-правовым стандартам и характеризуется рядом системных недостатков, к которым следует отнести:

- 1) разрозненность нормативных актов, отсутствие их системы;
- 2) наличие определенных противоречий в регламентации общих правовых начал;
- 3) отсутствие комплексного подхода к реализации основных принципов в области обеспечения безопасности дорожного движения;
- 4) отсутствие четкой правовой регламентации взаимодействия уполномоченных органов по ряду направлений;
- 5) наличие коллизий и пробелов при правовом регулировании общественных отношений в данной сфере;
- 6) фактическое отсутствие правового порядка и форм участия общественных объединений, созданных для защиты прав и законных интересов граждан в дорожном движении (с. 80).

Третий параграф рецензируемой диссертации (с. 86-101) посвящен исследованию зарубежного опыта в области обеспечения безопасности дорожного движения, преимущественно положений

действующих в этой сфере ключевых нормативных правовых актов.

Актуализации обращения к опыту иных государств способствует тот факт, что в Российской Федерации уровень смертности значительно превышает аналогичный показатель в странах с высоким уровнем автомобилизации, а в документах ООН и Всемирной организации здравоохранения дорожно-транспортный травматизм рассматривается как явление, породившее глобальный кризис в области общественного здравоохранения*.

С.В. Верзилиным рассматриваются основные законы в области дорожного движения, действующие в ряде государств. По итогам анализа данных нормативных правовых актов автор выдвигает заслуживающие поддержки предложения, например о необходимости включения экологической безопасности в общее регулирование обеспечения безопасности дорожного движения (по опыту Республики Казахстан) (с. 94). Проблема экологической безопасности автомобильного транспорта известна в Российской Федерации: согласно Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года обеспечение безопасности и экологичности транспортного комплекса является одним из направлений государственной политики в области транспорта, а снижение негативного воздействия транспортной системы на окружающую среду — одной из целей реализации данной стратегии**. Тем не менее содержание деятельности по обеспечению экологической безопасности автомобильного транспорта и субъекты ее реализации до сих пор не определены.

Вторая глава диссертации — «Основные направления совершенствования организации исполнения государственной

функции по обеспечению безопасности дорожного движения» — включает три параграфа и содержит анализ полномочий субъектов реализации рассматриваемой функции, а также исследование таких ее элементов, как контрольно-надзорная деятельность и административная ответственность.

Первый параграф (с. 102-137) посвящен характеристике органов государственной власти, участвующих в обеспечении безопасности дорожного движения. Автором последовательно раскрыты полномочия в исследуемой области на трех уровнях управления — федеральном, региональном и местном. Рассмотрение компетенции конкретных федеральных органов исполнительной власти позволило очертить контуры системы обеспечения безопасности дорожного движения в части ее субъектного состава. Параграф содержит некоторые дискуссионные положения, однако о них речь пойдет ниже.

Наряду со многими исследователями, диссертант верно указывает на необходимость повышения роли и значения Правительственной комиссии по обеспечению безопасности дорожного движения как надведомственного органа, способного в режиме реального времени отслеживать ситуацию по обеспечению безопасности дорожного движения, своевременно корректировать деятельность органов исполнительной власти разных уровней в целях достижения конечного социально значимого результата — сохранения жизни и здоровья людей. В настоящее время вышеупомянутая Правительственная комиссия является лишь совещательным органом и не обладает какими-либо штатными, материальными ресурсами. В диссертации предлагается создание постоянно действующего рабочего аппарата, имеющего тесные связи с субъектами в этой сфере и аналогичными комиссиями в субъектах Российской Федерации (с. 128).

Во втором параграфе (с. 138-164) раскрыта проблематика осуществления федерального государственного контроля (надзора) в области обеспечения безопасности дорожного движения. Общая оценка законодательства о контроле и надзоре позволила диссертанту проследить изменения в регулировании федерального

* Глобальный кризис в области безопасности дорожного движения. Доклад Генерального секретаря // ООН и безопасность дорожного движения: официальный сайт. URL: <https://www.un.org/>

** Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 нояб. 2021 г. N 3363-р; ред. от 6 нояб. 2024 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

государственного контроля (надзора) в области обеспечения безопасности дорожного движения сквозь призму реформы контрольно-надзорной деятельности. Определено, что актуальность нового законодательства в области организации и осуществления государственного федерального надзора не вызывает сомнений. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» призван усилить профилактическую направленность федерального надзора, обеспечить «прозрачность» надзорных проверок, исключить возможность злоупотреблений со стороны проверяющих. В работе верно указано на декларативность некоторых положений Федерального закона от 31 июля 2020 г. N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», не позволяющих четко представить механизм установления и оценки применения обязательных требований, являющихся предметом надзора (с. 153).

Заключительный параграф диссертационного исследования (с. 165-208) посвящен административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения. Автор обращается к известной проблеме рассмотрения административных штрафов за нарушения ПДД как источника доходов для региональных бюджетов (с. 178-181). Действительно, ежегодно назначается большое количество штрафов, прежде всего за нарушения, зафиксированные в автоматическом режиме. Вследствие заинтересованности органов власти субъектов Российской Федерации во взимании максимального количества штрафов за нарушения ПДД комплексы фотовидеофиксации данных нарушений нередко размещаются там, где в этом с позиции безопасности дорожного движения нет необходимости (например, в местах с хорошими дорожными условиями). Вместе с тем с 1 сентября 2024 г. вступили в силу законодательные изменения, регламентирующие порядок размещения комплексов фотовидеофиксации в пределах улично-дорожной сети и закрепляющие требования к ним. Степень эффективности данных

изменений можно будет оценить после их внедрения во всех субъектах Российской Федерации.

Большим практическим значением и актуальностью обладает предложение С.В. Верзилина о формировании штата сотрудников ДПС не только по критерию протяженности дорог и улиц, но и по количеству зарегистрированных в субъекте Российской Федерации автотранспортных средств, оценке интенсивности дорожного движения на магистралях и иным объективным динамическим критериям (с. 185). Снижение штатной численности сотрудников полиции, наблюдаемое на протяжении многих лет, существенно уменьшает выявляемость правонарушений в области дорожного движения, которые не могут быть зафиксированы в автоматическом режиме, поэтому данное предложение заслуживает безоговорочной поддержки.

Таким образом, рассматриваемая диссертационная работа позволяет сформировать общее представление о государственной функции по обеспечению безопасности дорожного движения, осуществляющих ее субъектах и правовых основах их деятельности.

Научная новизна и прикладное значение исследования связаны с выявлением ряда проблем, существующих в этой сфере, для которых С.В. Верзилиным разработаны пути решения, с уточнением места и роли безопасности дорожного движения в системе национальной безопасности.

Степень обоснованности сформулированных в диссертации положений, выводов и рекомендаций достаточно высока. Автор успешно исследовал понятийно-категориальный аппарат в рамках избранной темы, умело использовал общенаучные и специальные методы при изучении разнопорядковых явлений, процессов, категорий и институтов, сформулировал и обосновал предложения, которые могут быть использованы в процессе совершенствования правового регулирования деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения.

Диссертацию отличает научный стиль изложения материала, корректное использование научной терминологии, обширная теоретическая база, при анализе которой автор аргументированно выделяет досто-

инства и недостатки тех или иных подходов к проблемам обеспечения безопасности дорожного движения.

Результаты диссертационного исследования прошли необходимую апробацию: они освещались на 10 международных и всероссийских научных конференциях, отражены в публикациях соискателя. По теме диссертации С.В. Верзилиным опубликовано 17 научных работ, 9 из них – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Полученные в ходе исследования выводы и разработанные соискателем предложения могут быть использованы как при подготовке нормативных правовых актов, так и в дальнейших научных изысканиях по соответствующей проблематике.

Вместе с тем в диссертационном исследовании присутствуют недочеты и суждения, являющиеся поводом для полемики.

1. В тексте работы нашли минимальное отражение вопросы разрешительной деятельности государства в области обеспечения безопасности дорожного движения, которая является важным элементом исследуемой государственной функции. Разумеется, объем исследования не позволяет подробно рассмотреть все направления обеспечения безопасности дорожного движения, однако разрешительной функции достаточно было бы уделить часть параграфа, например, во второй главе.

2. При рассмотрении полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области безопасности дорожного движения в первом параграфе второй главы не указана разработка и реализация программных документов регионального и муниципального уровней, в соответствии с которыми реализуются мероприятия по обеспечению безопасности дорожного движения, а также не раскрыты полномочия в области организации дорожного движения, которая является частью обеспечения безопасности дорожного движения.

Аналогично в усеченном объеме рассмотрены полномочия Минтранса России и подведомственных ему Ространснадзора и Федерального дорожного агентства. На с. 115 работы некорректно использовано сокращенное наименование «Росавтодор», под которым автор понимает государственную компанию «Российские автомобильные дороги», тогда как официально это сокращение Федерального дорожного агентства. Далее по тексту полномочия данных субъектов смешиваются.

3. Государственная функция «Обеспечение безопасности дорожного движения» как правоохранительная функция государства в работе определена достаточно широко (в том числе в третьем положении, вынесенном на защиту), из чего следует, что вопросы уголовной ответственности за нарушения ПДД также в нее входят. Тем не менее в работе охарактеризованы лишь административные правонарушения в области дорожного движения.

4. На с. 138 диссертационного исследования утверждается: «В результате комплексного литературного анализа справочных и специальных источников были выявлены специфические признаки, определяющие надзор и контроль как самостоятельные механизмы обеспечения законности». Однако в работе данные признаки не раскрыты.

5. Представляет интерес причина включения термина «административный» в название второго параграфа второй главы работы, которое звучит как «Проблемы совершенствования федерального государственного административного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения». Возможно, это было сделано с целью подчеркнуть некие отличия от федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения.

6. В диссертационном исследовании, к сожалению, не был рассмотрен государственный контроль (надзор) за реализацией исполнительными органами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, их должностными лицами полномочий, связанных с обеспечением безопасности дорожного движения и соблюдением требований в области обеспечения безопасности дорожного

движения, который имеет важное значение для деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения.

7. На с. 172-174 диссертационной работы приведены рассуждения о том, что лицо, привлекаемое к юридической ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, а также об объективности и позитивном вкладе технических средств автоматической фиксации нарушений ПДД в уменьшение количества юридических споров. При этом соискатель не обращается к примечанию к ст. 1.5 КоАП РФ, согласно которому в случае фиксации нарушения указанными средствами собственнику транспортного средства необходимо доказывать свою невиновность в совершении правонарушения. Причины ошибочного привлечения к ответственности могут быть связаны с настройкой или сбоем в работе технических средств, неверными знаками или разметкой, нахождением за рулем иного лица (не являющегося собственником транспортного средства) и др. Ежегодно на постановления по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, вынесенные в порядке, предусмотренном ст. 28.6 КоАП РФ, направляются сотни тысяч жалоб, вследствие чего была введена упрощенная форма их подачи с помощью Единого портала государственных и муниципальных услуг.

В связи с этим отмеченные рассуждения не совсем корректны.

Тем не менее высказанные замечания и вопросы не влияют на общую положительную оценку исследования.

Заключение

Аннотация диссертации и опубликованные научные труды С.В. Верзилина соответствуют основным идеям и выводам, содержащимся в работе.

Обобщая вышесказанное, необходимо сделать вывод о том, что кандидатская диссертация на тему «Теоретико-правовые и организационные основы исполнения государственной функции по обеспечению безопасности дорожного движения» соответствует требованиям, которые предъявляются к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук согласно Положению о порядке присуждения ученых степеней*, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

* См.: О порядке присуждения ученых степеней: постановление Правительства Российской Федерации от 24 сент. 2013 г. N 842: ред. от 16 окт. 2024 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Научная специальность: 5.1.2

Отзыв на диссертацию О.В. Бобровниковой «Административно-правовое регулирование государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности»*

Ян Леонидович Ванюшин,

кандидат юридических наук, доцент, Тюмень, Россия, janych@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1139-444X>

Аннотация. В отзыве анализируются основные положения диссертационного исследования, посвященного административно-правовому регулированию государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности. Рассмотрены актуальность, степень теоретической разработанности, цели и задачи, новизна исследования, положения, выносимые на публичную защиту, и ряд иных выводов и предложений, сформулированных диссертантом. Оцениваются рассуждения соискателя, требующие дополнительной аргументации или более четкого пояснения, приводятся контраргументы, а также вопросы, нуждающиеся в уточнении и доработке. Отмечается, что важным достижением проведенного исследования является разработка рекомендаций по совершенствованию административно-правового регулирования государственной службы, которые могут быть использованы в деятельности законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти федерального уровня, а также могут вызывать заинтересованность представителей науки административного права. Сделан вывод о том, что диссертация О.В. Бобровниковой является актуальным, самостоятельным, завершенным научным исследованием, обладающим внутренним единством, содержащим новые результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты.

Ключевые слова: военная служба, государственная служба, иные виды государственной службы, органы обеспечения государственной безопасности, прохождение государственной службы

Для цитирования: Ванюшин Я.Л. Отзыв на диссертацию О.В. Бобровниковой «Административно-правовое регулирование государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 3 (73). С. 80-89.

Review of the dissertation of O.V. Bobrovnikova "Administrative and legal regulation of the civil service in the state security agencies"

Yan L. Vanyushin,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen, Russia, janych@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1139-444X>

Abstract. The review analyzes the main provisions of the dissertation research devoted to the administrative and legal regulation of the civil service in the state security agencies. The relevance, degree of theoretical elaboration, goals and objectives, novelty of the study, as well as the provisions to be defended and a number of other conclusions and proposals formulated by the dissertator are considered. The applicant's reasoning that requires additional argumentation or a clearer explanation is analyzed. Some counterarguments and issues for clarification and elaboration are provided. It is noted that an important achievement of the conducted study is the development of recommendations for improving the administrative and legal regulation of the civil service, which can be used in the activities of legislative (representative) and executive state authorities at the federal level and may also be of interest to representatives of the administrative law science. It is concluded that the dissertation

* Бобровникова О.В. Административно-правовое регулирование государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. Москва, 2024. 213 с.

paper of O.V. Bobrovnikova is a relevant, independent, complete scientific study having internal unity, containing new results and provisions put forward for public defense.

Keywords: military service, civil service, other types of civil service, state security agencies, performing the civil service

For citation: Vanyushin Ya.L. Review of the dissertation of O.V. Bobrovnikova "Administrative and legal regulation of the civil service in the state security agencies" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 3 (73). P. 80-89.

Необходимость изучения административно-правового регулирования государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности обусловлена как минимум несколькими причинами. Во-первых, начатая в 2001 году масштабная реформа государственной службы, старт которой был положен принятием Концепции реформирования системы государственной службы Российской Федерации*, способствовала лишь преобразованию института государственной гражданской службы Российской Федерации. Государственная военная и правоохранительная служба не претерпела серьезных изменений. В Федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009-2013 годы)», утвержденной Указом Президента Российской Федерации 10 марта 2009 г. N 261**, отмечается, что в процессе реформирования государственной службы начато преобразование военной службы, разработаны предложения по формированию правовых основ правоохранительной службы.

В дальнейшем также внимание государства было в основном сконцентрировано на направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации (указы Президента Российской Федерации от 11 авгу-

ста 2016 г. N 403***, от 24 июня 2019 г. N 288****). В связи с этим изучение вопросов государственной военной и службы в правоохранительных органах остается актуальным. Следует согласиться с А.П. Ларькиной и Л.Н. Свешниковой, отмечаящими, что формирование единой системы государственной службы Российской Федерации на современном этапе во многом зависит от реформирования военной и правоохранительной службы [1, с. 109].

Во-вторых, внесение в 2015 году изменений***** в Федеральный закон от 27 мая 2003 г. N 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»*****, в результате которых государственная правоохранительная служба была заменена на государственную службу иных видов, с одной стороны, решило проблему унифи-

*** Об Основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016-2018 годы: указ Президента Российской Федерации от 11 авг. 2016 г. N 403 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 33. Ст. 5165.

**** Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019-2021 годы: указ Президента Российской Федерации от 24 июня 2019 г. N 288 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. N 26. Ст. 3410.

***** См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения видов государственной службы и признании утратившей силу части 19 статьи 323 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации»: федер. закон от 13 июля 2015 г. N 262-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. N 29. Ст. 4388.

***** О системе государственной службы Российской Федерации: федер. закон от 27 мая 2003 г. N 58-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. N 22. Ст. 2063.

* Концепция реформирования системы государственной службы Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации от 15 авг. 2001 г. N Пр-1496. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009-2013 годы)»: утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 марта 2009 г. N 261: ред. от 10 авг. 2012 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. N 11. Ст. 1277; 2012. N 33. Ст. 4633.

кации правового регулирования государственной службы в правоохранительных органах, с другой стороны, привнесло множество вопросов, связанных с установлением этих видов государственной службы. В условиях «открытого перечня» видов государственной службы Российской Федерации на практике и в теории появилось их большое разнообразие. Кроме того, в связи с этим в органах государственной власти, осуществляющих правоохранительную функцию, продолжает сохраняться правовое «саморегулирование» [2, с. 133].

Как отмечает соискатель, в настоящее время законодательство Российской Федерации идет по пути установления видового разнообразия государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности. По этой причине в целях определения вида государственной службы, благоприятного для организации деятельности органов обеспечения государственной безопасности и соответствующего определенному в них правовому режиму, научному осмыслению с позиции административного права подлежат установленные в органах обеспечения государственной безопасности виды государственной службы (с. 5).

В-третьих, правовое регулирование государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности остается малоизученным. В отличие от вопросов государственной гражданской службы, государственной службы в органах внутренних дел, государственной службы в органах прокуратуры, которым посвящено множество научных работ, исследования государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности являются единичными, в том числе в связи с ведомственным правовым регулированием отношений по поводу прохождения службы, по большей части недоступны для научной общественности.

Таким образом, актуальность темы диссертационного исследования Бобровниковой Ольги Владимировны не вызывает сомнений.

Целями диссертационной работы О.В. Бобровниковой являются осмысление административно-правового регулирования вида государственной службы, уста-

новленного законодательством Российской Федерации в органах обеспечения государственной безопасности, упорядочение и совершенствование категориально-понятийного аппарата доктрины административного права, а также разработка и обоснование перспектив совершенствования административно-правового регулирования вопросов прохождения государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности в современных условиях.

Достижение целей исследования обеспечено решением сформулированных частных задач, которые определили логику и структуру исследования и посредством которых диссертантом достигнуты следующие научные результаты:

- анализ исторического опыта развития института государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности (с. 19-44);

- раскрытие сущности, формулирование понятия государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности (с. 45-76);

- исследование особенностей поступления на службу в органы обеспечения государственной безопасности и особенности ее прекращения (с. 77-104);

- определение порядка прохождения службы в органах обеспечения государственной безопасности (с. 105-112);

- исследование административно-правового статуса сотрудников органов обеспечения государственной безопасности (с. 113-142);

- определение направления совершенствования законодательства о государственной службе в органах обеспечения государственной безопасности (с. 143-152).

Выводы и положения, содержащиеся в диссертационном исследовании, обладают достаточной степенью научной обоснованности и достоверности.

Соискатель в работе демонстрирует способность проведения комплексного анализа доктринальных и нормативных источников, необходимого для решения научных задач, на хорошем уровне использует общие научные и специальные методы познания. В результате в диссертации разработан категориальный аппарат. Предложена концепция совершенство-

вания законодательства в сфере обеспечения безопасности, сущность которой заключается в совершенствовании государственного управления в сфере обеспечения государственной безопасности и внедрении модели управления, основанной на построении централизованной системы управления, с разработкой соответствующих федеральных законов.

Кроме того, в исследовании были использованы постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, материалы судебной практики, а также опыт правового регулирования отношений, связанных с прохождением государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности стран — участниц СНГ (в частности, Республики Беларусь).

Основные положения и результаты диссертационного исследования опубликованы в специализированных научных изданиях, в том числе в журналах, включенных в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук. Основные положения исследования докладывались диссертантом на 4 научно-практических конференциях и семинарах, а также апробировались при подготовке учебных программ и лекционных материалов в рамках основной деятельности соискателя.

Новизна диссертации определяется тем, что она представляет собой комплексное исследование вопросов административно-правового регулирования государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности. Диссертантом на основе анализа нормативных правовых актов Российской Федерации, регламентирующих вопросы государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности, а также актов, характеризующих систему государственной службы Российской Федерации, выделены признаки, позволяющие рассматривать данный вид службы в качестве иного (особого) вида государственной службы. Кроме того, теория административного права дополнена авторским представлением об иных (особых) видах государственной службы и предпосылках

их появления. Автор в исследовании достаточно смело доказывает, что поскольку военная служба в органах обеспечения государственной безопасности и государственная гражданская служба в органах обеспечения государственной безопасности обладают особенностями, отличными от общего режима военной службы и государственной гражданской службы, то может быть поставлен вопрос о появлении и логичном правовом оформлении государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности вследствие специфики основных направлений деятельности указанных органов, а также особенностей их правового режима, связанного с правовым режимом государственной тайны.

Структура диссертации соответствует цели и задачам исследования. Работа состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения, библиографического списка, который насчитывает 236 источников, и приложений.

Во введении соискатель обосновывает актуальность темы диссертационного исследования, анализирует степень научной разработанности темы исследования, определяет цели, задачи, объект и предмет исследования, приводит сведения о теоретической, методологической, нормативно-правовой основе и эмпирической базе диссертации, обосновывает ее научную новизну, формулирует положения, выносимые на публичную защиту, отмечает теоретическую и практическую значимость, представляет сведения об апробации диссертационного исследования.

В первой главе диссертации проводится исследование теоретико-правовых основ государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности, что является оправданным для комплексного изучения вопросов административно-правового регулирования государственной службы. Раскрываются историко-правовые аспекты службы в органах обеспечения государственной безопасности, что позволило автору установить исторические закономерности развития государственной службы в целом и в органах государственной безопасности в частности. В рамках главы рассматриваются вопросы о понятии, сущности и об

отличительных признаках государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности. Это позволило автору определить два критерия, лежащие в основе понятия государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности (функциональный и организационный), предложить авторскую дефиницию государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности, сформулировать предложения по дополнению Сводного перечня государственных должностей Российской Федерации.

Вторая глава посвящена системному анализу административно-правового регулирования государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности. Рассматривая особенности поступления на государственную службу в органы обеспечения государственной безопасности, диссертант приходит к выводу о том, что подбор кадров на службу в органы обеспечения государственной безопасности носит административно-правовой характер и выражается в административно-процедурной деятельности, осуществляемой органами обеспечения государственной безопасности, которая заключается в отборе и оценке кандидатов на государственную службу относительно соответствия установленным законодательными актами Российской Федерации ограничениям и квалификационным требованиям к сотрудникам. Автором выявлено, что сущность возникающих отношений в части, касающейся условий поступления на службу в органы обеспечения государственной безопасности, а также условий оставления таковой, отличается от классического режима «военной службы и государственной гражданской службы».

Необходимым условием полноты исследования является и рассмотрение вопросов прохождения государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности. Изучение выработанных наукой административного права подходов к прохождению государственной службы позволило автору определить прохождение государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности как осуществляемые в особом порядке возникновение, изменение и прекращение служебных отношений, которые

начинаются с подписания акта о принятии гражданина на должность государственной службы и заканчиваются актом об освобождении его от должности и увольнении со службы. Вследствие проведенного анализа в диссертации отмечается, что основными признаками государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности являются: профессиональная деятельность граждан Российской Федерации; замещение воинских должностей и должностей государственной гражданской службы, направленных на обеспечение исполнения полномочий федеральных органов исполнительной власти.

В рамках главы подробно анализируется административно-правовой статус сотрудников органов обеспечения государственной безопасности. Изучение данных вопросов позволило сделать автору заключение о том, что правовой статус сотрудников органов обеспечения государственной безопасности основан на правовом статусе человека и гражданина Российской Федерации, определяется спецификой службы в органах обеспечения государственной безопасности, обусловленной возложенными на органы обеспечения государственной безопасности задачами и функциями. Количество запретов и ограничений, установленных для сотрудников органов обеспечения государственной безопасности, превышает в силу специфики службы количество запретов и ограничений, установленных для военнослужащих и государственных гражданских служащих, проходящих службу в иных органах. Анализ законодательства Российской Федерации позволил диссертанту сделать вывод о практически полном содержательном тождестве социальных гарантий, установленных для сотрудников ФСБ России, СВР России и ФСО России. Предложена авторская классификация актов, регламентирующих правовой статус сотрудников органов обеспечения государственной безопасности.

Важным элементом диссертации является формулирование в отдельном параграфе положений о совершенствовании законодательства, регулирующего государственную службу в органах обеспечения государственной безопасности.

С учетом того, что конституционное регулирование статуса органов обеспечения государственной безопасности имеет пределы и ограничено целевым определением направления деятельности органов обеспечения государственной безопасности, а также вопросами кадрового характера, диссертант приходит к выводу о целесообразности построения централизованной системы государственного управления в сфере обеспечения государственной безопасности с сосредоточением полномочий по обеспечению государственной безопасности в одном федеральном органе исполнительной власти при разработке и принятии соответствующих проектов федеральных законов «О службе в органах обеспечения государственной безопасности» и «Об органах обеспечения государственной безопасности».

В заключении в сжатом виде представлены основные выводы по теме диссертационного исследования, приведены аргументы и обоснование суждений, предложены рекомендации по разработке исследуемой темы в перспективе.

В приложениях к диссертационному исследованию автор в табличной форме приводит результаты сравнительного анализа по 10 критериям дополнительных требований для граждан, поступающих на службу в органы обеспечения государственной безопасности, установленных федеральными законами от 28 марта 1998 г. N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»*, от 3 апреля 1995 г. N 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»**, от 27 мая 1996 г. N 57-ФЗ «О государственной охране»***, от 10 января 1996 г. N 5-ФЗ «О внешней разведке»**** (приложение 1, с. 183-192), а также анализ ограничений прав лиц, проходящих государственную службу по контракту в органах обеспечения безопасности Российской Федерации (приложение 2, с. 193-213). Приведенные приложения не только иллюстрируют ход и результаты исследования, но и допол-

нительно аргументируют выводы и предложения автора.

В целом диссертация имеет логическое построение, что позволило автору раскрыть основные вопросы темы, которые рассмотрены глубоко и подробно, с использованием необходимого научного инструментария. Оформление работы представлено на надлежащем уровне и соответствует предъявляемым требованиям. Диссертации присущ научный стиль. Выбранная тема исследования раскрыта, цель и задачи диссертации достигнуты и решены.

Изучение представленной диссертационной работы позволяет утверждать, что выводы и предложения, сформулированные О.В. Бобровниковой в работе, вносят определенный вклад в развитие публично-правовых дисциплин. Полученные результаты содержат новые научные результаты и положения.

В качестве положительных моментов работы следует отметить, что диссертант вполне успешно на достаточном теоретическом уровне разработал положения, которые направлены на решение научной задачи, имеющей значение для совершенствования административно-правового регулирования государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности, а также развитие, углубление и систематизацию научных знаний об основных этапах становления государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности. В диссертационном исследовании получили развитие теоретические основы административного права и вопросов регулирования государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности в преломлении к вопросам обеспечения безопасности Российской Федерации и специфическим направлениям деятельности органов обеспечения государственной безопасности и их правовому режиму.

Автор доказывает, что действующее административно-правовое регулирование с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации, подтверждает необходимость преобразования подхода к системе обеспечения государственной безопасности, поскольку Конституция Российской Федерации, за-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 13. Ст. 1475.

** Там же. 1995. N 15. Ст. 1269.

*** Там же. 1996. N 22. Ст. 2594.

**** Там же. N 3. Ст. 143.

крепляя за руководителем федерального органа исполнительной власти конкретную сферу деятельности, а именно сферу безопасности государства, определяет правовой статус, место и назначение органов обеспечения государственной безопасности в Российской Федерации.

Важным достижением проведения исследования являются разработка рекомендаций по совершенствованию административно-правового регулирования, которые могут быть использованы в деятельности законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти федерального уровня, а также вызвать интерес у представителей науки административного права.

Следует поддержать ряд выводов диссертанта:

1) категории «специальные службы» и «органы обеспечения государственной безопасности» связаны с использованием специальных средств и методов работы, не свойственных другим государственным органам и не применяемых ими, направленных на обеспечение государственной безопасности как внутри государства, так и за его пределами, что позволяет отличать эти государственные органы от иных (с. 39-43).

2) необходимо ввести в научный оборот определение понятия государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности, под которой предложено понимать особый вид государственной службы, представляющий собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению государственной безопасности (государственного суверенитета, конституционного строя, экономического, научно-технического и оборонного потенциала, информационной сферы и государственной тайны от внешних и внутренних угроз, разведывательных, террористических и иных противоправных посягательств иностранных государств, организаций и лиц), осуществляемую за плату должностными лицами, на должностях в органах обеспечения государственной безопасности (с. 11);

3) целесообразно дополнить Сводный перечень государственных должностей Российской Федерации должностями руководителей федеральных органов ис-

полнительной власти, ведающих вопросами безопасности государства (с. 70-73);

4) необходимо установить специальный правовой статус сотрудника органов обеспечения государственной безопасности при наличии статуса военнослужащего (государственного гражданского служащего) (с. 113-142);

5) необходимо построение централизованной системы государственного управления в сфере обеспечения государственной безопасности с сосредоточением полномочий по обеспечению государственной безопасности в одном федеральном органе исполнительной власти, разработать и принять соответствующие проекты федеральных законов «О службе в органах обеспечения государственной безопасности» и «Об органах обеспечения государственной безопасности» (с. 152).

Несмотря на изложенные достоинства диссертационного исследования, работа имеет некоторые недостатки и рассуждения, требующие дополнительной аргументации или более четкого пояснения:

1. Прежде всего следует отметить допущенные неточности формулировок методологических признаков исследования. Примером этого является определение объекта исследования, к которому соискатель относит общественные отношения, складывающиеся в процессе поступления на государственную службу в органы обеспечения государственной безопасности, а также в процессе прохождения государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности, динамику и перспективы их развития (с. 7). С учетом избранной темы исследования («Административно-правовое регулирование государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности») наиболее полным определением объекта было бы включение в него также общественных отношений по поводу прекращения государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности. Как отмечает А.Ю. Деревянов, прекращение военной службы — это прекращение публично-правовой связи военнослужащего с государственной военной организацией, в которую входят и органы государственной безопасности [3, с. 165]. Данные положения не отражены в пред-

мете и задачах исследования и не получили своего отражения в диссертационном исследовании.

Также к методологической погрешности исследования следует отнести попытку автора определить понятия «отбор кандидатов» и «подбор кандидатов» (положение N 6, с. 14). В данном случае автором допускается логическая ошибка в определении, именуемая в науке «порочный круг», суть которой заключается в том, что одно понятие определяется с помощью другого понятия, которое, в свою очередь, определяется через первое. В частности, диссертант понятие «отбор кандидатов» предлагает определить как этап подбора, который заключается в поиске кандидатов на службу, а «подбор кандидатов» — как комплекс мероприятий, заключающийся в оценке отобранных кандидатов на соответствие установленным требованиям и ограничениям, результатом которого может быть решение о зачислении в штат.

2. В диссертации весьма обзорно рассматриваются концепции государственной службы, классификации и взаимодействие органов обеспечения государственной безопасности с ветвями государственной власти. Например, при обращении к вопросу о концепции государственной службы (с. 54-55) автор в сжатом виде приводит политическую, правовую и социальную концепции, фактически лишь их упоминает. Характеристика правовой концепции сводится к цитированию работы Г.В. Атаманчука, социальная концепция приводится как институциональная. Обозначенный в качестве альтернативного подхода деятельностный аспект государственной службы не раскрывается и по смыслу не отличается от политической концепции.

При изучении вопроса о классификации государственной службы в диссертации используются лишь три общеизвестные в науке административного права классификации, одна из которых следует из содержания Федерального закона от 27 мая 2003 г. N 58 «О системе государственной службы Российской Федерации» (с. 55-57), авторское видение по данному вопросу не приводится.

Аналогичным образом рассматриваются вопросы взаимодействия органов обеспечения государственной власти. На-

пример, вопросы взаимодействия с законодательной властью сводятся только к участию Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в назначении руководителей органов безопасности и возможности парламентского контроля (с. 57-58), вопросы взаимодействия с исполнительной властью ограничены определением статуса федеральной службы (с. 58-60), вывод о том, что органы обеспечения безопасности не относятся к судебной власти, является очевидным и не требует специального исследования (с. 61).

В связи с этим возникает не только ряд исследовательских вопросов, но и сомнение в целесообразности обращения в диссертационном исследовании к настоящим вопросам в приведенном объеме и цели их изучения.

3. Следует не согласиться с диссертантом в том, что признаками, позволяющими отнести вид профессиональной деятельности к особому виду государственной службы, являются: функционально-целевое содержание профессиональной деятельности граждан Российской Федерации и особый правовой статус сотрудников, который выражается, с одной стороны, в нормативном закреплении прав, обязанностей, ограничений, гарантий, ответственности, с другой стороны — в нормативном закреплении особого порядка прохождения службы, а также еще 10 признаков, которые в основном охватываются понятиями условий прохождения службы и статуса государственного служащего.

Во-первых, такой подход не в полной мере согласуется с принципом единства правовых и организационных основ государственной службы, предполагающим законодательное закрепление единого подхода к организации государственной службы (ст. 3 Федерального закона от 27 мая 2003 г. N 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»).

Во-вторых, предлагаемые критерии, такие как повышенные требования к состоянию здоровья, морально-психологическим качествам, уровню физической подготовки, специальные правила, устанавливающие служебную дисциплину; императивный метод правового регулирования служебных отношений; наличие

ведомственных знаков отличия; специальные полномочия, в том числе по применению оружия, специальных средств и физической силы и др., присущи также военной службе и иным видам государственной службы, прохождение которых предусмотрено в органах внутренних дел, в уголовно-исполнительной системе и других системах, и не всегда достаточен для их разграничения, при этом зачастую они являются едиными.

В-третьих, функционально-целевое содержание профессиональной деятельности также не может служить признаком обособления вида государственной службы. Например, выполнение задач, стоящих перед конкретной системой органов государственной власти, может осуществляться при прохождении как отдельного вида государственной службы, так и государственной гражданской службы. Примером являются войска и органы Росгвардии. В соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 г. N 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» войска национальной гвардии Российской Федерации являются государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина (ст. 1)*. При этом в войсках национальной гвардии предусматриваются военная служба, служба в войсках национальной гвардии Российской Федерации, служба в органах внутренних дел и государственная гражданская служба (ст. 24).

Представляется, что основными критериями разграничения видов государственной службы, как это сложилось в административной науке, продолжают оставаться занимаемые должности государственной службы и присваиваемые в соответствии с ними звания (воинские, специальные), классные чины и дипломатические ранги.

4. С учетом отмеченного в предыдущем пункте также нельзя согласиться с выводом диссертанта о том, что государственная служба в органах обеспечения государственной безопасности является

отдельным (особым) видом государственной службы (с. 11, 71, 149). В соответствии с федеральными законами от 10 января 1996 г. N 5-ФЗ «О внешней разведке» (ст. 7), от 3 апреля 1995 г. N 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (ст.ст. 16, 16.1), Положением о Федеральной службе охраны Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 7 августа 2004 г. N 1013**, в органах ФСБ России, СВР России и ФСО России предусматривается прохождение двух видов государственной службы: гражданской и военной. Согласно (ст. 6) Федерального закона от 27 мая 2003 г. N 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» военная служба — вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на воинских должностях или не на воинских должностях в случаях и на условиях, предусмотренных федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах, осуществляющих функции по обеспечению обороны и безопасности государства. Таким образом, законодательство о государственной службе достаточно четко определяет виды государственной службы (военной и государственной гражданской) в органах обеспечения государственной безопасности и не требует их расширения или модификации.

Отмеченные замечания и рекомендации носят дискуссионный характер и не влияют на общую положительную оценку диссертационного исследования, являющегося самостоятельным и обладающим внутренним единством, содержащего выводы и предложения, которые могут быть учтены при совершенствовании законодательства и правоприменительной практики.

Автореферат соответствует диссертационному исследованию и отражает его основные научные положения и выводы.

** См.: Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 7 авг. 2004 г. N 1013 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 32. Ст. 3314.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 27. Ст. 4159.

Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в 5 научных работах, в том числе в 4 рецензируемых научных изданиях. Перечень публикаций отражает основное содержание научной работы.

Изложенное дает основание для вывода о том, что:

1. Диссертация О.В. Бобровниковой на тему «Административно-правовое регулирование государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности» является актуальным, самостоятельным, завершенным научным исследованием, обладающим внутренним единством, содержащим новые результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты. Исследование, проведенное соискателем, может рассматриваться как научно-квалификационная работа, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для публично-правовых (государственно-правовых) наук.

2. Диссертационное исследование О.В. Бобровниковой соответствует научной специальности 5.1.2. Публично-пра-

вовые (государственно-правовые) науки. Полученные автором диссертации научно-практические результаты свидетельствуют о его личном вкладе в изучение вопросов административно-правового регулирования государственной службы в органах обеспечения государственной безопасности.

3. Основные научные результаты диссертационного исследования опубликованы в рецензируемых научных изданиях.

4. Диссертационная работа О.В. Бобровниковой соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, установленным абз. 2 п. 9, пп. 10 и 11 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. N 842 «О порядке присуждения ученых степеней».

5. Соискатель Бобровникова Ольга Владимировна заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Список источников

1. Ларькина А.П., Свешникова Л.Н. К вопросу о формировании системы государственной службы в современной России // Вестник Российского университета кооперации. 2016. N 2. С. 106-110.
2. Ванюшин Я.Л. Законодательное регулирование правоохранительной службы Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. N 1. С. 132-137.
3. Деревянов А.Ю. Правовое регулирование прекращения военной службы в органах государственной безопасности // Государственная служба и кадры. 2018. N 2. С. 164-167.

References

1. Lar'kina A.P., Sveshnikova L.N. On the Formation of the Civil Service System in Modern Russia. Bulletin of the Russian University of Cooperation, 2016, no. 2, pp. 106-110. (In Russ.).
2. Vanyushin Ya.L. Legislative regulation of the law enforcement service of the Russian Federation. Law and order: history, theory, practice, 2015, no. 1, pp. 132-137. (In Russ.).
3. Derevyanov A.Yu. Legal regulation of termination of military service in state security agencies. Civil service and personnel, 2018, no. 2, pp. 164-167. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.4

Отзыв на диссертацию В.А. Машлякевича «Расследование мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи»*

Евгений Владимирович Смахтин,

доктор юридических наук, профессор, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, smaxt@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4686-4093>

Аннотация. В отзыве официального оппонента раскрываются основные положения исследования соискателя. Подчеркиваются актуальность и новизна работы, обусловленные тем, что в настоящее время так называемое телефонное мошенничество вызывает особую озабоченность у сотрудников правоохранительных органов, прежде всего потому, что нередко невозможно определить место нахождения мошенника и установить его личность. В связи с этим большинство таких преступлений остаются нераскрытыми, а вред, причиненный потерпевшим, во многих случаях не возмещается. Отмечаются положительные моменты диссертации, теоретическая и практическая значимость, результаты апробации и интересные выводы автора. Приводятся критические замечания, послужившие поводом для научной дискуссии в ходе публичной защиты.

Ключевые слова: расследование преступления, мошенничество, средство телефонной связи, криминалистическая характеристика, типичная следственная ситуация, предмет мошенничества, механизм следообразования

Для цитирования: Смахтин Е.В. Отзыв на диссертацию В.А. Машлякевича «Расследование мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 3 (73). С. 90-95.

Review of the dissertation of V.A. Mashlyakevich "Investigation of frauds committed using the telephone facilities"

Evgeny V. Smakhtin,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Tyumen State University, Tyumen, Russia, smaxt@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4686-4093>

Abstract. The official opponent's review reveals the main provisions of the applicant's research. The relevance and novelty of the work are emphasized, due to the fact that the so-called telephone fraud is currently of a particular concern for law enforcement officers, primarily because it is often impossible to locate the fraudster and establish his or her identity. Therefore, most of these crimes remain unsolved, and the harm caused to affected persons is in many cases not compensated. Some positive aspects of the dissertation paper, its theoretical and practical significance, the approbation results and interesting conclusions of the author are highlighted. Some critical comments giving rise to the scientific discussion during the public defense are provided.

Keywords: crime investigation, fraud, telephone facilities, forensic characteristics, typical investigatory situation, subject to fraud, mechanism of trace-forming

For citation: Smakhtin E.V. Review of the dissertation of V.A. Mashlyakevich "Investigation of frauds committed using the telephone facilities" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 3 (73). P. 90-95.

* Машлякевич В.А. Расследование мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. Барнаул, 2024. 240 с.

Актуальность темы диссертационного исследования не вызывает сомнений, поскольку информационные технологии применяются в настоящее время во всех сферах жизнедеятельности общества и государства. Все чаще указанные технологии применяются в целях совершения мошенничества с использованием средств телефонной связи, о чем свидетельствуют приведенные автором статистические данные. При этом наглядно проявляется неуклонный рост количества рассматриваемых мошеннических действий в общей массе мошенничества.

Автор обращает внимание на межрегиональный характер и специфические методы сокрытия следов преступлений, вызывающие очевидные сложности в доказывании, особенно при удаленном нахождении участников уголовного судопроизводства. Соответственно, для сотрудников, осуществляющих расследование, необходима разработка практических рекомендаций и тактических приемов производства следственных действий.

Соискатель корректно определил объект и предмет исследования, его цель и задачи. Изучение текста диссертации и автореферата дают основание для вывода о том, что определенные автором задачи исследования успешно решены, а его цель достигнута.

Достоверность результатов исследования, их репрезентативность подтверждаются теоретической, нормативно-правовой и эмпирической основами исследования. Автором использовано 222 литературных источника. В работе проанализированы нормы уголовно-процессуального законодательства, материалы судебной практики, труды отечественных ученых по дисциплинам, составляющим блок уголовно-правовых наук.

Научная новизна исследования не вызывает сомнений и определяется тем, что диссертантом получены новые научные знания, касающиеся расследования мошенничества, совершенного с использованием средств телефонной связи; аргументирован вывод о том, что следует понимать под рассматриваемым видом мошенничества; обоснованы структура и содержание элементов криминалистической характеристики; выделены типичные исходные

ситуации расследования; определены основные направления деятельности субъектов мошенничества, совершаемого с использованием средств телефонной связи, на первоначальном этапе расследования; предложена классификация типичных следственных ситуаций последующего этапа расследования; определены особенности деятельности субъектов расследования при производстве следственных действий и назначении экспертиз.

Сформулированные в диссертации выводы, отраженные в выносимых на защиту положениях, расширяют пределы научного знания в исследуемой области, что, несомненно, характеризует работу с положительной стороны. Некоторые из них представляют особый научный интерес.

Очевидна и теоретическая значимость исследования, поскольку работа вносит определенный вклад в развитие общей теории криминалистики. В результате исследования расширены и углублены теоретические знания, касающиеся расследования преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Теоретические выводы автора могут быть использованы в качестве основы дальнейших научных изысканий по исследуемой тематике.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью непосредственного использования полученных результатов в правоприменительной деятельности следователей (дознавателей) и судей. Ряд положений диссертации также может найти свое применение в образовательном процессе организаций высшего образования, готовящих специалистов в области юриспруденции; в повышении уровня квалификации, профессиональной подготовки следователей, лиц, производящих дознание, оперуполномоченных, судебных экспертов (специалистов) и др.

Работу отличает системность и проработанность рассматриваемых вопросов, уважительное отношение автора к иным позициям в науке, а также его умение доказывать собственную точку зрения, анализировать, обобщать и критически оценивать правоприменительную практику. Соискатель продемонстрировал умение корректно вести научную дискуссию, грамотно обрабатывать статистическую ин-

формацию и иной эмпирический материал, нормативно-правовые и доктринальные источники.

Основные результаты диссертации отражены в 23 подготовленных и опубликованных работах, 9 из них включены в журналы, входящие в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, а также в докладах и выступлениях на конференциях различных уровней.

Основные результаты диссертационного исследования в порядке их апробации внедрены в деятельность Главного следственного управления ГУ МВД России по Кемеровской области, Следственного управления УМВД России по г. Барнаулу, Следственного управления УМВД России по г. Новосибирску, Отдела организации дознания ГУ МВД России по Алтайскому краю, а также в учебный процесс филиала ВИПК МВД России в г. Набережные Челны, Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург) и Барнаульского юридического института МВД России.

Структура диссертации выстроена логично: по принципу от общего к частному. Это позволило автору изучить частные вопросы с точки зрения их подчиненности общей цели и научным задачам. Вследствие этого все выводы взаимосвязаны, каждый последующий вывод является продолжением ранее полученных результатов. Логической взаимосвязью характеризуются и положения, вынесенные на защиту. Работа отличается внутренним стилевым и содержательным единством, последовательностью изложения материала.

Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

Во введении обоснована актуальность темы исследования, показана степень ее научной разработанности, определены цель и задачи, объект и предмет, обозначены методологическая основа, теоретическая и эмпирическая базы, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на за-

щиту, излагаются сведения об апробации результатов исследования и структуре работы (с. 4-16).

Первая глава — «Криминалистическая характеристика мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи» — состоит из четырех параграфов (с. 19-112).

В первом параграфе — «Понятие и структура криминалистической характеристики мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи» — автор обращает внимание на широкое распространение средств связи как в повседневной деятельности граждан, так и в деятельности государственных органов.

Определено, что в ходе совершения преступлений злоумышленники используют мобильную телефонную связь, а также IP-телефонию, осуществляя при этом телефонные соединения с абонентами, пользующимися мобильными и стационарными телефонами. На основе анализа указанных данных диссертантом сформулировано определение понятия мошенничества, совершаемого с использованием средств телефонной связи.

Во втором параграфе — «Сведения об обстановке и предмете хищения при совершении мошенничеств с использованием средств телефонной связи» — установлено, что основным предметом преступного посягательства рассматриваемого вида преступлений являются денежные средства в наличной либо безналичной форме. При этом в определенных условиях обстановки преступления (нахождение субъекта преступления вне мест лишения свободы) в качестве дополнительного предмета может выступать иное имущество (изделия из дорогостоящих металлов, ювелирные украшения и др.).

В третьем параграфе — «Сведения о типичной личности субъекта преступления, посреднике преступления и типичной личности потерпевшего» — соискатель обращает внимание на то, что субъектом преступления является мужчина 26-30 лет со средним либо неполным средним образованием, имеющий судимость за преступления имущественного характера либо отбывающий наказание в исправительном учреждении, коммуникабельный, уверенный в себе, преследующий корыстную

цель, а также имеющий определенные знания в области информационно-телекоммуникационных технологий.

Отличительной чертой мошенничества, совершаемого с использованием средств телефонной связи, является участие в нем лиц, выполняющих посреднические функции в процессе передачи потерпевшим денежных средств субъекту преступления.

На основе анализа эмпирических данных предложены два вида типичной личности потерпевшего, характеристика которой обусловлена психологическими и возрастными особенностями, а также типами ложной информации, используемой субъектом преступления при его совершении.

Четвертый параграф — «Сведения о способе преступления и средствах совершения мошенничеств с использованием средств телефонной связи. Сведения о механизме следообразования» — посвящен остальным элементам криминалистической характеристики. Отдельно автор выделил специфику действий по сокрытию рассматриваемого вида преступлений.

Соискатель также сделал вывод о том, что механизм следообразования рассматриваемого вида преступлений — это процесс взаимодействия двух и более объектов в общей системе преступления, завершающийся отражением во внешнем мире, памяти человека либо устройстве накопления электронно-цифровой информации следов-отображений, содержащих криминалистически значимые сведения о преступном событии и его участниках.

Вторая глава — «Проверка сообщений о мошенничествах, совершаемых с использованием средств телефонной связи. Первоначальный этап расследования» — состоит из трех параграфов (с. 95-150).

В первом параграфе — «Исходные ситуации, возникающие при проверке сообщений о мошенничествах, совершаемых с использованием средств телефонной связи, и порядок их разрешения» — рассматриваются две исходные ситуации. Первая, предполагающая передачу наличных денежных средств (иного имущества) непосредственно субъекту либо посреднику преступления, характеризуется преобладанием идеальной следовой информации.

Диссертантом с учетом данной особенности предлагается перечень следственных и иных процессуальных действий по ее разрешению. Вторая исходная ситуация, предполагающая передачу денежных средств в наличной или безналичной форме посредством технического оборудования (мобильный телефон, платежный терминал, банкомат и др.), характеризуется наличием электронно-цифровых следов ввиду отсутствия непосредственного контакта субъекта либо посредника преступления с потерпевшим. Перечень следственных и иных процессуальных действий, направленных на разрешение второй исходной ситуации, также учитывает установленную особенность.

Во втором параграфе — «Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи, и порядок их разрешения» — автор рассматривает организационные и тактические особенности их разрешения.

При этом соискатель верно отмечает, что деятельность субъектов расследования направлена на разрешение основной задачи в виде установления лица, совершившего преступление, которое ведется параллельно по двум направлениям: 1) установление следов, связанных с процессом осуществления телефонных соединений; 2) установление следов движения денежных средств, переданных потерпевшим субъекту преступления.

В третьем параграфе — «Особенности производства отдельных следственных и иных процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении и на первоначальном этапе расследования мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи» — рассматриваются организационные и тактические особенности некоторых из них.

В частности, обоснована необходимость проведения осмотра места происшествия и осмотра предметов, например мобильного телефона, принадлежащего потерпевшему.

Диссертантом выявлена заслуживающая внимания зависимость перечня обстоятельств, которые необходимо установить при допросе потерпевшего, от типичного

вида передаваемой ему субъектом преступления ложной информации.

Обоснованно выделены автором и особенности допроса семи категорий свидетелей. По каждой указанной категории приведен перечень обстоятельств, подлежащих установлению.

При этом подчеркивается, что допрос свидетеля — лица, которому потерпевший рассказал о факте совершения преступления, характеризуется наличием следующих ситуаций: 1) допрашиваемый узнал от потерпевшего, что в отношении последнего совершено преступление; 2) допрашиваемый узнал от потерпевшего, что его родственник либо другой знакомый человек попал в неприятную ситуацию и ему требуется финансовая помощь, то есть преступление совершается в данный момент, однако потерпевший об этом не догадывается.

Третья глава — «Последующий этап расследования мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи» — состоит из двух параграфов (с. 151-187).

Первый параграф — «Типичные следственные ситуации последующего этапа расследования мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи, и порядок их разрешения» — посвящен рассмотрению трех групп типичных следственных ситуаций последующего этапа расследования.

Во втором параграфе — «Особенности производства отдельных следственных действий на последующем этапе расследования мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи» — автором акцентировано внимание на особенностях допроса обвиняемого. Подчеркивается, что тактические приемы ведения допроса обвиняемого в совершении преступлений рассматриваемого вида избираются в зависимости от сложившейся к этому моменту типичной следственной ситуации второй группы последующего этапа расследования.

К основному виду судебных экспертиз, проводимых при расследовании рассматриваемого вида преступлений, автор относит фоноскопическую судебную экспертизу. В исследовании определен перечень объектов, необходимых для проведе-

ния данной экспертизы, и предъявляемые к ним требования.

В заключении подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и предложения, а также перспективы дальнейшей разработки темы.

Следует отметить логичный, последовательный план диссертационной работы, ясный, юридически грамотный стиль изложения. Соискателем в рамках научной дискуссии очень корректно ведется полемика. Диссертационное исследование выполнено на высоком теоретическом уровне, отличается аргументированностью, практической направленностью. Диссертацию отличает приведение убедительных примеров из практики судов и правоохранительных органов. Выводы и предложения диссертанта основываются на обширном эмпирическом материале и результатах проведенного им опроса сотрудников правоохранительных органов и судов.

Диссертация и автореферат оформлены в соответствии с предъявляемыми требованиями, автореферат отражает содержание диссертационного исследования и основные научные выводы. Вышеизложенное характеризует диссертацию как самостоятельную, завершенную научную работу, отличающуюся внутренним единством, имеющую существенное значение для развития уголовно-правовых наук.

Вместе с тем, как и иные монографические работы, диссертация вызывает ряд дискуссионных вопросов, которые могут явиться поводом для научной полемики:

1. На с. 29-30 диссертации автор рассуждает относительно наивысшей, средней и низкой степени абстракции криминалистической характеристики преступлений, а затем на с. 30 делает вывод о том, что каждому виду или группе преступлений присущи свои специфические особенности, установление которых важно для проведения полного и объективного расследования уголовного дела. Этот вывод автора нуждается в дополнительной аргументации, поскольку не совсем ясно, какие особенности имеются в виду относительно криминалистической характеристики наивысшей степени абстракции.

2. На с. 41 автор ссылается на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г.

Н 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором определено место совершения мошенничества. Вместе с тем в цитируемое постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации вносились изменения, которыми места совершения мошенничества определялись иным образом. Поскольку в работе эти сведения отсутствуют, то необходимо уточнение автором своей позиции в ходе публичной защиты.

3. На с. 69 выделены две наиболее типичные категории потерпевших. В их числе замужние женщины, трудоустроенные, в возрасте от 20 до 50 лет, а также одинокие женщины, пенсионеры, старше 60 лет. Сомнительно, что это все известные практике категории потерпевших. Следует отметить, что жертвами телефонного мошенничества довольно часто становятся и мужчины.

4. На с. 107 автор дает понятие следственной ситуации через призму совокупных данных о мошенничестве, выделяя как объективные, так и субъективные факторы. По сути, автор опирается на позицию Р.С. Белкина, В.П. Лаврова и многих других. Однако на с. 109 при определении типичных следственных ситуаций автор в их основу ставит информационный компонент о наличии (отсутствии) информации, что более соответствует позиции Л.Я. Драпкина и В.Н. Карагодина об информационно-модельном характере следственной ситуации.

5. К основному виду судебных экспертиз, проводимых при расследовании рассматриваемого вида преступлений, автор относит фоноскопическую судеб-

ную экспертизу (с. 169-187). Данное утверждение нуждается в дополнительной аргументации, поскольку, по мнению оппонента, существует ряд других экспертиз, которые проводятся по рассматриваемому виду мошенничества. В их числе, например, компьютерно-техническая экспертиза, имеющая немаловажное значение для успешного расследования мошенничества рассматриваемого вида

Вывод: диссертация В.А. Машлякевича на тему «Расследование мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи» является завершенной научно-квалификационной работой, подготовленной на актуальную тему, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития уголовно-правовых наук.

Диссертация В.А. Машлякевича, представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки) полностью соответствует указанной научной специальности и требованиям пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. N 842*, а ее автор — Машлякевич Вячеслав Андреевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

* О порядке присуждения ученых степеней: постановление Правительства Российской Федерации от 24 сент. 2013 г. N 842: ред. от 16 окт. 2024 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Научная специальность: 5.1.4, 5.1.2

Рецензия на информационно-аналитический бюллетень «Противодействие коррупции»*

Алексей Витальевич Сумачев,

доктор юридических наук, профессор, Тюменский государственный университет; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, alekssumachev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1133-9574>

Аннотация. Подчеркивается актуальность и значимость рецензируемого издания для изучения проблем коррупции в Российской Федерации. Отмечается, что бюллетень содержит обширный анализ дисциплинарной практики в отношении лиц, уволенных в связи с утратой доверия, а также сведения о юридических лицах, привлеченных к административной ответственности за незаконное вознаграждение. Анализ охватывает период с 1 января 2020 г. по 31 декабря 2024 г. и отражает ключевые тенденции, такие как гендерный состав уволенных и их распределение по регионам. Рекомендации, основанные на результатах исследования, имеют практическое значение для органов власти и организаций, способствуя разработке более эффективных антикоррупционных мер. Сделан вывод о том, что информационно-аналитический бюллетень является важным инструментом, который следует использовать в процессе формирования антикоррупционной политики в условиях внесения изменений в законодательство и общественного запроса на прозрачность публичной власти.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, дисциплинарная практика, утрата доверия, юридическое лицо, административная ответственность

Для цитирования: Сумачев А.В. Рецензия на информационно-аналитический бюллетень «Противодействие коррупции» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 3 (73). С. 96-99.

Review of the information-analytical bulletin "Combating corruption"

Alexey V. Sumachev,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Tyumen State University; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Russia, alekssumachev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1133-9574>

Abstract. The relevance and importance of the reviewed publication for studying the corruption problems in Russia are emphasized. It is noted that the bulletin contains an extensive analysis of disciplinary practices in relation to persons dismissed due to the loss of trust, as well as information on legal entities held administratively liable for illegal remuneration. The analysis covers the period from January 1, 2020 to December 31, 2024 and reflects such key tendencies as the gender composition of the dismissed and their regional distribution. It is stated that the recommendations based on the research results are of practical importance for authorities and organizations and will contribute to developing more effective anti-corruption measures. It is concluded that the information-analytical bulletin is an important tool that should be used in the process of forming both the anti-corruption policy in the context of amending the legislation and the public demand for transparency of public authorities.

Keywords: anti-corruption policy, disciplinary practices, loss of trust, legal entity, administrative liability

For citation: Sumachev A.V. Review of the information-analytical bulletin "Combating corruption" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 3 (73). P. 96-99.

* Противодействие коррупции: информационно-аналитический бюллетень (2024) / Ю.В. Трунцевский, А.М. Цирин, В.В. Севальнев [и др.]. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юриспруденция, 2025. 96 с.

Актуальность информационно-аналитического бюллетеня «Противодействие коррупции» (далее также — Бюллетень) определяется как теоретической, так и практической значимостью его содержания.

Бюллетень представляет собой важный, основанный на серьезном научном фундаменте [1; 2; 3; 4; 5] аналитический отчет, в котором освещаются результаты дисциплинарной практики в отношении лиц, уволенных в связи с утратой доверия, а также привлечения юридических лиц к административной ответственности по ст. 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях («Незаконное вознаграждение от имени юридического лица»). В условиях современного общества, в котором коррупция остается одной из наиболее острых проблем, данный бюллетень приобретает особую актуальность.

Издание предназначено для представителей государственных органов, компетентных в вопросах противодействия коррупции, представителей организаций корпоративного сектора, практикующих юристов, преподавателей, аспирантов и студентов юридических факультетов и институтов.

Первый раздел Бюллетеня охватывает данные за период с 1 января 2020 г. по 31 декабря 2024 г. и содержит обширный анализ информации о 4136 уволенных лицах. Это позволяет не только оценить масштабы проблемы, но и выявить ключевые тенденции, такие как гендерный состав уволенных, распределение их по должностям и субъектам Российской Федерации. Данная информация является необходимой для понимания структуры коррупционных рисков и может служить основой для разработки более эффективных мер по их минимизации.

Второй раздел Бюллетеня фокусируется на анализе данных о юридических лицах, привлеченных к административной ответственности за незаконное вознаграждение. Это подчеркивает комплексный подход к проблеме: рассматриваются действия организаций в той или иной сфере экономики, что позволяет представить коррупцию в более широком контексте. Визуализация данных и систематизация

информации делают отчет доступным для анализа как специалистами в области права, менеджмента и экономики, так и широкой аудиторией.

Рекомендации, сформулированные на основе проведенного анализа, имеют практическое значение для органов власти и организаций. Они могут помочь в разработке более четких механизмов применения законодательства в сфере противодействия коррупции и улучшении дисциплинарной практики.

Таким образом, Бюллетень является актуальным инструментом для анализа состояния борьбы с коррупцией в Российской Федерации. Он не только предоставляет ценную информацию о текущих тенденциях и проблемах, но и предлагает пути их решения. В связи с постоянным внесением в законодательство изменений и общественным запросом на прозрачность работы государственных структур подобные аналитические отчеты становятся необходимыми для формирования эффективной антикоррупционной политики. Коррупция остается одной из наиболее острых проблем современного общества, оказывая негативное влияние на экономическое развитие, социальную справедливость и доверие граждан к государственным институтам. В условиях глобализации и интеграции в международное правовое поле вопросы противодействия коррупции становятся особенно важными.

Бюллетень решает несколько ключевых задач:

- анализ данных о дисциплинарной практике: Издание содержит систематизированный анализ результатов дисциплинарной практики в отношении лиц, уволенных в связи с утратой доверия. Это позволяет выявить тенденции и закономерности увольнений, что может быть полезно для оценки эффективности существующих антикоррупционных мер;

- выявление гендерных и должностных характеристик: сбор и анализ данных о гендерном составе и группах должностей, которые занимали уволенные лица, помогает понять, какие категории работников наиболее подвержены рискам утраты доверия. Это может способствовать разработке целевых программ по повыше-

нию этических стандартов в определенных сферах;

- результаты сравнительного анализа показателей дисциплинарной практики в субъектах Российской Федерации позволяют выявить регионы с наименьшим и наибольшим количеством увольнений в связи с утратой доверия, а также определить регионы, в которых необходимо усилить контроль и профилактические меры;

- обобщение информации о юридических лицах — правонарушителях: анализ данных о юридических лицах, привлеченных к административной ответственности за незаконное вознаграждение, позволяет выявить основные источники коррупционных рисков на уровне организаций. Это будет способствовать разработке более строгих мер контроля за деятельностью таких организаций;

- формулирование рекомендаций: на основе проведенного анализа сформулированы рекомендации по сложным вопросам применения законодательства в сфере противодействия коррупции. Такие рекомендации могут быть использованы как органами власти, так и организациями для улучшения своей практики;

- визуализация данных: обобщение и визуализация данных делают информацию более доступной для анализа и понимания как специалистами, так и широкой аудиторией. Это способствует повышению прозрачности и информированности о проблемах коррупции;

- поддержка научных исследований: Бюллетень служит основой для дальнейших научных исследований в области антикоррупционной политики, предоставляя исследователям актуальные данные и аналитические выкладки.

Таким образом, Бюллетень выполняет важную роль в систематизации знаний о коррупционных рисках и мерах противодействия им, что способствует формированию более эффективной антикоррупционной политики на всероссийском уровне.

Издание обладает высокой практической направленностью, содержит рекомендации по совершенствованию антикоррупционной политики, которые основаны

на реальных примерах и исследованиях. И, действительно, можно согласиться с тем, что результаты проведенного исследования и разработанные подходы к анализу данных, приведенные в Бюллетене, могут стать основой для создания системы мониторинга эффективности применяемых мер профилактики коррупционных правонарушений, работы соответствующих подразделений федеральных органов исполнительной власти, государственных органов субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления (с. 67).

Таким образом, информационно-аналитический бюллетень «Противодействие коррупции», подготовленный Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, представляет собой важный вклад в исследование и анализ антикоррупционного законодательства и практики его применения в России.

Проведенное исследование утраты доверия как межотраслевого правового феномена, основанное на обширных эмпирических данных, позволяет глубже понять механизмы и последствия применения антикоррупционных норм. Визуализация данных и аналитические выкладки делают информацию более доступной и понятной для широкой аудитории, включая представителей государственных органов, юридического сообщества и образовательных организаций.

Исходя из полученных результатов и рекомендаций, дальнейшее совершенствование антикоррупционной политики в Российской Федерации представляется осуществимым. В этом контексте Бюллетень является ценным инструментом для анализа текущей ситуации в сфере противодействия коррупции и может служить основой для разработки более эффективных мер по борьбе с этим явлением на всех уровнях, он предлагает полезные рекомендации и глубокий анализ ситуации, а учитывая предложенные рекомендации, можно значительно повысить его ценность для исследователей, практиков и широкой аудитории заинтересованных читателей.

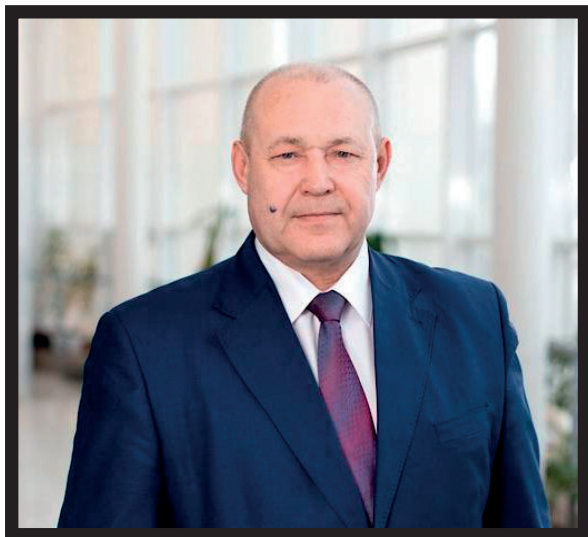
Список источников

1. Антикоррупционная этика и служебное поведение: научно-практическое пособие / Н.А. Абузярова, М.В. Залоило, В.И. Кузнецов [и др.]; под ред. И.И. Кучерова, А.М. Цирина. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018. 124 с.
2. Антикоррупционное правовое воспитание: научно-практическое пособие / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, Ю.В. Трунцевский [и др.]; под ред. Д.А. Пашенцева. Москва: Проспект, 2020. 144 с.
3. Антикоррупционное просвещение в Российской Федерации: научно-практическое пособие / отв. ред. Т.Я. Хабриева. Москва: Проспект, 2021. 144 с.
4. Беляева О.А., Трунцевский Ю.В., Цирин А.М. Правовые механизмы противодействия коррупции в сфере корпоративных закупок: научно-практическое пособие / отв. ред. И.И. Кучеров; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва: Контракт, 2019. 160 с.
5. Противодействие коррупции в сфере бизнеса: научно-практическое пособие / Ю.В. Трунцевский, Р.А. Курбанов, А.М. Цирин [и др.]; отв. ред.: Т.Я. Хабриева, О.С. Капинус. Москва: Юриспруденция, 2020. 256 с.

References

1. Abuzyarova N.A., Zaloilo M.V., Kuznetsov V.I. [i dr.]. Anti-corruption ethics and official conduct: a scientific and practical guide. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2018. 124 p. (In Russ.).
2. Pashentsev D.A., Zaloilo M.V., Truntsevsky Yu.V. Anti-corruption legal education. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 144 p. (In Russ.).
3. Anti-corruption education in the Russian Federation. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 144 p. (In Russ.).
4. Belyaeva O.A., Truntsevsky Yu.V., Tsirin A.M. Legal mechanisms for combating corruption in the field of corporate procurement. Moscow, Kontrakt Publ., 2019. 160 p. (In Russ.).
5. Truntsevsky Yu.V., Kurbanov R.A., Tsirin A.M. [i dr.]. Countering corruption in the business sector. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2020. 256 p. (In Russ.).

Раздел 9. In memoriam

Светлой памяти профессора Киреева Валерия Витальевича...

28 июля 2025 года, на 64-м году жизни скоропостижно скончался известный ученый-государствовед и крупнейший специалист в области конституционного права Киреев Валерий Витальевич.

Валерий Витальевич Киреев — доктор юридических наук, профессор, автор теории конституционных рисков, руководитель научной школы конституционного правотворчества на Урале, автор более 150 научных работ по общей теории конституционных рисков, уважаемый учитель и наставник, эксперт в области законодательной деятельности и талантливый руководитель.

Профессор Киреев Валерий Витальевич — человек науки с большой буквы. В 1986 году он с отличием окончил Свердловский юридический институт (ныне — Уральский государственный университет имени В.Ф. Яковлева), поступил в аспирантуру и после ее окончания в 1994 году начал свою научную и педагогическую деятельность с должности старшего преподавателя Челябинского государственного университета. Пройдя этапы исследовательской и творческой стези от преподава-

теля до директора института, Валерий Витальевич воспитал плеяду успешных юристов-правоведов и практиков, работающих в Челябинской области и на Урале.

В 2023 году возглавил научно-исследовательскую лабораторию в Институте права Челябинского государственного университета, где активно продолжил научные исследования, посвященные проблемам выявления, оценки, минимизации неблагоприятных последствий конституционных рисков в современной России; проблемам реформирования Конституции Российской Федерации; развитию концепции суверенитета в отечественном конституционном праве.

Валерий Витальевич продолжительное время работал в экспертно-консультативном совете при Комитете по гражданскому праву, гражданскому процессуальному праву, арбитражно-процессуальному праву и исполнительному производству Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, был членом научно-консультативного совета Федерального арбитражного суда Уральского округа, членом экспертного совета Законодательного собрания Челябинской области, представителем Законодательного собрания Челябинской области в квалификационной комиссии Адвокатской палаты Челябинской области, членом диссертационного совета Д 212.298.16 при Южно-Уральском государственном университете.

За успехи и достижения в науке и образовании Валерий Витальевич награжден почетными грамотами Законодательного собрания Челябинской области и Министерства образования и науки Челябинской области, медалью Следственного комитета Российской Федерации «За содействие», Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ, благодарностью руководства Федеральной антимонопольной службы за заслуги в обеспечении свободы конкуренции и эффективной защиты предпринимательства.

В научной среде Валерий Витальевич пользовался заслуженным авторитетом, был бессменным членом редакционных советов и коллегий научных журналов, среди которых: «Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право», «Правопорядок: история, теория, практика», «Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право», «Право и государственность». Работы Валерия Витальевича Киреева получили отражение и на страницах журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика». В настоящем номере журнала

публикуется последняя статья Валерия Витальевича.

Жизнь и деятельность ученого оборвалась внезапно, но его научные идеи будут всегда востребованы и отечественное научное сообщество будет всегда хранить память о талантливом ученом и творческом человеке.

Коллектив Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России выражает глубокие соболезнования родным и близким Валерия Витальевича Киреева и передает самые теплые слова поддержки.

Для заметок